

АМУР

Литературный альманах БГПУ,
№ 19. – Благовещенск: Издатель-
ство БГПУ, 2020. – 132 с., илл.

ISSN 1999-4095

Учредитель:
ФГБОУ ВО «БГПУ»

Адрес редакции и издателя:
675000, г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104.

Редакционная коллегия:

А.В. Урманов – главный редактор
Н.В. Киреева – зам. гл. редактора
Е.В. Воропай
И.Д. Игнатенко
С.И. Красовская
В.Г. Лецик
О.А. Рыкова – секретарь

Графическая модель, обложка:
С.Д. Ладыгин

Вёрстка:
В.Г. Лецик

Альманах зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия.

Свидетельство ПИ №ФС77-
31530 от 21 марта 2008 г.

© Благовещенский государственный
педагогический университет –
составление, 2020

Отпечатано в типографии
ООО "Издательский дом Дважды два",
676920, Благовещенский район,
с. Чигири, пер. Печатников, 1.

Подписано к печати 10.11.2020.
Дата выхода 10.12.2020.
Формат А4. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 15,35.
Тираж 200 экз. Зак. 36187.
Цена свободная

АМУР

Литературный альманах БГПУ

2020

№ 19

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилейное

Вера ЩЁКИНА. БГПУ – 90! <i>Слово ректора</i>	2
Анатолий ДЕРЕВЯНКО. Годы студенчества. Почему я поступил в Благовещенский пединститут. Как я стал археологом	3
Игорь ИГНАТЕНКО. «Каталина». <i>Рассказ</i>	10
Владислав ЛЕЦИК. «Ну что, брат Пушкин?..»	17
Александр ГЕРАСИМОВ. Корнет. Россыпи. Первое и второе	18
Станислав САХОНЧИК. Мамина шкатулка	21
Владимир КУПРИЕНКО. Икру – ложкой... ..	23
Павел НИКИТКИН. Доценты с кандидатами... Голубь. Комар	25
Анна ЗАБИЯКО. <i>Истории:</i> Уроки русского. О чебурашках и прочей нечисти. Про любовь и костюмы	27
Сергей СОНИН. Право быть собой. <i>Глава из будущего романа</i>	33
Нина МОСКОВСКАЯ. Большое начинается с малого	38
Валерий ТОКМАКОВ. С благодарностью и наилучшими пожеланиями	40

Поэтическая встреча

Виталий АМУРСКИЙ. О, сколько лет, как станций, – прочь и мимо... ..	42
Ольга КРУТИКОВА. Не знаю, как озаглавить грусть... ..	46
Наталья ЛАПТЕВА. А вы сдали анализ на ложь?... ..	51
Татьяна ЯРУШИНА. Разбираю себя на части... ..	53

Дебют

Иван ЕВДОКИМОВ. Урна для воспоминаний	54
Екатерина КОСЫХ. Лётчик	55
Ольга ДОЛГОРУК, Юлия КЛЕПАЧЁВА, Алёна МАКАРОВА, Виктория ШЕРЕМЕТ. «Теперь мы целое...». <i>Стихи и проза представителей</i> <i>литературного клуба студентов БГПУ</i>	58

Россия – Китай: диалог культур

Ли ЯНЬЛИН. «Даже если тяжело, я шагаю вперёд!». <i>Интервью провели</i> <i>Наталья Киреева и Татьяна Самойленко</i>	61
Анна АРКАТОВА. Дорожные «жалобы», или Немного о восприятии русским Китая ...	66

Критика и литературоведение

Станислав ФЕДОТОВ. Подъём на вершину. <i>К юбилею Александра Герасимова</i>	74
Александр УРМАНОВ. Мистер Спик, Мисс Нелли и Жорж д'Артю. <i>История о том,</i> <i>как неизвестное прежде фото помогло раскрыть загадки творчества Ф. Чудакова</i>	75
Ольга КРУТИКОВА. Опера в тайге. <i>Читая Фёдора Чудакова</i>	86

Страницы прошлого

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Писательство – как письмо родной матери. <i>Вспоминая</i> <i>Бориса Маиука</i>	89
Евгений ПАРШИН. «Одинокая» поэтесса из Благовещенска. <i>Жизненная судьба</i> <i>Елизаветы Юхоцкой</i>	93
Елизавета ЮХОЦКАЯ. «Я живу только сказкой, пленительным сном...». <i>Публикация А. Урманова</i>	96
Александр УРМАНОВ. Неоконченная история о том, как «Амурец» едва не перестал быть амурцем. <i>Предисловие к путевым очеркам Ф. Чудакова 1917 года</i>	101
Фёдор ЧУДАКОВ. Навстречу весне. Хроника телячьего экспресса. <i>Путевые очерки</i>	107

In memoriam

О Юрии Павловиче Сергиенко (1949–2020). <i>Воспоминания коллег и друзей</i>	114
--	-----

Уважаемые коллеги и ветераны педагогического труда!

Уважаемые студенты и выпускники всех поколений!

Дорогие друзья – все, кто так или иначе связан с нашей любимой alma-mater!

Примите самые искренние и добрые поздравления по случаю знаменательной даты – 90-летия БГПУ!

Нашему славному, старейшему на Дальнем Востоке педагогическому вузу исполнилось 90 лет – немалый срок, в течение которого сменилось не одно поколение студентов и преподавателей.

Мы по праву гордимся яркими страницами биографии университета, именами тех, кто стоял у его истоков, кто формировал традиции, кто заслужил определение «поколение титанов». В их числе Ф.А. Цвид, В.П. Малышев, А.И. Ельяшук, Я.С. Бугров, А.Н. Алексеев, И.Я. Дьяков, К.А. Тимофеев, Н.К. Шульман, В.В. Белоглазов, А.В. Лосев, А.И. Вайсман, М.С. Юсупова, Е.П. Сычевский, Б.С. Сапунов, Н.А. Шиндялов, В.М. Брысина, Г.А. Груздев, С.Г. Бугрименко, В.М. Ступников, Ю.П. Сергиенко...

На протяжении без малого столетия мы, вместе со всей страной, прошли непростой путь, преодолели множество испытаний, пережили немало блистательных достижений и временных неудач и при этом всегда были нацелены на созидание, на развитие, на самое деятельное участие в подготовке будущего нашей Родины. За девять прошедших десятилетий университет выпустил более пятидесяти тысяч специалистов, которые нашли применение своим знаниям, умениям и талантам во многих сферах, прежде всего в образовании.

Сегодняшний БГПУ – современный, динамично развивающийся вуз. Коллектив университета уделяет большое внимание совершенствованию учебного процесса, внедрению современных образовательных технологий, разработке отвечающих духу времени программ. Мы стремимся готовить высококлассных специалистов новой формации, которые обладают большим профессиональным и нравственным потенциалом, а потому востребованы в различных сферах деятельности.

Выпускники БГПУ трудятся во всех уголках нашей необъятной Родины. Многие из них достигли высокого профессионального и общественного статуса, стали народными и заслуженными учителями России, руководителями образовательных учреждений, известными учёными, писателями, журналистами, государственными деятелями.

Особая признательность – старшему поколению преподавателей, ветеранам университета за их подвижничество, за огромный вклад в становление и развитие вуза, за те бесценные знания и любовь к профессии, которые они передают своим ученикам. Мы гордимся и сегодняшними преподавателями – теми, кто обеспечивает преемственность традиций и в то же время поднимает вуз на новые, более высокие орбиты.

Мои сердечные поздравления – студенческому братству всех поколений – и прошлых, и сегодняшнего!

Желаю всем здоровья, счастья и жизненного благополучия! Новых творческих и научных достижений, дальнейших успехов в нашем большом и важном деле!

A stylized handwritten signature in dark ink, located below the printed name of the Rector.

Ректор БГПУ
Вера Витальевна Щёкина

16.10.2020 г.

Анатолий ДЕРЕВЯНКО

академик РАН,
выпускник БГПИ 1963 года

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА

В 1959 году я и мой друг Игорь Игнатенко, в будущем известный поэт, прозаик, очеркист, критик, литературный редактор, поступили в Благовещенский пединститут. С Игорем я познакомился в 1954-м, когда его семья переехала из Хабаровска в Тамбовку и поселилась в двух кварталах от нашего дома. Игорь был единственным сыном замечательных родителей. Его отец, Даниил Сергеевич, работал зампреда райисполкома, и я хорошо помню его высокую художавую фигуру, внимательный и немного суровый взгляд. Он каждый день рано утром проходил мимо нашего дома на работу, а поздно вечером возвращался назад. Мама Игоря, Нина Александровна, – настоящая русская красавица, всегда доброжелательная и приветливая, к сожалению, рано ушла из жизни. Она работала директором книжного магазина, и мы часто забежали к ней и просматривали вновь поступившие на продажу книги. Иногда эти просмотры длились часами, но она никогда не торопила нас, а только просила не испачкать страницы.

В год нашего поступления в институт было очень дождливо, Зоя разлилась на многие километры. Руководство области делало всё, чтобы спасти урожай. Нас, абитуриентов, хорошо сдавших экзамены, ещё до приказа о зачислении отправили в колхоз на осенние работы. Там мы познакомились со многими будущими сокурсниками. Особенно помнятся мне Николай Недельский – хороший поэт, Валентин Догодайло – талантливый музыкант, Женя Ерофеев, Боря Лопухов, Саша

Филоненко, Женя Метёлкин и многие другие старые и милые друзья. Как часто я вас вспоминаю в минуты отдыха! Мы с Игорем были младшие на курсе: нам исполнилось по шестнадцать. А старшему из нас, Анатолию Кузьмину, было уже двадцать восемь. Он многое повидал в жизни. Служил в Военно-морском флоте, после службы плавал на судах торгового флота. Володя Марьин и Боря Сапунов поступили в институт после работы и службы в армии. Марьин вскоре стал председателем студенческой профсоюзной организации. Курс у нас был замечательный, жили весело и дружно. Уже в первый год отметили комсомольскую свадьбу, на которую мужская часть курса зарабатывала деньги на ликёроводочном заводе и железной дороге.

Мы учились на историко-филологическом факультете. Курс был разбит на две группы: в одной большее внимание уделялось истории, в другой – филологии. Но оба направления изучали все студенты. Например, я за время учёбы написал под руководством Валентины Михайловны Брысиной – замечательного педагога и человека – курсовые работы по неологизмам Владимира Маяковского и по лирике Сергея Есенина

Глубокий след в памяти оставили наши преподаватели – умные, доброжелательные. Со многими у нас установились дружеские отношения. На первом курсе наш куратор Борис Афанасьевич Лебедев часто приходил вечерами в общежитие, где за чашкой чая велись долгие разговоры «за жизнь». На факультете был только один профессор – Василий Прокофьевич Малышев. Он мастерски читал нам несколько курсов лекций, в том числе «Основы археологии». Небольшого роста,

коренастый, чуть грузноватый. Ему тогда было где-то за пятьдесят, но мне он казался человеком почтенного возраста. Однажды на перемене я сидел с кем-то из знакомых ребят на подоконнике. Мимо с большим портфелем проходил Василий Прокофьевич. Остановившись и посмотрев на нас, с некоторым осуждением сказал: «Молодые люди, студентам не интеллигентно сидеть на столе и на подоконнике». Это замечание я запомнил на всю жизнь и больше никогда не повторял ошибки.

С большой теплотой вспоминаю Евгения Петровича Сычевского, Василия Михайловича Ступникова, супругов Нину Петровну и Виктора Максовича Шенкевец, Николая Антоновича Шиндялова, Анатолия Ивановича Денисова. Особенно восхищал меня Анатолий Васильевич Лосев – настоящий эрудит, энциклопедист. Немного грузноватый, с большим лбом, ределящими светлыми волосами, он мне почему-то напоминал Пьера Безухова. Доброта его и душевная щедрость не знали границ... Да простят меня многие другие

ушедшие из жизни талантливые педагоги, что не могу назвать всех. Преподаватели института не были особенно обременены учёными степенями и званиями. Многие из них ушли из жизни кандидатами наук, а некоторые и вовсе без учёной степени. Но я помню их содержательные, а порой и блестящие лекции. Они были настоящими педагогами – знающими, доброжелательными, честными людьми, оставившими в моей душе и сердце самые добрые воспоминания. Приведу только один случай, который мог изменить мою судьбу, но благодаря вмешательству двух замечательных людей – Василия Михайловича Ступникова и Евгения Петровича Сычевского – этого не произошло

Два студенческих общежития и учебный корпус отапливала одна кочегарка. В зимнее время кочегарами работали студенты – посменно, по двенадцать часов без перерыва. Дежурили один раз в течение четырёх суток. Если работаешь в ночную смену, то разрешалось не ходить на дневные лекции. Платили за такую работу 20 рублей

в месяц. На втором курсе я тоже устроился кочегаром. Хорошо помню январские морозы 1961 года. Ночью температура опускалась до минус сорока. Я принял ночную смену от моего сокурсника Коли Овчарука. Порядок был такой. В конце смены каждый кочегар чистил топки, а их было четыре. Перед этим отключал систему отопления общежитий и учебного корпуса, затем подбрасывал в топки хорошего угля, включал отопление и сдавал смену.

Кочегарка находилась в подвальном помещении. Я спустился вниз, спросил у Коли, включил ли он отопление. В ответ Коля кивнул: «Всё в порядке». Перед

Восьмой «Б» со своим наставником Е.П. Крутовым. В верхнем ряду четвёртый справа – Анатолий Деревянко. Третий слева – Анатолий Дробязкин, рядом Алексей Селивёрстов, второй справа – Игорь Игнатенко. Тамбовка, 1956 г.

Выпускной десятый «Б». В верхнем ряду третий справа – Игорь Игнатенко, четвёртый – Анатолий Деревянко. Тамбовка, 1959 г.

началом смены всегда стараешься максимально поднять температуру в котлах, потому что к 4–5 часам устаёшь, и необходимо давать себе отдыхать. За окном было ниже сорока градусов. Уголь плохой – одна пыль. Часа два-три я беспрерывно работал, стараясь поднять температуру, а когда посмотрел на градусник, красная отметка приближалась к восьмидесяти. У меня пробежал холодный пот по спине. Нас предупреждали, что система старая и нельзя поднимать температуру выше семидесяти пяти. Единственный способ сбить температуру – открыть дверцы топок, но в этом случае от холодного воздуха происходит шлакование. Пришлось мне тяжёлым четырёхметровым ломом взламывать шлак, грузить его на тачку и отвозить в отвалы, а затем загружать все топки заново. Благо, я заранее заготовил хороший уголь. Через час-полтора я снова посмотрел на градусник. Температура снова приближалась к восьмидесяти. Я бросился открывать дверцы топок. Но тут меня как будто кто-то ударил по голове: а точно ли Коля включил отопительную систему?.. Я бросился к вентилям – они закрыты! Выходит, я полночи топил только кочегарку... Следующие два-три часа мне пришлось беспрерывно готовить уголь, грузить на тачку, загружать топки. Часов в пять на пороге кочегарки появились три фигуры. Сквозь чад (кочегарка старая, вентиляция плохая) я не обратил внимания на их появление, тем более что зимой в кочегарку иногда приходили бомжи – согреться, переброситься в карты. Люди подошли ближе, и я увидел ректора института Фёдора Авраамовича Цвида, секретаря парткома и секретаря профсоюза.

В то время в общежитии вместе со студентами жили несколько преподавателей. Угловую комнату, которая зимой промерзала, занимала старший преподаватель факультета физвоспитания и спорта Таисия Денисовна Башмакова. И в ночь моего дежурства она не выдержала холода в комнате и позвонила ректору. Жалоб на холод в общежитиях и до этого было много. Ректор собрал своих коллег, и они приехали навестить кочегара, выяснить, почему батареи чуть тёплые. Ректор сразу стал кричать на меня. Я был «на взводе» от усталости и ответил ему грубо. Он крикнул: «Я посажу тебя!» У меня, воспитанного в селе, в рабочей семье, начавшего рано зарабатывать деньги, всё «вскипело» в душе и в сердце, пришлось послать его далеко-далеко...

После окончания смены я вернулся в общежитие и лёг спать. Часов в одиннадцать меня кто-то будит. Открываю глаза. У кровати стоит Василий Михайлович Ступников и спрашивает, что случилось. Оказывается, ректор уже подписал приказ о моём отчислении из института. «Надо извинить-

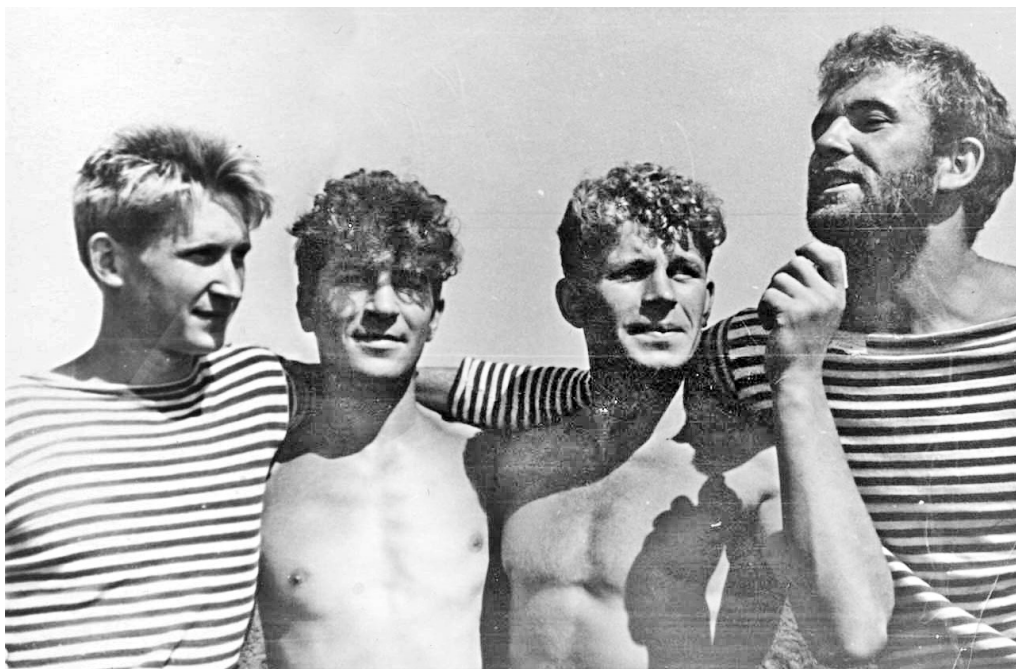
ся», – говорит Василий Михайлович. Извиняться я не пошёл и неделю не ходил на занятия. Однажды иду из библиотеки и встречаю Евгения Петровича Сычевского, в те дни проректора по научной работе. Поздоровались. Сычевский спрашивает: «А ты почему не был на занятиях?» Отвечаю, что меня исключили. Он покачал головой: «Марш на занятия». Оказывается, они вдвоём – Ступников и Сычевский – уговорили ректора отменить приказ. Разве после этого можно забыть этих двух людей редкой душевной красоты?

Спустя год ректор Ф.А. Цвид подписал письмо министру просвещения РСФСР с просьбой разрешить мне окончить институт экстерном. И в 1963-м я поступил в аспирантуру к академику А.П. Окладникову в Отдел гуманитарных исследований Сибирского отделения АН СССР. С ректором БГПИ я встретился после того памятного разговора только в 1964-м, когда, уже будучи аспирантом, пришёл к нему с просьбой направить студентов в экспедицию. Мы мило побеседовали, он угостил растворимым кофе (тогда это была большая редкость). Мою просьбу решил положительно. Фёдора Авраамовича Цвида я тоже вспоминаю с душевной теплотой.

ПОЧЕМУ Я ПОСТУПИЛ В БГПИ

В жизни я всем обязан родителям, Царство им Небесное! Родился я 9 января 1943 года на маленьком хуторе Успеновка, который исчез в 1960-е. В Успеновке не было своего сельсовета. Хутор являлся бригадой крупного колхоза «Приамурье», который многие годы возглавлял выдающийся организатор Михаил Максимович Ступников. Колхоз был лучшим в Амурской области. Сельский совет в те годы находился в Козьмодемьяновке, и в метрике в графе о месте рождения стоит у меня название этого села.

Мой отец, Пантелей Алексеевич, прожил трудную, но, думаю, счастливую жизнь. В шесть лет он остался сиротой. В 1918-м японцы убили его отца, а через несколько месяцев ушла из жизни и его мать. Отец помнил, что их было восемь детей, и все разбрелись по свету. По линии отца родственников мы не знаем. И фамилия Деревянко, думаю, не родовая. Два года отец был поводырём у старого человека, возможно, даже не родственника. Они просили милостыню по деревням и благодаря человеческой доброте, несмотря на Гражданскую войну, с голоду не умерли. В 1920-м старик умер прямо на дороге. Видимо, от инфаркта. В холщовом мешочке остались какие-то до-

1962 год.
Студенты
на раскопках
осиноозёрской
культуры.
Первый слева –
Анатолий Деревянко,
второй справа –
Борис Сапунов

кументы, и восьмилетнего мальчишку записали на фамилию Деревянко.

Двенадцать лет, до 1932-го, отец батрачил. По его рассказам, хозяин оказался жестоким человеком. Отцу приходилось поздней осенью босым ухаживать за скотиной. Официальный трудовой стаж у моего отца был бы гораздо больше, если бы к нему прибавили эти двенадцать батрацких лет. Умер он на работе в 1982-м, в возрасте 70 лет. Разговаривал, а потом на полуслове замолк – и навсегда... Работал отец трактористом, на комбайне, а когда в 1946-м семья переехала в Тамбовку, возглавил бригаду строителей. Зарплата была маленькой, и летом, когда наступали длинные дни, бригада дополнительно строила коровники и другие сооружения в колхозе «Амурский партизан», который тоже находился в Тамбовке.

Мама, Евдокия Семёновна (в девичестве Голубничая), тоже всю жизнь работала. Она была из середняцкой семьи, её отца арестовали в 1937-м, и о нём у родных не было больше никаких сведений. Мои родители имели на двоих полтора класса церковноприходской школы. У меня было два старших брата: Борис, 1936 года рождения, и Алексей, 1940-го. Родители нам говорили: «Учитесь, учитесь!» Собственно, семья и переехала из Успенówki в Тамбовку потому, что Борису надо было ходить в школу за восемь километров в Козьмодемьяновку. Мы, трое братьев, следовали совету родителей, которых любили.

Старший брат Борис стал талантливым инженером и организатором крупного производства, работал много лет заместителем директора комбината «Бор» в Дальнегорском районе При-

морского края. Это было одно из крупнейших промышленных предприятий Приморья. К сожалению, он ушёл из жизни в 56 лет. Средний брат Алексей – профессор, доктор исторических наук, хорошо известный своими работами по истории России не только у нас в стране, но и за рубежом. Он умер в 62 года, в самом расцвете творческих сил.

Мне повезло, что у меня оказались такие талантливые братья. Я всегда старался быть похожим на них. Мы рано начали трудиться – не только помогать родителям по хозяйству, но и зарабатывать деньги. Первая моя «получка» – 132 рубля, которые я заработал в девять лет, помогая старшим братьям и их друзьям, когда они трудились в организации «Заготзерно». К одиннадцати годам я уже стал «кадровым» рабочим. После школы – неделя на отдых и рыбалку, а потом работа до окончания летних каникул. Приходилось работать штукатуром, бетонщиком, разнорабочим. В Тамбовке в 1957 году был построен Дом культуры, где мы со сверстниками закладывали фундамент, настилали полы. О нашей работе на кирпичном заводе у Игоря Игнатенко в его книге «Свет памяти» есть рассказ «Рацуха», воссоздающий атмосферу нашего трудового отрочества.

Я очень благодарен родителям за такое детство. Оно приучило меня трудиться, что я и делаю всю свою жизнь. Первый раз я попал в санаторий в Кисловодске только в 2015 году после операции на сердце.

Я горжусь своими родителями, братьями, сверстниками. Многие мои одноклассники стали известными людьми: Игорь Игнатенко – признан-

ный писатель; Галя Косырева – старший преподаватель на физмате БГПУ, замечательный педагог; Женя Мартынович – доктор физико-математических наук, многие годы успешно возглавлял филиал Института лазерной физики СО РАН в Иркутске. Рита Кузнецова окончила естгеофак, вышла замуж за Колю Недельского, стала кандидатом наук и возглавляла кафедру философии в родном вузе. И другие одноклассники много добрых дел сделали в своей жизни. Дорогие друзья, я горжусь вами!

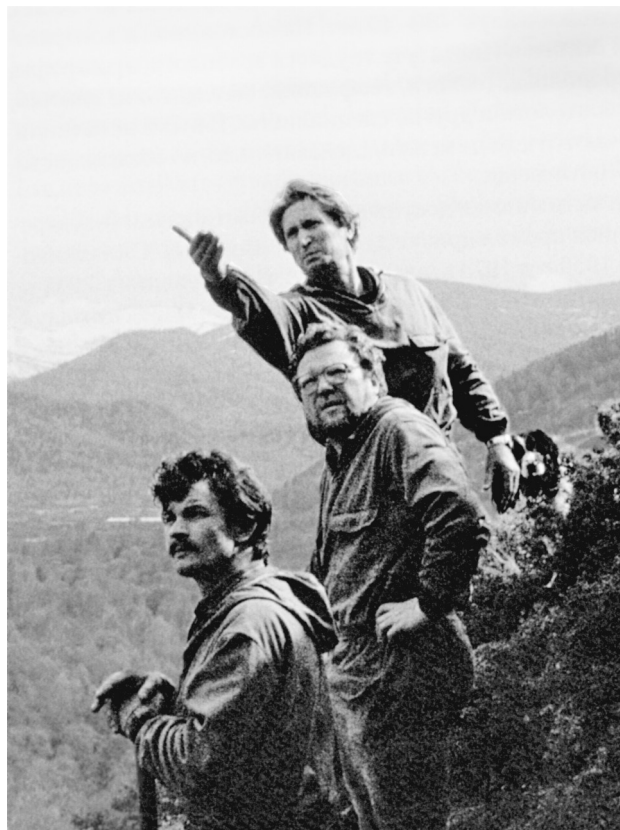
Вспоминая детство, я всегда с особым чувством и благодарностью думаю о книгах. В пять лет я научился читать. Первая книга, которую я взял в районной библиотеке, – сказка «Двенадцать месяцев». Книги... Каждый день они открывали передо мной новое и неизвестное. В одной из своих научно-популярных книг об археологии я написал: «Радуюсь за своего сына, сегодняшних мальчишек и девчонок, которым столько ещё предстоит пройти этой увлекательной дорогой, открывая и познавая огромный мир на страницах прочитанных книг».

В старших классах я пытался писать стихи, заметки в газеты. Одну из заметок опубликовала «Пионерская правда». В десятом классе опубликовал в районной газете короткий рассказ «Жаворонок». И думал стать журналистом. Но факультет журналистики находился тогда, по-моему, только в МГУ. Родители, посоветовавшись, сказали: «Продадим корову, будут деньги, и ты сможешь поехать в Москву учиться». Но я понимал, что родители не могут лишиться кормилицы. Как же я благодарен моим родителям! Светлая им память.

Любовь к литературе, к истории и привела меня в Благовещенский педагогический институт, который вспоминаю с ностальгией, начиная с тяжёлых дубовых входных дверей, светлых уютных аудиторий и суматохи во время перерывов. У меня осталось огромное чувство благодарности к преподавателям, самые тёплые воспоминания о сокурсниках. Кто ещё жив – долгих и счастливых лет вам, дорогие друзья! Кто ушёл из жизни – вечная память.

КАК Я СТАЛ АРХЕОЛОГОМ

В детстве я зачитывался книгами о путешествиях в неведомые страны, о раскопках забытых городов, древних гробниц. Особенно меня увлекали книги наших русских первопроходцев-исследователей. Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов были моими любимыми авторами. Книгу Козлова «Монголия и Амдо и

В археологической разведке. Слева направо: доктор исторических наук А.Н. Зенин, член-кор. РАН В.И. Молодин, академик А.П. Деревянко. Окрестности пещеры Страшная, северо-запад Алтая. 1987 г.

мёртвый город Хара-Хото» я прочитал несколько раз. Меня манили степи далёкой загадочной Монголии, мир удивительных находок и открытий.

Значительно позже я узнал, что загадочный город Хара-Хото некогда был цветущей столицей тангутского государства Си Ся – грозного соперника Китая и монголов за владычество в Центральной Азии. В 1227 году Хара-Хото разрушили монголы. По древним восточным преданиям, у стен его умер грозный завоеватель Чингисхан.

Прошло много лет с тех пор, как я впервые, по книгам, познакомился с миром загадок и приключений. Но чувство, что необычное и интересное где-то там, далеко, «за тридевять земель», оставалось.

И совершенно неожиданно летом 1961 года я узнал, что в Приамурье приезжает археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова. Алексей Павлович Окладников уже в те годы был известным не только у нас в стране, но и в мире учёным. Впоследствии он стал академиком, Героем Социалистического Труда, автором нескольких десятков книг и сотен статей.

Письмо в пединститут пришло в конце августа, перед началом занятий, вернее, перед поезд-

кой в село на уборку урожая. В те годы в сентябре студенты, как правило, выезжали на сельхозработы. В экспедицию по нашему желанию институт направил троих студентов: Бориса Сапунова, Лёву Гудкова и меня. Лёву я давно потерял из виду; надеюсь, что он стал хорошим человеком. А о Боре Сапунове хочу сказать особо. Это был совершенно необычный человек: редкой порядочности и душевной красоты, бескорыстный, готовый помочь любому. Он пришёл в институт после техникума, работы, службы в армии – уже зрелым человеком и покори́л всех сокурсников честностью, открытостью и доброжелательностью. А главное – покори́л очаровательную нашу сокурсницу Аллу Макаровну Чмелёву, которая стала его любящей женой и помощницей.

После окончания института Сапунова сразу назначили директором Амурского областного краеведческого музея, а потом он перешёл на работу преподавателем в пединститут и стал одним из самых любимых профессоров. Его действительно любили студенты, я уверен, что многие поколения выпускников вспоминают Бориса Семёновича самым добрым словом. Известный и талантливый учёный, он открыл немало новых археологических памятников в Амурской области и принимал участие в их исследовании. Воспитал любящих историю и археологию учеников. Мы провели с ним многие экспедиции. Это был неутомимый полевой исследователь с прекрасной интуицией и жадой научных открытий. Он был одним из самых близких моих друзей и остаётся в памяти таким же Борей Сапуновым, как и шестьдесят лет тому назад. Он воспитал достойных учеников, которые продолжают его дело. Среди них Дмитрий Петрович

Болотин, Денис Павлович Волков, Олег Анатольевич Шеломихин и другие.

Когда мы узнали об экспедиции, нам с Борей показалось странным, что Окладников собирает что-то найти в местах, знакомых нам с раннего детства. «Неужели здесь, в Амурской области, может быть что-нибудь особенное?» – спрашивали мы друг друга. Но утро 9 октября 1961 года запомнилось мне на всю жизнь.

Накануне, поздно вечером, мы приехали к большому холму под названием Гора-Шапка, расположенному в шести километрах от старинного казачьего села Поярково. Много преданий и легенд бытует среди местных жителей об этом холме. В одной легенде рассказывается, как много веков назад на это место пришёл какой-то великий полководец и приказал воинам построить большую крепость. Люди носили землю в шапках и насыпали этот гигантский холм, а потом укрепили вершину неприступными рвами и бастионами. Отсюда якобы и пошло название – Гора-Шапка. Житель села Поярково казак Иван Сафронович Измайлов даже написал об этой крепости стихотворение:

Я медленно еду равниной открытой,
Кой-где по ложбинам кустами покрытой.
Налево пестреют покосы и нивы,
Направо синеют Амура извивы.
А прямо – вот памятник прошлого века,
Стоит, сохраняя след дел человека,
Гора, и в народе ей Шапка название...
.....
Как пояс по ней, освящённый веками,
Высокий и прочный чернеется вал.

Академики
В.В. Кулешов,
А.П. Деревянко,
С.Н. Багаев.
Большой зал
Дома учёных
Сибирского
отделения РАН.
2017 г.

У входа в БГПУ. Слева направо: В.М. Паршин, И.Д. Игнатенко, А.П. Деревянко, Б.С. Сапунов. Благовещенск, 3 июня 2001 г.

Разгадать загадку этой крепости и должна была экспедиция.

Ночные сумерки плотно окутали землю, и в этот вечер нам не удалось осмотреть древнюю крепость.

На следующий день, рано утром, я выбрался из палатки и через несколько минут уже карабкался по крутому склону холма, густо поросшему дубняком и берёзой. Вот, наконец, и вершина... Сквозь предраассветную мглу отчётливо проступали некогда прочные бастионы и глубокие рвы. На восточном склоне холма виднелись площадки, на которых в старину стояли здания.

Величественной и грозной казалась крепость. И тут из-за горизонта брызнули лучи солнца... Серебристый огонь мгновенно разлился по бескрайней равнине, перекинулся на юго-запад, где за широкой лентой Амура голубели могучие цепи

Хингана. И казалось, что сейчас крепость проснётся, наполнится шумом, жизнью. Сотни стражей в боевых доспехах встанут на стенах, в кузницах зажгутся горны, купцы на рынке начнут бойкий торг, по улицам с шумом и гамом побегут босоногие ребяташки...

Раздался протяжный гудок, и из-за поворота вышел сверкающий запоздалыми огнями теплоход. Нет, не откроются ворота этой крепости, не заполнятся говорливым людом её улицы. Город давно уснул мёртвым сном, закутав в покровы неизвестности «след дел человека». Я стоял в глубоком раздумье. Как хотелось мне узнать, чьими руками были воздвигнуты эти грандиозные валы и рвы, от кого готовились обороняться жители этой крепости. Впервые в жизни я столкнулся с неразрешимой загадкой, и это мучительное состояние духа усугублялось ещё и тем, что именно от нас, участников экспедиции, зависела разгадка.

– Сможем ли мы выведать у города его тайну? – с этим вопросом я и обратился к Алексею Павловичу Окладникову.

– Вот уже тридцать с лишним лет я слушаю рассказы древних памятников о давно прошедших временах, – с доброй улыбкой сказал мне учёный. – Но для того, чтобы они заговорили, нужны колоссальный труд и терпение, может статься, нескольких поколений исследователей. Исход научного поиска решит будничная, каждодневная работа всех участников нашей и последующих экспедиций. Только спустя несколько лет станет известно, свидетелем и участником каких событий была эта крепость...

Всё это заставило меня по-иному взглянуть на мир. Оказывается, в тех местах, где я родился и вырос, тоже много удивительного и интересного. И право же, памятники амурской истории по своей научной ценности немногим уступают сокровищам скифских курганов или египетским пирамидам.

С тех пор прошло много лет. Тропа, по которой я впервые пробирался к бастионам величественной крепости на Горе-Шапке, стала бесконечной и привела меня в науку. Оглядываясь на прошлое, я снова переживаю счастье первого читателя некоторых страниц Великой Истории Человечества.

Дорогие друзья, я горжусь тем, что окончил Благовещенский государственный педагогический институт (ныне университет), люблю мою малую родину – Амурскую область.

Нам нынче исполнилось 90. По историческим меркам это возраст юности и роста. Впереди – широкие горизонты.

Игорь ИГНАТЕНКО

член Союза писателей России,

выпускник БГПИ 1964 года

И ХРАМ, И ДОМ РОДНОЙ

Юбилейные речи должны быть кратки, как записка другу. Посему отжимаю «воду».

90 лет – ёмкий возраст для человека. Вузы живут дольше, проходя стадии роста от института до университета. Мне выпало счастье присутствовать при первой стадии – институтской, с 1959 по 1964 год. Будем считать это юностью. Тогда набирался ума-разума у А.В. Лосева, Б.А. Лебедева, А.А. Чешева, В.М. Брысиной и многих иных. В памяти теснятся десятки имён. Креп характером в студенческой семье, где заводилами были славные товарищи Боря Сапунов и Володя Марьин. Поболе «пуда соли» съел, порой и всухомятку, с друзьями Толей Деревянко, Колей Недельским и Сашей Филоненко. Иных уж нет...

Именно на вузовской скамье окончательно утвердился в мысли стать литератором. Даже секретарствовал в многотиражке «За педкадры». Ну, а дальше годы журналистики.

ки. Служил корреспондентом областного радио и телевидения, ряда газет. Писал стихи и рассказы, очерки и повести. Начал выпускать свои книги, коих накопилось до сего дня четверть сотни.

Не ставши учителем, утешаю себя мыслью, что не я один такой беглец. Кивну в сторону известных писателей и поэтов, учившихся в институте. Первым назову лауреата Государственной премии Виталия Закруткина. За ним упомяну прекрасного мастера эпического жанра поэмы Игоря Ерёмкина. Членами писательских Союзов стали Станислав Демидов, Павел Никиткин, Валерий Черкесов, Владислав Лецик, Нина Дьякова, Владимир Куприенко, Сергей Сонин, Сергей Кадомцев, Гульчера Быкова, Александр Маликов, Алексей Падалко и Виктор Рыльский.

Мы жили в своём доме, но входили в него как в храм. «Склонялись на долгие моления», говоря пушкинским слогом.

Роняю слёзы памяти и благоговейю. С надеждой смотрю на «племя младое, знакомое».

Поздравляю всех живущих, но почему-то делаю это шёпотом. Без пафоса. Что-то перехватывает горло...

С юбилеем вас, друзья!

«КАТАЛИНА»

Рассказ

Июльское солнце накалило дюралевый фюзеляж самолёта так сильно, что лезть на него босиком было опасно. Того и гляди поджаришься на ходу. Но забраться в это чудо-юдо хотелось пуще всего. Ещё бы, в затоне гидросамолёт появился недавно. Таких здесь доселе не видывали. Плавные линии корпуса словно стремились взмыть в небо с водной глади при помощи двух двигателей. Немного портили картину два выпученных плексигласовых блистера, расположенные сзади, ближе к хвостовому оперению. Они напоминали глаза стрекозы.

Егорка посмотрел на дружка, ища поддержки.

Скуластый, стриженный под короткий чёрный «ёжик» низкорослый Мишка ухмыльнулся и начал, как обычно:

– Слабо первым полезть?

– Будь спок! Ничё не слабо, – окрылся, трянув выгоревшим до белизны боксовским чуб-

чиком, длинненький и худой Егорка. – В любую щель пролезу, лишь бы голову просунуть.

– Ну, давай! Я на васаре постою за катером. Если чё, свистну три раза. Да не копайся долго там!

Полуденное марево восходило над правым берегом Амура. Очертания городских строений дрожали, искажаясь в дымке испарений. Территория гидропорта пустовала. Катера разбежались кто куда вверх и вниз по течению. Кто-то и на ту сторону уплыл, к устью Уссури.

У ангара, где причал вдавался в реку наподобие баржи, покачивались на волнах два старых двукрылых самолётика на длинных поплавках. Моторы были сняты для ремонта в мастерской, располагавшейся на склоне высокой сопки. Гулом и рокотом она наполняла окрестности, страдающие от шумного соседства. Вот и сейчас рёв отлаженного двигателя всполошил чаек, кружив-

шихся над плёсом и высматривавших верхоплавных рыбёшек. Звук обогнул Артиллерийскую сопку и ринулся сквозь кварталы строений вглубь города, достигая северной окраины, где базировалась краснзнамённая флотилия речных военных кораблей.

Очень красиво смотрелся новичок гидропорта. Ну, очень – и всё тут! Длинное тридцатиметровое крыло прикрывало фюзеляж сверху, словно аккуратно уложенный парус. На концах крыла к воде, едва достигая поверхности, опускалась пара поплавков. Серый дюраль корпуса притягивал взгляд военной строгостью и неизвестностью. А что там, внутри?

Сторож порта прячется от жары в будке возле ворот, успокоил себя Егорка. Отсюда далеконочко. Чего ему торчать на солнцепёке? Пора!

Самолёт причален хвостом к берегу. Пирсовый настил ведёт прямёхонько к левому блистеру, рядом с которым свисает лесенка. Ясно дело, здесь и вход.

Пригибаясь пониже, мальчишка достиг цели. Четыре шага по горячим дюралевым перекладинам наверх к блестящему плексигласовому пузырю. Вот задвижка на куполе блистера. Егорка напрягся и потянул вверх обжигающую ладонь рукоятку. Прозрачная крышка сдвинулась и переползла на внешнюю сторону открывшегося проёма. Из недр самолёта шибанул стоялый раскалённый воздух, настоящий на смеси испарений бензина, резиновой вони и чего-то такого, что иначе как авиационным и не назовёшь.

Нырнув в отверстие, Егорка, ослеплённый сиянием солнца и переливчатым отзеркаливанием амурских волн, какое-то время привыкал к сумраку. Люк направо, к хвостовому оперению, не интересовал. Потом, пообвыкнув и приглядевшись к обстановке, двинулся налево. Ему хотелось попасть в пилотскую кабину. Миновал два сиденья под куполами блистеров, перед которыми пустовали крепления от некогда стоявших здесь пулемётов. В шпангоутной переборке его встретил задраенный люк. Он нажал на задвижку, освободил проход и шагнул в новую неизвестность.

В следующем отсеке Егорка попал в некую каюту. Справа и слева на подвесах крепились двухъярусные кровати, похожие на брезентовые носилки. Суровые солдатские одеяла небрежно всклокочены, словно те, кто здесь отдыхал в долгом полёте, спешно покинули лежанки по тревоге.

Очередной отсек посветил сверху двумя узенькими окошками. Там, почти над головой, находилось кресло с непонятными рычагами по бокам.

Ударяясь о неведомые железяки, лазутчик пробрался, хватаясь руками за препятствия, до следующего люка. Новый отсек с узким прохо-

дом между двумя столами оказался посветлее. В прямоугольные удлинённые окна по оба борта устремлялись внутрь снопы света, словно прожекторы. На левом столе распластана полётная карта, придавленная солидной линейкой на шарнире. На правом стояли приборы с тумблерами и массой датчиков. К аппаратуре присоединялись наушники с поролоновыми накладками. «Наверно, здесь радист сидит, – догадался исследователь самолётных недр. – И как он только разбирается в этих приборах?»

Вход в пилотскую кабину трудностей не доставил. Обливаясь потом, пыхтя и сдувая капли с кончика носа, любознательный мальчишка шагнул наверх. Два обтянутых коричневой потрескавшейся кожей кресла и штурвалы наподобие автобусных рулей поманили присесть и оценить ситуацию.

Сидушки припекли тощий задок любопытно-го мальчика. Приборная панель ошеломила сложностью и непонятностью. Егорка огляделся и в застеклённом решетчатом потолке обнаружил отполированную пальцами пилотов задвижку. Крышка поехала назад, поддаваясь усилиям мальчишка, и на голову обрушился поток свежего речного воздуха. Теперь можно жить!

Когда тебе десять лет и ты оказался, хотя и тайком, за штурвалом огромного красавца-гидроплана, воображение уносит далеко и высоко. Кажется, вот-вот разбежишься по амурской глади – и взлетишь, словно птица, над белыми кучевыми облаками. Остаётся выбрать маршрут. Может быть, повернуть налево, к устью Уссури, где бугрятся хорошо видные из города сопки-близнецы Два Брата. Там хребет Малый Хехцир, а за ним кручи Хингана. Или повернуть штурвал направо – вниз по реке, над железнодорожным мостом, к хребту Сихотэ-Алинь, вершины которого прорастали из туманной дымки испарений Охотского моря. Самая большая гора, Тордоки-Янги, кутала свою двухкилометровую макушку в некое подобие белой шали, которую не могли сорвать циклоны с Тихого океана. Эх, полететь бы туда, к дальним странам...

Однако пора уходить, Мишка зажался и не похвалит за промедление. У сторожа ружьё, говорят, крупной солью заряжено. Как даст по заднему месту – не обрадуешься.

Задвинув крышку над головой, Егорка добрался до выхода. Закрывать люки в переборках не стал, чтобы дружок не возился долго. Неровен час, застукуют.

Но Мишке не удалось слазить в самолёт. Из будки вышел сторож, и пришлось убегать. Пацаны проскользнули в щель между ангаром и высоким, опутанным колючей проволокой забором.

Затем забрались по каменистой тропинке на крутой откос и уселись за валунами перевести дух. Оба вспотели, несмотря на лёгкость одежки, состоявшей из маек и трусов да тюбетеек на головах. Сандалий не носили за ненадобностью.

Над головами надрывно гудел в гэвээфовской мастерской отремонтированный мотор.

– Это амфибия, – швырнув обгорелым на солнце носом, определил смышлёный Мишка и швырнул камешек вниз. – Вон, видишь, к бортам колёса прижаты. Он и на землю сядет, если надо, не только на воду.

– Амфибия – это лягушка, – показал осведомлённость начитанный Егорка.

– Да уж! Только лягушка не летает, а этот, небось, и Сихотэ-Алинь запросто перемахнёт. Вот увидишь, вырасту – обязательно на таком полечу. Зуб даю! – И Мишка щёлкнул ногтем по выступающим, как у кролика, резцам.

Однако когда ещё представится такая возможность? Егорке весной стукнуло десять лет. Мишка, хотя на полголовы пониже, годом старше. Оба перешли в пятый класс, за одной партой сидели. И в одном доме живут на Батарейной улице. Дом старый, двухэтажный, с двумя подъездами. Семья Гескиных в трёхкомнатной квартире. Отец Абрам Григорьевич – начальник в какой-то строительной конторе. Тётя Сара – домохозяйка. Старшая дочь Галя, статная девушка с толстой волнистой косой, в десятый перешла. Мишка средний отпрыск, после него в семье ещё детсадовец Яшка.

А справа на лестничной площадке в такой же квартире три семьи разместились. В самой большой комнате Гринёвы – Пётр с Зоей и пятилетняя Ленка-задавака с бантиками в тощих косичках. Дядя Петя – инспектор в охотобшестве, с браконьерами борется. Книгочей завзятый. У рыбацкого костра, прихлёбывая ушницу из котелка, он иной раз с усмешкой ронял в товарищеском кругу: «“Капитанскую дочку” помните? Так мы с главным героем полные тёзки. Я ведь тоже Андреевич». Зоя в школе преподаёт географию и заочно учится в пединституте, вечно с книжками на общей кухне сидит.

В комнате поменьше обосновался дядя Гоша, бывший матрос-тихоокеанец. Работает на «Дальдизеле» и тоже заочно, как Зоя Гринёва, учится на инженера. Говорит, что в войну отстал от науки, приходится догонять. Потому и холостяк. Некогда семью заводить.

Ну и в самой маленькой комнатке проживают Маляренки. Это Егоркина семья. В прошлом году Даниила Маляренко направили из Советского района, что в Амурской области, учиться в Хабаровской совпартшколе. Вслед за ним приехали, немного погодя, Нина с сыном Егором. Понача-

лу поскитались в поисках угла, поскольку в общежитии партшколы, где жил отец, семейных не прописывали. Устроились временно у маминой подружки на центральной улице в старинном особняке. Правда, все теснились в однокомнатной квартире.

Вскоре маме повезло: кто-то из её знакомых помог устроиться на работу статистиком в крайсельхозуправлении. Там ей и выдали ордер на проживание в коммуналке. «До лучших времён» – объяснила мама, когда они вселялись в комнатушку три на три метра по улице Батарейной, 10. В старину здесь действительно располагалась артиллерийская батарея Амурского казачьего войска. Как ни тесна комнатка, зато есть балкон, откуда отлично виден и затон, и широкое устье слившихся воедино Амура и Уссури. Но до лучших времён ещё предстояло дожить два года, именно столько требовалось учиться отцу. А там направят дипломированного специалиста советской и партийной работы, куда будет нужно КПСС.

Мальчики подружились прошлой осенью в первые же дни знакомства, несмотря на несходство характеров и привычек. Егорка флегматик, торопиться не любит. Три раза подумает, прежде чем что-то сделает. От отца-украинца он унаследовал тягу к книгам, русской богатой речи, уснащённой звучными «хохлацкими» словечками. Да и артистичная мать передала сыну некоторые сценические приёмы. Например, ей ничего не стоило в нужной ситуации пустить слезу, чтобы разжалобить чиновного человека. Возможно, она и всплакнула, когда хлопотала о комнате на Батарейной. Вот и у Егорки слёзки недалеко прятались, когда жизнь поджимала. Но он старался стискивать зубы и терпеть. Чего бабиться-то? Хабаровские пацаны живо просмеют, городские на словцо куда как острые. Слабины не прощают никому, здесь в почёте сила и терпёжка. Без этого пропадёшь ни за грош.

Зато от Мишки «мокроты» не дождёшься. Постоянно ищет приключений. Гораздый на выдумки, шустрый отрок увлекал Егорку в такие авантюры, о которых сейчас вспоминать – и то мороз берёт. Об одной из них вы уже узнали. Немало было и до сей поры, а то ли ещё предстояло! Но об этом попозже.

Набегавшись до вечера и проголодавшись, дружки возвратились домой и мигом взлетели на второй этаж. Мишка двинулся налево, Егорка направо. На общей кухне в коммуналке шумели разом три примуса под сковородками и кастрюлями, шкворчали и булькали семейные жарёхи-варёхи. Женщины переговаривались, делясь дневными новостями. За большим столом сидели мужчины

и вели беседу. Дядя Гоша в тельняшке отсюда косил глазом в сторону примуса, на котором варил флотский кулеш.

После смерти Сталина в марте такие посиделки вошли в привычку. Жизнь круто менялась, требовалось обсудить набегающие проблемы всесоюзного и мирового масштаба, покуда женщины бытовые нужды утрясают.

Егорка застал дискуссию на животрепещущей теме.

– Со снижением цен лафа долго не продлится, – сипловатым тенорком утверждал отставной тихоокеанский матрос.

– Да, день смеха нынче, наверно, в последний раз отпраздновали, – криво ухмыльнулся в густые усы Гринёв, одетый по-домашнему в майку и полосатые пижамные брюки. Он повернул круглую бритую голову с длинными шрамами на макушке в сторону Егоркиного отца. При этом, как на охоте, вопросительно прищурил левый глаз и скобкой поднял правую бровь, словно целился в пролетающую утку. – Что в твоей взпэша, Даниил, трактуют на сей счёт? Опять пояса потуже затягивать?

– И облигации госзайма покупать, – вставил Костин, – в размере месячного оклада. В войну понятно, надо было помогать отчизне. Но ведь восемь лет прошло.

Высокий и сухопарый Даниил Маляренко, в белой рубаше с высоко закатанными рукавами, пригладил назад и без того ровно зачёсанные русые волосы популярной стрижки под названием «политика»:

– Требуется повышать производительность труда. Скоро партия возьмёт курс на повышение зарплаты трудового населения. Снижение цен не может вечно длиться. Необходимо улучшать качество жизни во всех аспектах, не только в разрезе потребления пищевых и продовольственных товаров, – произнёс Маляренко, словно читал цитату из своего аккуратного конспекта по политэкономии социализма. – Мы живём в окружении капиталистических стран. Войну выиграли, теперь надо побеждать в мирном соревновании.

Перекрывая шум примусов, тётя Зоя крикнула:

– Эй, воины, ложки к бою!

Егорка потыкал чумазыми ладошками в сосок умывальника, смыл пыль дневных приключений. Потом подумал и плеснул пригоршню степлившейся водицы на мордашку. И присоединился к взрослым, поскольку особых приглашений к столу в их коммуналке не требовалось. Каждая семья уселась поглощать своё меню и додумывать недоконченные мысли о житье-бытье.

Самолёт-амфибия «Каталина»

Егорка первым опорожнил тарелку с макаронами и запил сладким чаем. Опасаясь, что взрослые опять начнут обсуждать политику, он сказал ни к кому не обращаясь, но заранее напрягшись в ожидании ответа:

– В затоне возле мастерских новый самолёт появился. Красивый...

Как раз в это время на кухню заглянул Мишка, которого мать послала занять у соседей соли. Услышав Егоркины слова, товарищ тоже наострил уши.

Первым откликнулся Гринёв:

– Двухмоторный? Это «Каталина», американская амфибия. Мы их из Анкориджа через Берингов пролив в сорок четвёртом и сорок пятом перегоняли. Семьдесят штук на Тихоокеанский флот, а на запад побольше. Тогда по ленд-лизу ещё потребители к нам поставляли, «Аэрокобры».

– Опять лазил куда не надо? – сердито спросила мама. – Небось с Мишкой там шныряли?

– Ты не серчай, Нина, – мягко промолвил бывший лётчик. Глаза его заволочило туманной дымкой воспоминаний. – Машина действительно красивая!

Тут и дядя Гоша подал голос:

– Нас на Курилы как раз на «Каталинах» десантировали в сорок пятом, в августе. Скинули оттуда япошек без особого шума, косоглазые только пятками сверкнули.

А Гринёв продолжал, поглаживая шрамы на голове:

– Не поверите, до чего разноплановая машина! Сопровождать транспортные конвои – лучше не найдёшь. На одной заправке сутки в воздухе держится. Под крыльями пара торпед да штук восемь глубинных бомб. А ещё «Каталинка» обнаруживала подводные лодки и топила за милую душу. Локатор у неё мощный! Но это на Атлантике, нам не привелось. На Тихом океане она больше патрульную службу несла. А сколько народу с воды подняли! Она и спасательную шлюпку под плоскостью несла.

– Значит, ты на ней штурманом летал? – уточнил Егоркин отец.

– И на ней тоже, на «Каталине», – откликнулся Гринёв. – А до того на «тэбэшке», тяжёлом, зна-

чит, бомбардировщике, служил. Мы всю войну Квантунскую армию на мушке держали. Но бомбить Японию не додумались. Это уж янки рванули атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки. Сколько народу положили, ужас!

Мать не выдержала наплыва чувств и в сердцах дала леща по макушке сыну:

– Ещё раз полезешь на военный самолёт, домой не приходи! – И удостоила сердитым взглядом Мишку. Ясно, что вдвоём промышляли в порту.

Пётр улыбнулся примиряюще:

– Списывают сейчас ленд-лизовскую технику. Какую прямо на металлолом, под пресс. С другой снимают вооружение, пушки да пулемёты, и на гражданскую службу определяют.

– Край наш дальневосточный в такой машине нуждается, думаю, – вставил замечание Костин. – Геологи, например. Просторы нехоженые на тыщи вёрст. Амфибия и на речку сядет, и на озеро, и на мало-мальски подготовленный аэродром. Нас на Шикотане так приводнили – любо-дорого.

Хотя вступать во взрослые разговоры не полагалось, но первым не утерпел Мишка.

– А чего она так называется?

– Возле Калифорнии есть такой остров, Санта Каталина. Вот в его честь и самолёт окрестили, – пояснил дядя Петя.

Егору вслед за дружкой понадобилось знать, большой ли экипаж.

– Считайте сами. В носовой турели пулёмётчик, он же и бомбардир, – раз. Дальше командир и второй пилот – это ещё два. В следующем отсеке штурман и радист, да на последних модификациях с нами и оператор эрэлэски летал – плюсуем трёх. Под крылом кабина бортмеханика. Дальше в блистерах два пулёмётчика тылы охраняют, а за ними стрелок с «Браунингом» двенадцатого калибра из-под рулевого оперения лупит. В воздухе ведь главное – зайти в хвост противнику, сами понимаете, – обратился Гринёв к мальчикам. – Сколько насчитали?

– Получилось девять, – доложил по-военному Мишка.

Чтобы не отстать от дружка, Егорка уточнил:

– Значит, пулёмётчиков сейчас не надо?

Дядя Петя рассмеялся:

– А кого бомбить да на мушку брать, медведей что ли? Вот что, ребятки, запишитесь-ка в авиамодельный кружок. Есть такой в нашем клубе ГВФ. Там и начинается путь в небо. Летом побегаёте, покупаетесь да порыбачите – и принимайтесь гнуть бамбук, выпиливать элероны и нервюры, шпангоуты из фанеры. Да папиросной бумагой обклеивать это дело. Как до фюзеляжных моделей с моторчиками доберётесь после планёров, так и штурвал вам в руки! Можно ещё с пара-

шютом попрыгать, как подрастёте. Когда бриться начнёте, так и на учебном ПО-2 полетите. Стоит только захотеть. Лиха беда начало!

Подвёл итог Даниил, сказав, что исследовать и обживать дальневосточные просторы помогут вертолёты. Этим любой медвежий угол доступен. Сядут на подходящий пятачок посреди тайги. Конечно, скорость и вместимость у поступившего нынче в серийное производство Ми-1 с гидросамолётом пока не сравнишь. Но конструкторы придумают и получше со временем.

– Выходит, «Каталина» отлетала своё? Теперь на свалку истории пора? – обронил Костин.

Гринёв грустно качнул иссечённой военными шрамами головой:

– Ничего не поделаешь...

– Диалектика, – подвёл итог Даниил.

Дни и месяцы летят быстрее любого самолёта. Осенью мальчишки записались в авиамодельный кружок. Сделали первые планёры, которые запускали, бегая с длинным шнуром по берегу затона.

Как только подморозило, переключились на другое. Мишка где-то раздобыл немецкий фотоаппарат «Лейка» с выдвижным, как меха на гармошке, объективом. И набор пластинок для съёмки. А отец, узнав о новом увлечении сына, купил Егору отечественную зеркалку «Любитель». И дружки стали посещать фотокружок в городском Дворце пионеров на Карла Маркса. Месяц ездили на кольцевом автобусе с сопки на сопку. В тёмной лаборатории, освещаемой лишь красным фонарём, проявляли плёнки и печатали карточки. Получались портреты младенцев, свадебные группы и чьи-то весёлые застолья. В конце концов надоело помогать руководителю кружка калымить на казённой аппаратуре и химикатах. И они перестали ездить во дворец. Решили действовать самостоятельно.

Запечатлели окрестности родного дома. В центральном парке сфотографировали скульптуры. И по сей день в альбоме Маляренко хранятся снимки той поры. Вот сидят на скамье Ленин и Сталин, о чём-то разговаривают. Девушка с веслом, густо выкрашенная извёсткой, словно бы собралась искупаться в Амуре. Никита Карацупа со своим верным псом Ингусом таятся в дозоре, выслеживая нарушителя государственной границы.

Дальше дружки стали мастерить самокаты и гонять вниз по улице Запарина, благо укатанный снег позволял набирать ход. Для изготовления одного самоката требовались три конька, пара крепких досочек, ровная палка с перекладиной на конце и пружина из какого-нибудь старого дивана. Один сидел на досочке и рулил, другой толкал товарища в спину и, разогнавшись, как

следует, вскакивал сзади на поперечную планку. Получался прототип грядущего бобслея. Самокат, наращивая скорость, мчал седоков аж до керосиновой лавки у покрытой чумазым льдом речушки Плюсинки.

Потом появились и другие не менее увлекательные занятия. Весёлой ватагой перебирались через загромождённый торосами лиман к посёлочку под странным именем Чумка на Большом Уссурийском острове. Через километр пути, накувыркавшись в ледяных глыбах величиной с двухэтажный дом, выбирались на заснеженный берег. Рвали с диких яблонек мягкие пряные ягоды. Насыщались до оскомины и принимались разводить костёр, благо сушняка на острове хоть отбавляй. Согревались, поджаривая на ивовых прутьях кусочки запасённого сала, зажатого хлебными корочками. И уплетали пахнущую дымом еду за милую душу.

Весна отметилась последним снижением цен в стране. Шёл 1954 год, культ личности ещё не осуждали и строительство паровозов не отменяли. Однако противники сталинского наследия готовились к съезду партии, который состоится двумя годами позже. Маленкова сменил Хрущёв. Власть обновлялась и даром кормить народ никто не собирался.

Егор окончил пятый класс, сдав все экзамены на «пятёрки». Мишка нахватал несколько «четвёрок» и один «тройку», но особо не грустил по этому поводу.

Летом друзья сколотили крепкую компанию, возглавляемую старшеклассниками, ходившими в морскую школу, и на шестивесельном яле сплавляли в лиман к Чумке. Как выяснилось, от острова небольшая протока отделяла кусочек суши. Кто-то знающий из ребят постарше объяснил, что и протока тоже называется Чумкой. Эти названия появились ещё в царские времена, когда городских собак, заболевших и массово погибавших от чумы, приказывали хоронить вдали от города, на Уссурийском острове.

Накупались и порыбачили. Сварили ухи, потом набили оскомину поспевавшей черёмухой. Над головами то и дело пролетали разные самолёты, снижаясь и заходя на посадку в аэропорту, который почему-то все старожилы города называли Сухопутным. «Каталина», получив новые русские моторы, куда-то улетела ещё в прошлом году и больше не возвращалась. Может быть, она действительно понадобилась геологам, как говорил дядя Гоша.

Интересно было ходить за знаменитый хабаровский Утёс с его красивым домом-музеем на краю обрыва. Там дальше разворачивалось сооружение огромного стадиона. На стенде нарисо-

вана схема. Кроме футбольного поля и широких трибун вокруг легкоатлетической дорожки, здесь много ещё чего значилось. И дворец спорта, и дворец плавания, и просто детский бассейн под смешным названием «лягушатник». Углублялась бухта и возводились постройки яхт-клуба. Широкие аллеи засаживались клёнами, ильмами и соснами. Со стороны парка укладывали асфальт. На стенде было нарисовано и «чёртово колесо» обозрения.

Если кто-то сказал бы Егору, что когда-то будет приезжать сюда студентом на соревнования, он не поверил бы. Вон парни бегают в парке, высокие и мускулистые. Поди догони! А то, что станет он, после окончания института, во время службы в армии, рекордсменом Хабаровского края, чемпионом Дальневосточного военного округа в барьерном беге и десятиборье – такое и не мечталось. У себя в школе весной на уроке физкультуры он, правда, уже отличился. В яме, заполненной опилками, которые они натаскали с лесопилки в затоне, Егор прыгнул в длину на три метра тридцать сантиметров. Много это или мало, он не знал. Зато учитель поставил «пятак» в классном журнале. Никто из мальчишек дальше не улетел, но мало ли что бывает в одиннадцать лет.

Пролетели два года. Настало время уезжать из Хабаровска. Отца направили в Тамбовку, хлебо-робский центр Амурской области. Заместитель председателя райисполкома Маляренко с утра до ночи мотался по фермам и полям, поднимал сельское хозяйство. Мама устроилась директором книжного магазина. А Егор осенью пошёл в шестой класс.

Появились новые друзья, нагрянули новые приключения. Жизнь набирала ход. С Мишкой они первое время переписывались, делились новостями. Однажды дружок сообщил: «Сижу за столом, пишу тебе, а над головой высоко в небе пролетает реактивный самолёт. Они появились недавно на военном аэродроме. Говорят, что и пассажирские скоро полетят. Вот сейчас как раз хлопнуло, аж стёкла задрожали – это он звуковой барьер перешёл...»

Зимой Егор с новым товарищем Женькой Мартыновичем нашли в учебной мастерской моторчик с двухлопастным пропеллером. Никакого авиамодельного кружка в школе не существовало. Действовали, как смекалка велит. Вымазавшись касторовым маслом и заляпавшись керосином, умудрились сотворить смесь, которая оживила успевший слегка поржаветь движок. Обкатали находку до полной готовности, смастерили фюзеляжный аппарат. Выйдя на пришкольную спорт-

площадку, поставили таймер на пять минут. И запустили своё детище в хмурое небо, укутанное снежными облаками.

Самолётик застрекотал, взлетел в направлении колхозных животноводческих ферм на левом берегу речки Гильчин и вскоре скрылся из глаз. Пришлось становиться на лыжи и брести, проваливаясь в глубоком снегу, на поиски. Часа через полтора самолётик отыскался на поле, где летом выращивали арбузы и дыни. Ясное дело, папиросная бумага на крыле и фюзеляже – в клочья. Хвостовое оперение отломилось вовсе. А моторчик от удара о заледеневший кусок земли покорёжило в хлам. Пластмассовый пропеллер разлетелся на мелкие кусочки.

Мастерить примитивные планёрчики не хотелось, а запасного движочка не нашлось. Выписать новый директор отказался из-за нехватки средств. Пришлось переключаться на кинодело.

А потом их класс затеял постановку спектакля о войне, все заделались артистами. Мальчишки притащили из дому отцовы шинели и уцелевшие пилотки, яловые сапоги. Из военного кабинета принесли мосинские трёхлинейки образца 1891 года. Винтовки были заклёпаны, но волновали воображение не хуже боевых. Девочки наряжались санитарками, повязывали на головы косынки с красными крестами и выносили с поля сражения «раненых» бойцов. За кулисами помощники гремели железным листом, изображая оружейную канонаду. Там же стрелял в нужные моменты стартовый пистолет, позаимствованный у физрука Виктора Ивановича.

Премьера прошла с успехом. Школьники смеялись над артистами даже там, где и не требовалось по ходу действия. Учителя довольно поглядывали на питомцев. Родители хлопали не жалея ладоней. Затем спектакль свозили в село Козьмодемьяновку, произвели фурор у соседей. И на том поклонники Мельпомены успокоились до лучших времён. Жизнь подбрасывала новые занятия и увлечения.

За чередой лет куда-то вглубь памяти канули хабаровские подвиги Егорки и Мишки. А с ними потускнел и образ «Каталины». Егор если и вспоминал американскую амфибию, то в ряду общих рассуждений о войне, ленд-лизе и прочих «Студбеккерах», «Виллисах» и «Доджах», на которых когда-то ему довелось прокатиться мальцом.

Минули годы, десятилетия. Егор стал журналистом, выпустил немало книжек, вступил в писательский Союз. Однажды он возьмёт интервью у Героя Советского Союза Никиты Фёдоровича Карацупы. Того самого, у скульптуры которого его запечатлел когда-то Мишка. Кто бы мог об

этом подумать в начале пятидесятих годов минувшего века!

А потом Егор Данилович на пенсию вышел, дедом и прадедом заделался.

Однажды, сидя у компьютера, копаясь в недрах интернетских соцсетей и вспоминая прошлое, захотел найти сведения о «Каталине». И каково же было удивление, когда среди многочисленных сайтов об истории знаменитого самолёта Второй мировой войны он нашёл интереснейшие материалы. Оказывается, отслужив своё в СССР и США, гидроплан стоял на вооружении армий и флотов многих стран в 50-е и в 60-е годы. А в Дании так и вовсе его списали в 80-х.

Но что более всего поразило Маляренко, так это тот факт, что и в наши дни за рубежом продолжают делать «Каталину». Правда, существенно модифицированную, в коммерческом варианте. Комфортабельные машины покупают богатые люди для круизов в экзотические уголки мирового океана. Прилетел на интересующий тебя атолл, приводнился в бухте, бросил якорь. И ныряя себе в чистейшую лазурную воду, наслаждайся.

На одном из сайтов, в пасьянсе цветных фотографий с престижных курортов, увидел Егор Данилович «Каталину» с такой сопроводительной подписью: «Известный бизнесмен Майкл Гескин отдыхает с семьёй на Мальдивах. Весь длительный перелёт от Израиля он провёл за штурвалом своего самолёта».

Из распахнутых блистеров выглядывают довольные мордашки девочки и мальчика. На носу гидроплана загорелый седовласый джентльмен невысокого роста, с седым «ёжиком» на круглой голове, стоит рядом с длинноногой девушкой в бикини, не имеющем цвета по причине своей минимальности. У откинутого люка штурманской кабины устроилась пожилая дама в закрытом голубом купальнике и соломенной шляпе с широкими полями. На краю крыла рослый атлет изготовился нырнуть с шестиметровой высоты в гладкую воду бухты.

Чем чёрт не шутит, подумал, разглядывая снимок Егор. Сколько еврейских семей эмигрировало на «историческую родину» или, допустим, в Штаты. Мишка, при его разворотливости и сообразительности, вполне мог быть в их числе. Завёл своё дело, разбогател и купил самолёт. Там это дело обычное. Разумеется, выбрал «Каталину». Зря что ли они шестьдесят семь лет назад жарили пятки на прабабушке личного Мишкиного гидроплана...

Март-июнь 2020 г.

Владислав ЛЕЦИК

член Союза писателей России,
выпускник БГПИ 1967 года

«НУ ЧТО, БРАТ ПУШКИН?..»

Вспоминаю: осень, кажется, 1966 года, четвёртый курс...

Одно точно помню: ужасно хочется есть!

Иду по длинному коридору первого общежития. Мрачно прикидываю, у кого бы занять пятнадцать копеек на буханку чёрного хлеба. Как представлю эту буханку, так в глазах темнеет. Но занять не у кого. Впору прятаться от тех, которым уже должен: кому полтинник, а кому и рубль. С куревом-то ладно: на «бычках» перебыюсь, а вот без хлеба... О хлеб! Как же ты недосыгаемо, невыносимо, беспощадно вкусен.

Вдруг открывается дверь одной из комнат.

– Владька! – Валя Андреева, староста группы, всплеснула руками: – Ты где целых два дня шлялся?

– Да так, дела.

Где шлялся, где шлялся... Что ей сказать? Первый день вагон с кирпичами разгружал. Но деньги, увы, будут только через неделю. А второй день... Ну, это тем более неважно.

– Ой, как ты нужен! Заходи, выручай!

Захожу в уютную девичью комнату. В ней собрались пять-шесть моих одногруппниц. Чем-то озабочены. Сразу вижу на столике у стенки небольшую кастрюльку, а рядом на тарелке – столовский нарезанный хлеб, кусочков десять, не меньше. Нутро моё взвыло.

Сажусь у столика, а девушки наперебой посвящают меня в суть дела. Я, мучительно отводя глаза от закрытой кастрюльки, киваю головой, вникаю.

Итак, подготовка к факультетскому капустнику. Тема номера – пушкинская: «Три девицы под окном...» Три девицы, загадывающие желания, – это, естественно, три студентки нашего педа. Для каждой надо написать стишок с зачином «Кабы я была царица...» Срочно!

Девушки прочли мне три-четыре вымученных ими четверостишия и сами признали: не то.

– Давай, Владька, думай!

Я подумал, подумал – и спросил:

– А в кастрюльке что?

– Супчик с колбаской, тёплый! – живо откликнулась Валя Андреева. Откинула крышку – и я уловил волнующий до слёз запах жаренной с луком колбаски. – Тебе налить?

Ха! Налить... Будь моя воля, я бы взял эту кастрюльку за оба ушка и выпил бы весь их супчик единым духом.

Выхлебал тарелку, щедро заедая халявным хлебушком, потом ещё полтарелки – остатки. Чаем с сахаром запил. Ну-с, худо-бедно, жить можно.

И начался творческий процесс. Взял их листки с черновыми набросками, два четверостишия отобрал, какие-то слова заменил, рифмовку выправил – сочинительницы обрадовались и всё одобрили. А я, в ходе редактуры войдя во вкус стихотворчества, почуял себя с Пушкиным на дружеской ноге – и выдал третий стишок.

И вот капустник. Актёрский зал битком набит. В основном, конечно, зрительницами. Уж не помню, были ли приглашены на тот вечер потенциальные завидные женихи в солдатских гимнастёрках и начищенных до блеска кирзовых сапогах – курсанты ДВОКУ. Но хорошо помню тот взрыв смеха и аплодисментов, который вызвало в зале оглашённое со сцены моё сочинение:

Кабы я была царица,
Третья молвила девица,
К общежитию бы сбоку
Я пристроила бы ДВОКУ.

Постскриптум. Не одна из зрительниц – и в тот год, и в предыдущие, и в последующие – прямо из пединститутского общежития, не дожидаясь пристройки к нему ДВОКУ, выскочила в лейтенантши, с перспективой стать княгиней-полковницей, а то и царицей-генеральшей.

И я бы у них, у сбывшихся цариц, спросил: ну как, ваши величества, заслужил я свой скромный супчик?

Александр ГЕРАСИМОВ

выпускник БГПИ 1977 года

Всех лет преподавателей и студентов – с юбилеем нашего педагогического! Мир наполнен гармонией оттого, что есть люди, научившие это видеть и понимать. Спасибо всем!

От редакции. 25 октября нашему постоянному автору, большому другу альманаха, замечательному прозаику и драматургу, талантливому певцу амурской природы Александру Герасимову исполняется 65 лет. Редколлегия «Амура» поздравляет Александра Владимировича с днём рождения и желает ему неиссякаемого творческого вдохновения, новых художественных достижений, новых читателей и книг!

КОРНЕТ

Студентами исторического отделения мы играли в вымышленный Екатерининский военный округ, у нас были чины и титулы. Меня называли Полковником, Олега Смирнова – атаманом Батькой Ангелом, Валерия Донченко – Генералом (часто за провинности бывал разжалован в подпрапорщики), всех остальных перечислять не стану. А придумывал нам легенды Женя Борисенко – Корнет. Легко, забавляясь, он писал баллады, героями становились однокашники. Мы весело поддерживали дурачество.

Ему надо было родиться в девятнадцатом веке, там он стал бы настоящим корнетом. Русоволосый, голубоглазый, с усиками юного Лермонтова, с ироничной улыбкой, прижатой неподвижной верхней губой – на зубах были щербинки, Женя их скрывал. Впрочем, он и сам не сильно открывался, не кичился поэтическим талантом и познаниями в литературе (мама работала в фондах Хабаровской научной библиотеки, с раннего детства приобщила сына к чтению книг, доступных тогда немногим). Ещё при поступлении в институт экзаменационная комиссия советовала ему подать документы на отделение русского языка и литературы – не согласился.

Учились мы с ним в параллельных группах, дружили. Показывал мне что-то из своих стихов, были они изящны. Сочинительством грешили несколько однокашников, на лекциях мы пикировались эпиграммами, которые читали все, в аудиториях там и сям раздавались неуместные хихиканья, а то и жеребчий хохот. Один остроумец, любивший покрасоваться среди нас, вчерашних школяров, взрослой небритостью, попытался оскорбить Женю, тот в ответ немедленно изобразил на листке могильный холмик с эпитафией:

Здесь похоронена скотина,
Сказать точнее, трижды скот.
Глянь: как небритая щетина,
Трава могильная растёт.

Стишок прилип к обидчику надолго.

Женькина баллада о бесшабашном дружеском застолье ветеранов войны восьмьсот двенадцатого года начиналась строчками:

Быстрее пули мчится дней поток,
Умы отравлены хмельным туманом,
Рука забыла боевой клинок,
Она привыкла к гранёным стаканам.

Помню несколько куплетов, они все о нас, однокашниках, последний – об авторе:

И отрешившись от мирских сует,
И одуревши от шальной горилки,
Из-за стола с трудом встаёт Корнет,
К виску приставив горлышко бутылки.

Женю отчислили со второго курса за неуспеваемость по немецкому, какая-то нелепица. Он уехал в Хабаровск, а в начале восьмидесятых, узнав, что работаю на телевидении, связывался со мною. Он стал капитаном милиции, иногда позванивал мне в редакцию во время своих дежурств по краевому УВД, домашних телефонов у нас не было. Потом перестал звонить. Через хабаровскую горсправку найти его не смог, в милиции сказали, что уволен по состоянию здоровья, адреса не дали.

Дважды собирал однокашников на юбилей нашего выпуска, последний раз в 2002-м – отмечали 25-летие. Ходили в альма-матер, потом долго сидели в кафе, говорили и никак не могли наговориться, и пели баллады про Екатерининский военный округ. Пели не только давно повзрослевшие студенты-историки, герои битв с Наполеоном, а и мои однокашники: солидные учительницы, дамы в погонах, чиновницы. Сзови сегодня – вспомнили бы и пели дружным хором написанное почти полвека назад нашим семнадцатилетним Корнетом.

РОССЫПИ

Кукушкины слёзки

Под утро, чуть свет, приснился мне цветок – венерин башмачок. Глаза не открывая, боясь спугнуть наваждение, стал о нём думать. Этот цветок мама называла «кукушкины слёзки». Дивное прозвание на нашем Амуре. Цветок и впрямь похож на дутую обманную каплю – слёзонька кукушки по подброшенному кукушонку.

Амурский венерин башмачок – таёжная орхидея. Встречал разных видов и окраски. Есть с россыпью бисерных крапинок на пухлом зеве цветка. Бывает нежно-золотистый. А ещё светло-лиловый. Ещё и малиново-розовый, похожий на капризно надутые губочки с трепетно проступающими яркими капиллярами.

Часто венерин башмачок видел рядом с ландышами, должно быть оттого, что зацветают в одно время – конец мая и начало июня. У белого ландыша дерзкий радостный запах, рядом с ним аромат орхидеи неуловим. Но на таёжных полянах, у опушек рощ и лесочков являлись мне и одинокие венерины башмачки, а порою семейки. Даже в горной тундре на съёмках фильма о северном заповеднике встретился: крохотный, обдуваемый ветрами. Помню, директор заповедника опустил-ся перед едва приметным цветиком на колени, восторженно, затаив дыхание, со всех сторон щёлкал затвором фотоаппарата, сказал, что ещё никто никогда в мире не встречал орхидею, растущую в таких условиях.

Венерин башмачок занесён в Красную Книгу России, охраняется законом.

И о запахе амурской орхидеи. Оказался он тонким и нежным, трогательным, волнующим. Как-то в Таиланде был на экскурсии в великолепном Саду Орхидей, в королевстве тысяч фантастически красивых цветов, но что удивительно: совсем не помню их запахов. А прозрачный аромат моих таёжных кукушкиных слёзок, кажется, не забываю. Не от этого ли воспоминания я улыбался, просыпаясь?

Июнь

Ромашки. Боже мой! деревенские барышни на выданье – рыженькие в беленьких сарафанчиках. Вот она – красота первозданная!

А на васильки гляньте: ясноглазые красавцы, в городах такие не рождаются. Васильки какого цвета? Василькового! Небесного! Такого цвета глубокое небо, промытое первыми грозами. Время васильков – июнь. Цветут они на лугах и вдоль поле-

вых дорог. А ещё во ржи их всегда увидите, посея рожь – васильки сами вырастут.

В безоблачном небе долгая-долгая трель жаворонка. Голову запрокинешь, прикрываешь ладнью солнце, щуришься лучам, а восторженного певца не разглядеть, как же высоко он взлетел...

Осеннее

Сентябрь. Первые паутинки полетели, нет-нет, да и сверкнут. Ночами уже зябко, утрами – густые холодные росы на склонённых травах, но дни стоят тёплые, солнечные. Это ещё не бабье лето, оно придёт, когда прольются и скроются за горизонты дожди, станет по-осеннему светло от чистого неба, яркого листопада, прозрачных лужиц. Вот тогда мириады тончайших нитей, проблесками разрезая синеву, заполнят весь небосвод собою, – толстые паучихи благословят в путешествия крохотных деток-паучков, те будут лететь и лететь, пока вечерняя прохлада не приземлит их. Потом по невысохшей утренней росе можно наблюдать масштабы этого великого переселения – все лужайки, газоны и кустики укутаются в плотные серебряные покрывала паутинок. Древнейшие жители земли, это их планета.

Зимний зайчик

По свежему снегу заяц даже не убегает. Притаится в беленьком, рыхлом и пушистом: ушки прижмёт, бурые глаза прижмурит, сидит как оцепенелый. В двух шагах пройдёшь и не заметишь. Только подвижный носик может выдать хитреца. Сам видел, делюсь удивлением.

ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ

Борщ — наше всё!

В магазине свёколки покупал: ядрёные, гладенькие, тонкокожие, будто из детства, с маминой грядки. Вспомнил, как мама борщи варила. Она, когда жили в деревянном доме с дровяной печкой, готовила в чугунке, сначала в нём мясо чуть обжаривала, потом заливала кипятком, томила, колдовала с овощами на сковороде, забрасывала шинкованную капусту, по сезону квашеную или свежую, помидоры, корешки, зелень... Борщ был наваристый, яркий, переливчатый, изумительно вкусный.

Русскому человеку без борща никак. Нас хоть в Австралию, хоть в Гренландию забрось, будем

борщи варить. Помню, в девяносто третьем попал с друзьями в китайский Далянь, – великолепная морская кухня, а нас через три дня на борщ потянуло, вот ничего не надо, борща подавай и – всё тут! Николай Белый может подтвердить, он был тогда собкором ТАСС по Амурской области, вместе ездили. В ресторанчике через переводчика объяснили повару, господину Ю, чего хотим. Тот, кивая головой, как фарфоровый китайский болванчик, выслушал, на завтрак и приготовил нам. Капуста и другие овощи хрустели. Свёклы не было вовсе. Как оказалось, китайцы не знали этого корнеплода, не выращивали его. Вежливо понегодовали, но съели. И что забавно, знакомые потом рассказали, – когда мы уехали, повар включил борщ в постоянное меню!

А я борщи стал готовить по-китайски, капусту и болгарский перец чуток недовариваю, похрустывают, убедил меня толстячок Ю, что так полезнее.

...Рассказывать о великолепии борщей наш человек может бесконечно. Рецептов – миллионы, сам почти всегда по-разному готовлю. Хотел было сейчас поделиться некоторыми.

О борщах с фасолью, белыми грибами, яблоками, черносливом, ревенем, щавелем... Да ладно, сами всё умеете.

Всё-таки об одном нюансе скажу. В конце девяностых Наталья Дымочко из благовещенского Пятого канала сняла меня в телепрограмму «Рецепт от...», за час обеденного перерыва на скорую руку приготовил первое и второе: борщ без мяса и драники. Потом на улицах останавливали с расспросами, как получился у борща такой необыкновенно яркий цвет. Секретов нет. Дело в свёкле, как её используешь. Если порезать и бросить в кастрюлю с другими овощами, выварится и станет бледной. Самый густой цвет – бордовый – даст свёкла, сваренная отдельно неочищенной, готовую потом порезать и добавить, уже снимая борщ с огня. Но у этого борща особенность, как постоит, все овощи окрасятся. А вот если свёклу не варить, а нежно обжарить, и на финише готовки опустить в кастрюлю, борщ станет светло-рубиновым, и морковь, и перец свои цвета сохраняют, и картошка с капустой не потемнеют. Знали уже? А к свежей капусте чайную ложечку сахара в борщ кладёте, сок из половинки лимона выжимаете? Вот, я и говорю, нашего человека не надо учить борщи на первое варить.

Ну хорошо, хорошо, мы с вами сейчас второе приготовим. В магазине молоденькую картошку прикупил: клубни ровненькие жёлтые, нежная кожица кудряшками шелушится....

А не пожарить ли картошечки!

Настоящий мужик должен иметь два качества: первое – быть ироничным; второе – уметь жарить картошку.

С иронией у всех хорошо. О картошке. Как её правильно пожарить, чтобы и вкусно, и стены до потолка не забрызгать.

Сначала определимся, какую именно хотим – золотистую фри, или поджаристую на сковороде, или драники с хрустящей корочкой.

Картошка фри.

Готовится во фритюрнице, кастрюльке с длинной ручкой (похожа на ковшик).

Картофель режем на брусочки, кладем в воду смыть крахмал, ещё лучше – промыть в дуршлаге под краном. А сейчас самое главное – промытую картошку надо обсушить. От мокрой брызги масла полетят шрапнелью. Поэтому картофельные брусочки обязательно промокните бумажными салфетками до сухости.

В кастрюльку-фритюрницу наливаем растительное масло глубиной в три пальца. Ставим на огонь. Как только над маслом появится лёгкий дымок, аккуратно опускаем картошку. Не всю сразу, а так, чтобы брусочкам не было тесно. Следим за огнём, прибавляем, когда картошка только попала в масло, затем делаем слабее, чтобы не пошёл чад. Помешиваем-переворачиваем шумовкой. Как зарумянится со всех сторон – на широкую тарелку, застеленную салфетками. Таким же образом жарим и остальные брусочки. Масло подливать и доводить до раскалённого состояния.

Уже готовую картошку-фри посыпаем солью, свежемолотым перцем. Если посолите раньше, выделится влага, будет стрелять во все стороны.

От вашей фри все придут в неопиcуемый восторг. Расчувствовавшись, не забудьте отложить и себе, чтобы не остаться счастливым, но голодным.

Картошка, жаренная на сковороде.

С нею всё просто. Режете тоньше, нежели для фритюра, можно лепестками, как нравится.

Также промываете и обязательно просушиваете.

Сковороду возьмите с высокими бортиками – сотейник, это безопаснее при шкворчании. Жарить можно на растительном масле, с беконом (немного масла и здесь не помешает), на сале, вытопленном до шкварок.

Переворачивайте картошку лопаточкой, чтобы получились аппетитные поджаристые корочки. Накрывать крышкой не надо, запарится.

Готовую посолите, посыпьте укропчиком и пёрышками зелёного лука. Очень вкусное и соблазнительно-красивое блюдо, самодостаточное для обеда и ужина.

Сколько же я картошки пережарил за свою жизнь! Даже в гостях, дружелюбно отодвинув от плиты хозяев (если честно, видя их неумение), на общих кухнях общежитий, в походах на угольях костров, в командировках по гостиницам на чёрте чём, чтобы накормить друзей, коллег...

Помнит ли наш приамурский прозаик, мой институтский однокашник, Владимир Куприенко, как в Придорожном под Тамбовкой, где тот был учителем, я жарил у крылечка на керосинке картошку с соевым маслом? Принявшись хватать со сковороды, он заявил, что пожарена с мясом (откуда бы взялось, это я чеснок добавил).

А наш бамовский драматург Иван Шестак помнит ли, как на кухне в Благовещенске я жарил драники? Очень он, белорус, тогда удивился, увидев, что ни яйца, ни муку не использовал.

Вот мы и к следующему блюду подобрались. Драники.

В представлении многих, это клёкые синюшные оладьи из тёртой картошки. Нет, наши будут иными, с хрустящей рыженькой корочкой и вкусом чипсов. Для этого картошку шинкуем не на мелкой, обязательно – на крупной тёрке, нам не

нужна жидкая крахмальная каша, будут ленточки. Солим, перчим, можно чесночку добавить. Шинкованную картошку берём жменьками, формируем небольшими котлетками, отжимаем и опускаем в хорошо разогретую сковороду с растительным и сливочным маслом. Выступивший крахмал свяжет картофельную стружку, только не торопитесь переворачивать, пусть основательно схватится. А как со всех боков драники окрепнут рыжей хрустящей корочкой – на тарелку. Такие горячие ароматные ерошистые красавцы, а мы их посыпаем рубленой зеленью, а потом в холодную сметану макаем...

Старый друг – композитор и исполнитель множества песен на стихи амурских поэтов – Фёдор Воробьёв признался, что уже двадцать лет готовит драники по моему рецепту, увиденному когда-то в телепрограмме Пятого канала.

...Даже не могу определиться, какой из вариантов жареной картошечки предпочтительней, все хороши. Но одно знаю точно: самая вкусная картошка – наша, амурская!

Калининград – Благовещенск, 2020 г.

Станислав САХОНЧИК

председатель правления Амурской областной общественной писательской организации

От имени Амурской областной общественной писательской организации Союза писателей России сердечно поздравляю БГПУ с юбилеем! Значение университета для амурской литературы трудно переоценить: большинство писателей Амурской области – выпускники БГПУ, профессорско-преподавательский состав университета активно работает с творческой молодёжью, давая путёвку в жизнь начинающим литераторам на страницах альманаха «Амур». Громадную роль играют литературно-краеведческие издания университета, занимающие достойнейшее место в масштабе всего Дальнего Востока.

Желаю БГПУ процветания, а его коллективу – дальнейших творческих успехов!

МАМИНА ШКАТУЛКА

Я помню её с детства. Раздвижная, лакированная, со множеством выдвижных отделений, в которых лежала масса интересных и увлекательных штучек.

Там были перламутровые и стеклянные гранёные пуговицы, красиво «игравшие» на солнце, форменные пуговицы с якорями и звёздами, кокарды и офицерские звёздочки на погоны, нитки, иголки, кнопки, значки и прочие необходимые и не очень вещицы. Но для меня это была целая сокровищница, которую я мог перебирать подолгу.

История её появления напрямую связана с отцовской военной службой. После тяжёлого ране-

ния на Сандомирском плацдарме в Польше в 1944 году отец, бывший замполит стрелкового батальона, дослуживал во внутренних войсках, в одном из пунктов для содержания военнопленных и перемещённых лиц возле города Кирова.

Мать, зубной врач, работала там же в медсанчасти.

Пленные немцы, народ мастеровитый, делали в лагере мебель и всяческие мелкие поделки, в том числе и сувениры для начальства. У нас в семье были две деревянные шкатулки (большая и маленькая), большое зеркало в красивой лакиро-

ванной деревянной раме, украшенной резьбой с виноградными лозами, и роскошный, пружинный диван с выдвигаемыми ящиками. Спинку дивана тоже украшал орнамент из виноградных лоз.

Отец как-то обмолвился, что мебель делали австрийцы, в прошлом эсэсовцы, которых держали в лагере за принадлежность к СС, абверу и зондеркомандам на несколько лет. Прочих австрийцев, служивших в вермахте, но ни в чём подобном не замешанных, отпустили домой гораздо раньше.

Вся эта мебель кочевала потом с нашей семьёй во время многочисленных переездов по гарнизонам, но, ввиду своей изначальной добротности, фактически не пострадала.

Так что всё моё детство и отрочество прошло среди этих вещей, накрепко врезавшихся в память. Я и сейчас помню каждую завитушку и трещинку на них. Особенно, по малолетству, мне нравилось прыгать на пружинном диване. Разумеется, пока никто не видел – иначе отцовского ремня было не миновать.

Ещё одна большая квадратная шкатулка с вырезанными на крышке и по бокам пасторальными нерусскими пейзажами, хранила в себе отцовские документы и награды и открывалась только в торжественных случаях.

Я помню, как на первое празднование Дня Победы в 1965 году отец бережно доставал из шкатулки ордена и медали, тщательно крепил их на парадный двубортный бостонский пиджак, как привинчивал орден Красной Звезды с отбитой пулей эмалью на одном лучике. Помню, как он шёл, гордо выпрямившись и слегка прихрамывая на раненую левую ногу.

И как я был удивлён, когда оказалось, что почти все мужики нашего лесного посёлка вышли с боевыми наградами и нашивками за ранения.

А у некоторых ордена и медали были в два-три ряда. Клуб просто блестел от начищенных наград. Таков был мой первый урок мужества!

Шли годы, я рос, учился вдали от дома, затем армейская служба забросила меня на Дальний Восток. Потом был Владивостокский медицинский институт, море, служба в ВМФ, дальние походы за экватор, штормы и экзотические страны.

Но всегда, во время своих редких отпусков, я старался приезжать домой.

И старые шкатулки снова манили меня своей загадочностью, я вновь и вновь перебирал знакомые и родные вещицы, погружаясь в воспоминания детства, в атмосферу родного дома, потому что это был и мой мир, моя маленькая Вселенная.

Мне особенно нравились стеклянные гранёные пуговицы с маминой шерстяной кофты, к которой я любил прижиматься в раннем детстве,

чувствуя материнское тепло и ощущая защиту от всех бед мира. Особенно запомнился случай, когда за окнами нашего дома, завывая в печной трубе, неслась снежная буря, вздрагивали от порывов стены дома... А я прижался к тёплому маминому боку, и мне ничего не было страшно – я был под её защитой. Запомнилась мягкая шерсть кофты и запах духов «Красная Москва».

Как-то на Камчатке, когда наш ледокол пережидал в бухте шторм, мне снова во сне привиделся этот эпизод. Так же завывала вьюга за иллюминатором каюты, наметая сугробы на палубе, так же вздрагивал броневой корпус судна под ударами шторма.

А я безмятежно спал, снилась мне мама, и во сне приходило необъяснимое чувство блаженства и защищённости.

Шли годы, как-то незаметно постарели мать и отец, стали уходить из жизни близкие родственники, дяди и тёти, которые казались мне вечными. На глазах рушился мой маленький и уютный мирок...

Отец умер, когда я был в Красном море. Получив радиogramму, я долго не мог прийти в себя. Как врач, я понимал, что никто не вечен, но впервые смерть так близко коснулась моей семьи...

Через несколько лет тихо ушла из жизни мама. Видимо, предчувствуя это, она сказала мне на прощание (когда я уезжал из отпуска), что видит меня последний раз. Я смог вырваться из очередной командировки на Севера только на девять дней...

В памяти навсегда остался образ матери, закутанной в пуховую серую шаль, стоящей у забора нашего дома и машущей мне рукой, вытирая слёзы платочком. А ведь я так много хорошего ей не успел сказать...

На семейном совете решили продать квартиру родителей – брат с семьёй давно жил в соседнем городе. Меня, кроме родных могил, здесь тоже больше ничего не держало.

Настало время уехать обратно. Брат предложил взять из родительской квартиры вещи на память. Но что можно было увезти с собой на самолёте на Дальний Восток?..

И вот я в пустой квартире, где всё напоминает об ушедших родных людях. И портреты молодых родителей в военной форме на стенах, и аккуратно заправленные кровати, и знакомые шторы на окнах...

Я сижу на нашем старом диване, перебираю старые, пожелтевшие фотографии и стараюсь не разрыдаться. Горький комок стоит в груди. Столько хороших слов я не успел сказать отцу и маме при их жизни, а сейчас уже неотвратимо поздно.

Всё это время меня не оставляло странное чувство, что мать и отец смотрят на меня, незримо присутствуя в помещении.

Я ходил по комнатам, взгляд то и дело падал на знакомые и родные вещи. Вот патефон, подаренный отцу на свадьбу ещё до войны. Рядом пластинки в бумажных старых пакетах. Открыл крышку патефона, покрутил заводную ручку, поставил головку с иглой на пластинку. Старый проигрыватель исправно выдал мелодию «Цветущий май», которую так любила мать. Немного послушав, я бережно закрыл патефон – слёзы сами потекли из глаз.

В ящике комода лежала большая шкатулка с отцовскими орденами и медалями. Я перебрал их все, особенно долго держал в руках тот самый орден Красной Звезды с отбитой пулей эмалью на лучике.

В шкафу аккуратно висели вещи, в том числе и отцовский парадный китель с потускневшими золотыми капитанскими погонами. Всё в доме напоминало о навсегда ушедших дорогих людях...

Ещё никогда в жизни я так остро не ощущал потерю своего привычного мира. Настала пора привыкнуть, что теперь мы с братом остались одни на этом свете.

Наконец я решился взять с собой несколько пакетов с фотографиями, папку с документами и мой старый детский альбом – всё, что можно поместить в чемодан.

И тут взгляд упал на раздвижную мамину шкатулку, руки сами привычно открыли ящички, и снова я увидел свои детские «сокровища». В самом дальнем, нижнем ящичке лежали две синие стеклянные пуговицы, те самые, с маминной кофты. И я ощутил, что по щекам снова потекли слёзы...

Не в силах больше находиться в опустевшей квартире, я закрыл дверь на ключ и вышел из подъезда к машине.

Теперь всё, что осталось у меня от нашей большой семьи, – это альбомы с пожелтевшими фотографиями, несколько моих школьных тетрадей, заботливо сохранённых мамой, стопка последних писем от неё и та самая шкатулка.

Конечно, я её немного подремонтировал, и она, как и прежде, стоит на почётном месте и служит теперь уже моей семье.

Запас форменных пуговиц, кокард пополнился и моими – с якорями и двуглавыми орлами.

Но по-прежнему в дальнем нижнем ящичке лежат две синие стеклянные пуговицы, те самые, с маминной кофты...

Иногда, когда мне становится грустно, я перебираю старые фотографии, вспоминая ушедших родных и близких и непременно, открыв ящички шкатулки, достаю из дальнего ящичка те самые пуговицы.

И кажется, что мои дорогие люди снова со мной...

Владимир КУПРИЕНКО

член Союза писателей России,
выпускник БГПИ 1977 года

ИКРУ — ЛОЖКОЙ...

Нашему Педу (с заглавной буквы в знак глубочайшего уважения и любви) – 90! Девяносто лет – это ж!.. Впрочем, что там. Самому-то сколько...

Педу – 90, а мне – 67. Вот и вся недолга. Но на самом деле – «долга». Очень «долга»...

Вспоминаю первый день в стенах Благовещенского пединститута. Признаюсь: волновался. Хотя, кажется, чего было волноваться, когда за спиной два года Иркутского иняза, из которого меня погнали какой-то там метлой якобы

за академическую неуспеваемость. А на самом деле – за фарцовку и связи с интуристами. Теперь многие фарцуют, но называется это ныне предпринимательством: купил в Китае за 10 юаней, дома продал за 100. А связи (деловые отношения) с интуристами и прочими иностранцами только приветствуются.

В общем, пнули меня из иняза, и год просидел я дома, в городе Свободном, а потом родители выгнали дообразовываться. За что так? Работал себе

да работал на электроаппаратном заводе, а тут – на тебе. Родители были категоричны: последний без высшего образования – непорядок. Вот на этой волне и оказался я в Педе... На рабфаке (который в то время именовали уже по-новому – подготовительным отделением). По направлению с завода.

Приехал в Благ, добрался до института (в ту пору Пед был институтом), открыл входную дверь, вошёл и чего-то вдруг разволновался. Зашёл в деканат, предстал пред участливо-суровым Геннадием Филипповичем Аленишкиным, получил «заряд бодрости», и волнение мигом исчезло.

О родном и любимом Педе воспоминания самые светлые. Всем, всем нашим преподавателям 1970-х (большая часть из тех, кто нас учил, к величайшему сожалению, уже на Небесах) – глубокий поклон и тонны признательности.

Поскольку студентом я был, прямо скажем, не ахти каким, то лучшие воспоминания – о стройотрядах. Педовские стройотряды – это «мои университеты». Это работа, навыки организаторской деятельности, профессиональное становление (не в качестве учителя, а совсем в ином – в шкуре плотника, слесаря, рыбообработчика, контролёра ОТК, проводника в поездах и прочая, прочая, прочая) и другие разные полезности.

Важный интерес для меня со товарищи в стройотрядах – заработки. Прогорев в первом отряде, мы подались в путинные «стройотряды». В первом же мы «доставляли» после армян сельскую школу. Денег там уже, понятное дело, не было, так что занимались копеечной отделкой. Получив за полтора месяца по сто с небольшим рубликов, мы спели у прощального костра печальный спичуэл и отбыли восвояси с твёрдой мыслью – НИКОГДА! Никогда более не встречать в подобные авантюры.

И на следующий год отправились на Сахалин, дабы заниматься там рыбой. Делали мы это в Стародубске на рыбоконсервном заводе, и делали абы что – куда пошлют. Меня, к примеру, на второй день послали на... нет, не «на», а «в». В глубокий чан (или как там его), где я на глубине пяти метров засаливал селёдку. Её бросали на кучу льда и соли, а я мешал всё это специальным скребком и топтал ногами. Потом засыпали следующую порцию льда, соли и рыбы...

В первые же дни нас посетила печальная весть: рыба идёт плохо, толковых заработков не будет, значит, нужно воровать. Как воровать?! Зачем?! – искренне удивились мы. Нам пояснили: «Надо! Иначе совсем труба». Пояснили доходчиво, и мы начали тащить с завода всё, что плохо лежит (и не плохо – тоже): консервы, икру, брюшки, солёную рыбу... Через комсомольскую проходную – дырку в заборе.

Отдельное слово – о красной икре. На второй день по приезде пришёл я в икорный цех и попросил: «Тётеньки, никогда в жизни не ел икру ложкой. Можно, а?» «Конечно, – сказали тётеньки. – Кушай, сынок! Хоть поварёшкой. Не жалко». Сказали и тут же положили в чашку икру. Граммовиков так триста. Без перерыва я смёл четыре таких чашки. После третьей добрые тётеньки сказали: «Сынок, ты б с хлебом, с маслом да со сладким чаем, а то худо будет. Поверь, икры не жалко, тебя жаль...»

Худо стало часа через два-три. Икра выходила из меня со свистом и другими малоприятными звуками. И так без малого три дня... С тех пор прошло много-много лет, икру я больше никогда не ел (даже одной икринки!) и есть не буду.

При всём том, что рыба шла плохо, заработали мы нормально. Плюс к тому – приворовывали, обеспечив всех близких и дальних родственников рыбными деликатесами. Почта едва справлялась с посылками от студентов. Я от других не отставал...

Припоминаю, как выслал Анне Ивановне Вайсман малую толику (полкилограмма) икры, а через неделю получил от неё бандерольку, в которой, в частности, были домашней вязки шерстяные носки, а в письме следовало пояснение: «Дорогой мой Куперёшничек, тебе эти носки очень скоро пригодятся, ведь тебя непременно посадят...»

Про свои заработки скажу отдельно, потому как я (со товарищи) заработал очень солидно. А дело было так. После одного вечера на танцплощадке мы до конца сезона (стройотрядовского) лабали в местном ресторане. Волею судеб совпало, что в этом отряде мы оказались все вместе. Мы – четверо лабухов из вокально-инструментального ансамбля ПEDA. Однажды сыграли на танцах (тогда так говорили: танцы), пока не было местных музыкантов, и нас случайно услышала директор ресторана. Без ложной скромности: играли мы на порядок круче местных.

Директриса быстро смекнула, что к чему, и на следующий вечер мы уже вовсе играли в её ресторане. А ещё через пару дней прочно осели там и на завод не ходили вовсе, так как директриса нас изъела по договорённости с директором завода и командиром отряда. Посетителей было пруд пруди (в Стародубск заходили на оперативный ремонт плавбазы), и денежки на нас постоянно сыпались...

По тем временам (1973 год) мы «наиграли» на каждого бешеные деньги – по три с лишним тысячи (примерно столько стоил «Запорожец»). Купили новый аппарат, инструменты, оделись-обулись и на пропитание осталось. Вот так «с шутка-

ми-прибаутками» мы поработали на дивном острове. По окончании администрация Стародубска отправила в адрес ректора лестное письмо, из которого следовало, что мы (музыканты Педа) очень хорошие ребята, что внесли в развитие культуры города особую лепту, осуществляли шефскую помощь – обучили местных музыкантов, что мы... И так далее.

Не поверите, об этом с трибуны сказал на общем комсомольском собрании ректор института! По итогам большой комсомольской собирухи нам

была объявлена благодарность с каким-то (или куда-то) занесением.

Вот так. Были и другие «стройотряды», например, мы работали проводниками на маршрутах Владивосток – Москва, Москва – Рига. Шимановский резерв проводников. Там нас учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Главное в той учёбе – как быстро-быстро надувать пассажиров. А иначе как? Иначе не заработаешь. Но это уже иной рассказ, как-нибудь в другой раз.

Родному Педу – глубочайший поклон!!!

Павел НИКИТКИН

*член Союза российских писателей и Союза художников России,
выпускник БГПИ 1980 года*

Семьдесят. Пора итожить.

Самым значительным и интересным в моей жизни, хоть, к сожалению, и непродолжительным, был период, связанный с БГПИ.

Иным он быть не мог. Именно там мне встретились такие замечательные люди, как Б.А. Лебедев, А.В. Лосев, А.И. Вайсман. Они «запрограммировали» мою (уверен – не только мою) дальнейшую жизнь, обогатив её ЛИТЕРАТУРОЙ.

Сейчас я могу сказать только безграничное и безмерное СПАСИБО этому рассаднику культуры, человечности и знаний. Пусть всегда из его стен нескончаемо льётся свет человеческого добра, любви к прекрасному и к Отечеству.

ДОЦЕНТЫ С КАНДИДАТАМИ...

– Эх, неловко о себе рассказывать такое, но коль наступила моя очередь, слушайте.

Пётр Фёдорович пошевелил палочкой в костре, устроился поудобней на стульчике-раскладушке и начал неспешный рассказ.

– Было это, как бы не соврать, в конце прошлого века, когда портвейн продавался в «гусынях» – бутылках ёмкостью семьсот пятьдесят миллилитров. Закупоривались эти бутылки капроновыми пробками... Ладно, начну с самого начала.

Как-то летом собрались мы с Антоном Афанасьевичем – тоже преподавателем нашего пединститута – поблеснить щук. Уговорили Артёма, сына моего, отвезти нас на рыбалку в Егорьевку, на озёра. Он согласился – и даже выразил желание с нами порыбачить.

Приехали, на резиновой лодке перебрались на остров. Артём взял спиннинг и сразу пошёл блеснить щук. Молодой, нетерпеливый. А мы расположились в тени под кустиком, чтобы, как положено перед серьёзной рыбалкой, «прописаться» на новом месте, ублажить святого Трифона и поднять на должный уровень своё настроение. Развели костерок. Всё было бы хорошо, но... забыли в

машине нож. Пробовали открыть «гусыню» ключами от квартир, сучками от деревьев, найденной на берегу железкой, даже собственными зубами, но... всё напрасно. Стали просить Артёма, чтобы тот вернулся к машине.

– Артём, ну что тебе, молодому, стоит перемахнуть на лодке эту протоку. Сгоняй, привези нож.

Уговорили. Оставил спиннинг, подошёл и увидел нашу проблему:

– Ну, вы, доценты с кандидатами, и даёте... Даже зубами пробку, смотрю, грызёте...

Взял бутылку, немного подержал её над пламенем и... без особых усилий сдёрнул пробку. Я не берусь описывать выражение наших с Антоном Афанасьевичем лиц, но... это была сцена не слабее, чем завершение гоголевского «Ревизора».

– Вот и всё, доценты с кандидатами. Не надо возвращаться к машине. А меня вы сильно удивили: такую элементарную задачку не можете решить. Оказывается, современные учёные грызут не только гранит науки, но и пластмассовые бутылочные пробки. Негоже, господа, негоже... Вы зубы-то свои стариковские поберегли бы! – Артём усмехнулся и пошёл рыбачить.

А мой товарищ признался, что с подобной задачей ему уже приходилось сталкиваться, когда зимой ездил в один из областных городов в командировку – принимать экзамены у студентов-заочников. Нож с собою не взял, а в местной гостинице ножей тоже найти не удалось.

– Грыз, грыз, но всё напрасно. Так и привёз эту несчастную посудину целой и невредимой домой. Хотя, к моему позору, спички всегда в кармане имею.

ГОЛУБЬ

Этот рассказ я услышал из уст старого знакомого, почтенного возраста бывалого охотника. Давно это было, но до сих пор не могу поверить в его правдивость. Хотя... Чего на свете не бывает?

– Это было ещё в прошлом веке, – начал вспоминать Иван Фёдорович, – во времена совхозов и колхозов. Когда население из деревень ещё не разбегалось. Наша семья переехала жить в село Октябрьского района по причине назначения моего отца туда директором совхоза. Места для меня незнакомые. Но как рыбак рыбака, так и охотник охотника узнаёт сразу. Учился я тогда в девятом классе. Пригласили местные ребята меня поохотиться на косулю. Была поздняя осень, когда комья земли уже окаменели от мороза, а снег для полей и лесов небесная канцелярия, по свойственной ей забывчивости, не успела выделить.

До места охоты нас подбросил в тракторной телеге односельчанин. Охотились самотопом загонами. Случилось так, что я, как говорил один из товарищей, блуданул. Дело было к вечеру, начинало смеркаться, и я, по-видимому, где-то свернул не в тот распадок и не вышел на номера.

Плутал я до полной темноты. Даже луна, которая некоторых спящих людей заставляет бродить по квартире, в эту ночь не показала своё личико на небосводе. Хорошо, что в кармане был кусок хлеба с салом да коробок спичек.

Впервые ночевал в лесу у костра. Страху, конечно, натерпелся. Ведь местные ребята рассказывали: кто, где и когда добыл медведя, волка или рысь в здешних местах. Спал, если можно назвать сном короткое забытьё, у костра, подставляя то один бок, то другой к исходящему теплу. Ружьё из рук не выпускал. И только под утро уснул часа на два-три.

Утром вышел на перепаханное поле, посреди которого шла дорога. Всем известно, что дорога куда-то ведёт. Обрадованный таким поворотом дела, ускоренным шагом направился по торному пути. И пришёл в берёзовый околок. Там стоял вагончик для полеводов, какие ставят на отда-

лённых полях. Дальше дороги не было. Зашёл в вагончик, а там – тёплая печь! Как выяснится потом, грелись от этой печи, лёжа на нарах, мои товарищи по охоте.

Оказывается, я крутился у костра буквально в двух-трёх километрах от них, но по другую сторону сопки. Обидно...

Коль один конец дороги закончился, то обратное её направление укажет на населённый пункт! Каким бы ни было расстояние, но уверенность бодрила. Дорога вела то полями, то перелесками, пересекая сопки и пади. Шёл около трёх часов.

В одном перелеске мне на плечо вдруг сел голубь. Белый, домашний голубь! Откуда он тут взялся? Я глянул вверх и увидел кружащего ястреба.

Голубь спокойно дался в руки. Сердечко его билось часто-часто. И нёс я его до следующего поля. Выйдя на поляну, я подбросил голубя вверх. И он полетел в сторону от дороги. И замечен он был только на фоне тёмной сопки, а поднялся выше, в белёсое осеннее небо, – и пропал. Два раза мелькнуло белое пятнышко – и всё!

Свернул я с дороги и пошёл в ту сторону, куда улетел голубь.

Поднялся на сопку и – вот она, деревня!

Вот тут и подумаешь: кто кого спас?

Иногда семнадцатилетнему юнцу «в дни сомнений, в дни тягостных раздумий» нет-нет, да и приходила тихая, никому не выдаваемая мыслишка: а голубь ли это был?

А вдруг?

КОМАР

Помните у Пушкина:

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,

Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...

Комары... Кого они не кусали, кого не заставляли расчёсывать тело до крови? Как ненавидели мы их тёплыми летними вечерами... Кровопийцы! Какими ядохимикатами их только не травим... И мазями, и растворами, и дезодорантами, и дымом... Мне старушки в одной деревеньке на юге страны даже рассказали «секретный!» рецепт убийственной мази от этих паразитов: детский крем и ванилин. Но! Всё напрасно. По-видимому, наши дальневосточные комары не чета южноевропейским – они ядонепробиваемые и иммунитетом покрепче. Их настойчивости и устойчивости можно только позавидовать.

Когда тёплым летним вечером в тишине чуть раздастся тонкая песнь комара, многие начинают паниковать! Размахивают руками, чуть не выво-

рачивая их в суставах, ветками, платками... А ку-саются только самочки...

Нервы, господа, нервы!

Сейчас середина октября. День выдался тёплым, почти летним.

Выехал я на закрытие охоты по перу. Вечер. Солнышко светит, а ноги, обутые в резиновые сапоги, мёрзнут от остывающей земли. Зорька прошла без выстрела. Вернулся в машину, а там – комар! Живой и жизнерадостный! Наверное, последний в этом году...

И вдруг я сравнил себя с комаром. По сути – братья. И я многим в этой жизни досаждал, и

многие, может быть, и меня прихлопнуть были бы не прочь... И жизнь наша – длиною в день...

Когда увидел его летающим в машине, первым желанием, естественно, было прихлопнуть или изгнать... Потом передумал. Сейчас мне в одиночестве он показался старым добрым знакомым. Уже забыта обида на его сородичей... Ему тоже сейчас трудно. Пусть поживёт в тепле. На улице подмораживает. Вдвоём-то ночевать веселее. Может быть, он и песню мне свою споёт... Или уже не до песен? Ну, ладно, брат, и так хорошо...

Живи, комар, живи!

Анна ЗАБИЯКО

профессор АмГУ,

выпускница БГПУ 1991 года

С фантазией я не дружу.

Рассказы начала писать из чувства долга – писательница Галина Одинцова настойчиво попросила поддержать её и поучаствовать в конкурсе художественных воспоминаний. Но вышло так, что прочитанный мною вслух рассказ «Огурцы-молдцы» очень понравился нашей старенькой маме, теряющей память. Потому я стала писать для неё, параллельно озвучивая эти невыдуманные истории из жизни

моих близких – мамы, отца, дедушек и бабушек моих и мужа, моего свата и его родных... Оказалось, что это мне – ради отдыха и интересно не только маме.

То, что было рутиной жизни нескольких поколений, обрело смысл и значение повседневной истории русских и не совсем русских людей, на чью долю выпало жить в период сложных социальных катаклизмов XX века в России, в СССР, а позднее – в нашей многострадальной постперестроечной стране. Исторически эти процессы приводили к созданию интернациональных семей, где смешивались разные крови и темпераменты – русских, китайцев, гуранов, евреев, туркменов, украинцев, уживались ментальности разных социальных слоёв – казаков и кулаков, учителей и лесничих, крестьян и воспитателей, золотоискателей и профессоров... Наша семья – яркий тому пример. К месту пришлась моя профессиональная деятельность, опыт по сбору устных историй в русской и китайской, городской и деревенской среде, интерес к живому сказу. Потому в моём арсенале и «Уроки китайского», и рассказ о прадеде-учителе, и история о дедушке мужа, геройском фронтовике, и много ещё чего...

Особенных иллюзий насчёт востребованности своих рассказчиков не питаю. Пишу, пока в памяти есть сюжеты, которые мне видятся любопытными. Надеюсь, что потом это будет нужно моим детям и внукам.

Рада, что публикация этих историй совпала с юбилеем нашей alma-mater. Жалею, что «не показала» с этой стороны моим учителям, многим уже – ушедшим... Но: каждой истории – своё время.

ИСТОРИИ

Уроки русского

Больше всего на свете Толька не любил воскресенье – не каждое, но раз в две недели точно. В воскресенье ему надо было много успеть. Рано утром бабка Анна слезала с печи, шла доить корову, будила его: «Толька, вставай!». Сестрёнка Нинка сладко сопела рядом, ей что – мала пока,

можно дрыхнуть. Мать слышно не было – отсыпалась после рабочей недели. Работала она много, мужской работой – конюхом в леспромохозе. За время войны взрослых мужиков в деревне повыбивало. Вот и тянули бабы на себе и вдовью участь, и мужнин труд. Тут самый сок, баба ягодка опять – но какие тут ягодки, полынь горькая...

А Тольке надо было собираться. Дорога в посёлок Асино, где средняя школа, неблизкая – двадцать пять километров. Дорога просёлочная, пока доберёшься, уже и сумерки, а по тёмной сибирской зиме... Везти Тольку некому: у матери своей лошади нет, на совхозной не имеет права. Если вдруг у кого оказия выпадет – то для Тольки счастье. Идти Тольке не трудно, чего ему – он парнишка худенький, лёгкий, если не морозно, то первые десять километров и не заметно. Но вот надо же с собой провизию тащить, на две недели. А это – уже другое дело. В вещмешок, доставшийся от соседа-фронтовика (от ран помер, жена в горе раздала все вещи по домам, сама потом жалела), наложит мать картошки, кусок сала, мороженой капусты и круг молока, как и хлеб, мороженого. Наложит с вечера, потрясёт мешок – ничего, надо парню сдюжить...

Жалеть – некогда, да кто в леспромхозе детишек сильно жалеет... Слово это не сибирское, а для семей раскулаченных – совсем лишнее слово. Их самих, детей малых, никто не жалел, когда в двадцать девятом «из Сибири в Сибирь», как потом известный поэт напишет, отправили с родителями из насиженных мест. За что отправили с клеймом «раскулаченные», никто из детей так и не понял до конца своих лет. За одного работника в семье из десятирех человек... Отправляли из алтайских лесов в сибирские болота. Добирались «кулаки», кто выживал на этапе, в гиблые те места, рыли по первости землянки. А потом снова заводили свои крепкие хозяйства, и опять своим крепким трудом жизнь налаживали – не богату, но крепкую, сытную.

А тут война. Поначалу мужиков, выросших из «подкулачников», не трогали как неблагонадёжных. Хотя стрелки они были все отменные, да и крепкие, ловкие, одно слово – таёжники. Но на фронтах становилось всё хуже, фашист докатился аж до самых до столичных рубежей. И стали призывать. Так вся «кулацкая» деревня и ушла на фронт. Толькин отец, Александр, ушёл в сорок втором. Видно, успел пройти учебку, попал под Сталинград. И пропал без вести.

Толька родился за два года до войны. Успел окрепнуть до самых тяжёлых годов. Потому, когда окончил младшую школу в Кайлушке, мать, не особенно вздыхая, собрала его и отвезла в Асино, в семью к брату. Что делать – учиться надо, нельзя детям, как ей, с двумя классами, еле грамотной, жить. А школы средней в их деревне нет.

Так же, по родным да по съёмным углам, разместились и другие деревенские ровесники Тольки.

В школе Тольке не сразу, но понравилось. Поначалу не мог привыкнуть к учителям, к

одноклассникам. Знал он, что и анкета у него – не ахти... А потом вдруг обнаружилось, что у Тольки хорошая память, стихи вмиг запоминает, исторические даты как пулемёт стреляет. К арифметике способности средние, но складывает-вычитает отменно (вот она, кулацкая кровь-то, ей интегралы ни к чему...). И пишет грамотно, без единой ошибки, ровно, с какими-то изысканными завитушками. Каллиграф. В общем, почувствовал тихий мальчонка, что не совсем он дурак среди этих районных поселковых пацанов. И в анкету его, родителем подпорченную, никто толком не глядит. А чего глядеть тому же директору в эти анкеты – вся Сибирь на этих раскулаченных теперь стоит, что ж теперь ему с ними делать-то...

Отзанимается Толька, с горки накатается, замёрзнет – и к тётке в дом бежит. В животе бурчит, сосёт, но Толька знает: поесть удастся не скоро. Забежит, буханку свою, в тряпочку завернутую, с печки снимет (утром положил, должна оттаять), развернёт, отрежет ломоть хлеба. Посмотрит: ровно – нет, не хватил ли лишка... Посолит, медленно начнёт жевать. Потом – в сенцы. Там в сторонке его кастрюлька со щами. Щи – лёд. Толька берёт топор, откалывает себе ровный кусок, в миску железную кладёт и на печку. Ждать теперь надо, пока щи растают. На печи тем временем тёткина каша поспела, с мясом. Пахучая, аромат в нос так и шибает... Садится Толька пока за уроки – чтобы светло было, а то ночью ему никто лампу жечь не позволит. Через час щи согреются, пообедает Толька, да и поужинает заодно.

У дядьки детей трое. Погодки, средний – Толькин ровесник. Когда мать Тольку привезла, тётка, жена брата, ничего не сказала, губы поджала и ушла в сарай свинью кормить. С дороги обедом их с матерью угостила. А дальше Толька и братнина семья питались отдельно.

Научился Толька щи нехитрые готовить, варил их в воскресенье, сразу как дотопаёт из дома – чтобы на неделю был харч. Нарубит картохи крупно, сало зажарит, луковицу мёрзлую целиком бросит и капусты. После дороги зимней заголодеет, сварилась – не сварилась – всё равно наестся: «горяче сыро не бывает». И спать. В подклеть, куда его тётка разместила. Один угол в подклети греется домашней печкой, другой – льдом покрыт. Толька фуфайку свою натянет на голову, ноги в валенках под себя подожмёт и спит сладко, снится ему лето, каникулы, и они с таким же Толькой, другом, ловят в речке рыбу, а потом жарят её на сковородках, луком и хлебом заедают... Комары жужжат, лошади фыркают невдалеке, корова Зорька мычит, бабка Анна по

огороду шныряет, хозяйничает... Добрые сны, сытные и тёплые...

Однажды заигрался Толька с ребятами после школы, пришёл домой, в сенцы шасть – а щей-то нет. Пустая кастрюля. То ли сам обсчитался да лишнее съел по вечеру, то ли братья подшутили... Пришлось ему ложиться на голодный желудок, хорошо – хлеб ещё был, корочку медленно рассосал, стараясь не слушать, как бойко стучат ложками двоюродные братья.

Не случилась в жизни маленького Тольки красивая и чуткая учительница французского, которая бы стала слать ему «из Кайлушки от матери» посылки с макаронами. Да и учил Толька – немецкий. Хотя и хороший был учитель, из волжских немцев, но к языку этому фашистскому у Тольки сразу неприязнь проснулась. А случилась бы такая добрая учительница – не стал бы он от её посылок отказываться, у него мозги хоть и острые, да голод был ещё острее.

Всё вышло просто и по-житейски: Толька вырос. Закончил школу, потом Лесной техникум в Томске, вернулся домой, женился на заезжей воспиталке из детского сада и пошёл служить. А там понеслась его карьера ввысь: артучилище, спецшкола, академия. Глядь, неожиданно – а на плечах Толькиных, теперь уже Анатолия Александровича, крупные звёзды. По три на каждом.

Пишет мать ему своим корявым почерком, с ошибками, стеснясь: «Анатолий, ты как поедешь погостить – хворму надень. Дядька просит, да и мы будем рады». Надоест ему эта форма за год, ему бы что штатское, женой купленное, – но мать просит! Едет он, бедный, парится в дороге, платочком утирается. Дочь с собой везёт – той неловко. Чего в форме-то отдыхать? Штаны вон модные, вельветовые, купили, джемпер венгерский...

Приедет Анатолий, мать берёт – везёт в Асино. Родня собирается, знакомые набегают. Столы ломаются, водка рекой – полковник приехал, наш племянник, Толька... «А помнишь, Толь, как ты этого, того – как с нашими пацанами-то рос? Валентина тебя, как родная мать, берегла!...»

Эту историю рассказала мне мама, когда папы уже не стало... Узнала она о мужнином детстве ещё по молодости, тогда, когда стала выпрашивать – почему он так крупно рубит овощи в щи и чего он эти щи так любит. Отец рассказывал всё очень ровно, никого не осуждая. Ему это и в голову не приходило. Мама моя, совесть всего обиженного на земле народа, расставила все оценки

сама. К родственникам мужа после этой истории в Асино она не ездила. Не могла смотреть им в глаза.

Мы отцовы щи терпели. Не любили целые в них луковицы, не могли понять твёрдой капусты. Но его право готовить их, как и нажаривать полные сковороды рыбы с луком, уважали. Как уважали то, что он никогда ничего ни у кого не просил и нас к тому же приучил. Что сам наработал, то и съел. Можешь терпеть – терпи, не жалуйся. Сам с трудностями справляйся.

И ещё мы с детства уважали его право – за семейный стол усаживать бойцов, которые служили у него в подчинении. Дома, в гостях ли, на выезде. Всегда с нами, из домашнего, как говорится, котла.

Такие вот они, уроки русского.

О чебурашках и прочей нечисти

Существо было маленькое, пушистое, но пакостливое. Когда старушка начинала дремать и её немудрящие старушечьи думки подёргивались успокаивающим маревом сна, существо подкрадывалось к изголовью и стучало старушку по носу своей мягкой лапкой. Та вздрагивала, открывала подслеповатые глаза, долго приходила в себя. А существо, добившись желаемого, прыгало на бельевую верёвку, натянутую поперёк комнаты, в аккурат перед старушкиным взором, и начинало вертеть на глазах бедняжки хитрые сальто с подскоками.

– Уйди, Чебурашка! – мягко увещевала старушка. – Ну что тебе от меня надо?

Чебурашка не реагировал, крутился-вертелся на канатике, старался, не падал. От его выкрутасов старушкина голова начинала кружиться, в ушах шумело. Старушка вновь погружалась в дрему, теперь уже тягостную, но существо не теряло бдительности, спрыгивало и вновь хлопало Евдокию Яковлевну по носу. Мягко, но настойчиво.

Когда старушка уставала от этого противостояния и пребывания на границе сна и яви, она приподнималась на диванчике, опираясь на потёртую спинку. Чебурашка исчезал из поля зрения, но не из комнаты. Он перебирался за трельяж, старенький, купленный ещё в первые годы брежневского правления. Бабуле трельяж был без надобности, но дочь хранила в нём разные мелочи, а перед работой причёсывалась и оглядывала свою фигуру – так ли она до сих пор хороша, как в былые годы. Выходило, что всё ещё хороша, свет её зеркальце всю правду докладывало и не врало. А за трелья-

жем хранили они с матерью банки с засолками: огурцы, помидоры всякие и лечо, переложенные газетами. Когда приходил в гости старший сын, бабуля торжественно пробиралась за стеклину зеркала и извлекала очередной гостинчик внучке Наташеньке и невестушке-красавице.

Чебурашка этот схрончик подарочный очень уважал. После своих акробатических этюдов он забирался в заветный уголок и шуршал газетами, пересчитывая, очевидно, банки, но не исключено, что и перелистывая старые газеты...

– Уймись, окаянный! – вздыхала баба Дуня.

Всё же немного тревожно было ей за банки, которые с такой любовью крутили с дочерью летом, считали, подписывали. После таких хулиганств со стороны надоедного Чебурашки случалось иногда, что одна-две баночки взрывались. Ну, а что удивительного, если скажут по ним без зазрения совести целыми днями...

После банок Чебурашка мог немного подустать, а потом в сумерки каким-то макарон перебирался в трельяжные ящички. И начинал бессовестно шурудить там, и тут уже бабуля ничего не могла поделать, собиралась с силами и, шаркая чунями, перебиралась на кухню...

Так продолжалось до самого вечера, пока не приходила с работы дочь. Поначалу она шумно садилась в коридоре на стул, отдыхала с дороги. Потом начинала медленно ощущать себя не пожилой выработавшейся женщиной, а дочерью, молодой и заботливой. Заходила на кухню, там находила свою истомившуюся старушку-мать. Хорошо, если та не оставляла на плите кашу или чайник... Дочь начинала готовить ужин и вдохновенно развивала свой привычный монолог о том, как прошёл день на работе, какие и с кем были в течение дня разговоры, что она услышала в автобусе по дороге домой, какая за окном погода и что она думает о процессе воспитания всех своих внуков. В прошлом дочь работала учителем с глухими детьми, потому речь её была громкая, отчётливая, наполненная разными модуляциями и риторическими вопросами. Риторическими они были в том смысле, что, задавая их, она сама же и отвечала – развёрнуто, с разными вариантами, одинаково оригинальными.

Этот процесс общения с дочерью бабу Дуню очень радовал. Он заменял ей радио и телевидение, освобождал от нужды общаться с кем-то ещё, потому что дочери было много, монологических сюжетов в ней хранилось предостаточно, а когда они повторялись, то вариации были всегда новыми и неожиданными.

После ужина дочь умывала и отводила старушку в постель. Садилась рядом, с вязанием, и

тогда спрашивала, как прошёл день. И тут наступал короткий миг материнского говорения:

– Опять Чебурашка донимал... Ты в трельяже-то посмотри, всё ли на месте?

Дочь вздыхала, послушно выдвигала ящичек и обнаруживала очередной подарочек домашнего демона: скрепки в коробке для какой-то нужды были скреплены в единую ленту... Ну вот зачем это, к чему? Нечисть – она и есть нечисть, тьфу ты... Закрывала Валентина коробочку, решая в сердцах, что распутает эти хитрые плетения, когда скрепки понадобятся.

– А почему Чебурашка-то, мам? Как он выглядит? – в другие дни терпеливо спрашивала она у матери.

– Ну, он на мишку маленького похож, а уши большие, круглые. А как его ещё назвать? – недоумевала та, вздыхая...

Дочь выключала свет, уходила спать, во сне разные видения ей являлись: то муж-гулеван, то сыновья с невестками. Но чтобы какие существа несусветные – такого не было...

Утром дочь снова уходила. Нежно целовала старушкину макушку. Шла на автобус и вспоминала, как та телепалась утром в кухню, возвращая не востребованные Чебурашкой дары – мелко порезанную в блюдечке колбаску. Это соседка с верхнего этажа надоемила мать ублажить домовёнка. Но тот на подкупы не поддавался, его чувство к Евдокии Яковлевне было бескорыстным.

А старушка между тем угасала... Очень скоро ей уже не стало хватать силы не то что сбежать от Чебурашки на кухню – даже слова попрека подбирала она с трудом. Чтобы разбудить подругу от накрывающей дремы, Чебурашке приходилось хлопать и хлопать бедняжку по носу, но всё тщетно...

Валентина стоически мать дохаживала, до самого последнего дня. Та её жалела, не мучила, всё давала наказы, как без неё жить, как брата поддерживать, как детям помогать... В присутствии дочери Чебурашка затихал, прятался в шкафу, задрёмывал от запаха нафталина, которым дочь щедро пересыпала своё добро...

После похорон Валентина долго не заходила в материну комнату – было невыносимо больно. Хотя и сама уже не молода, а мать терять тяжело. Она ей и за мать, и за сестрёнку, и за подружку была. Долго Валентина горевала. Но мало-помалу стала возвращаться в своё привычное энергичное состояние...

И вот настал тот вечер, когда она, выбросив старенький диванчик, расстелив новый ковёр, воссела в новое кресло в заветной комнатке, достала вязание, пригорюнилась. И – задремала.

Тут Чебурашка из шкафчика-то и прыг, за свой любимый трельяжик с банками – шашь! И давай осторожно пошуршивать, набирая постепенно частоту оборотов. Уже и на верёвку стал поглядывать – когда же, когда же улучшить момент да и запрыгнуть...

А Валентина, со сна отряхнувшись, ноги свои крепкие подобрала да голосом учительским, на глухонемых да мужиков незадачливых рассчитанным, как гаркнет:

– А ну, брысь отсюда, нечисть поганая! Я грамотная, в тебя не верю!

От страшного командного окрика существо съёжилось, скукожилось, в щель между линолеумом и батареей забилося. До ночи в обмороке пролежало. А когда все в доме уснули, неслышно перебирая мягкими лапками, перебралось к соседке на пятом этаже. И больше Валентина Чебурашку не слышала.

Про любовь и костюмы

Колька Смолянский был щёголем. И это ему очень шло. Волосы – вороново крыло, глаза с поволокой, смуглый, стройный, высокий. В выходной день костюм наденет, галстук к каждой рубашке свой подберёт. И – в клуб. Бильярдист фартовый, к женщинам – благосклонный. И они платят ему тем же.

А как не платить – жених завидный. Горный мастер, у начальства на хорошем счету, зарплата о-го-го, каждое лето – путёвка на Кавказ или в Крым. Не жизнь – мечта.

Одно плохо: дочка у Кольки есть, в обременение. По молодости угораздило его жениться на заезжей черноглазой красотке. А та долго не задержалась, пока дочка грудная лежала – увлеклась юным музыкантом и сбежала с ним. Хоть дочку черноглазую, всю в загульную мамашу, дед с бабушкой забрали и увезли, а всё ж не каждая решится за такого замуж пойти. Так – в клубе глазами пострелять да шампанского в буфете с щедрым кавалером выпить, да ещё чего, дело молодое – можно. А вот чтоб расписываться... Тут уж и он не особенно звал.

Пока местные зазнобы раздумывали да прикидывали, приехала из Читы белобрысая дамочка, мастером в ргутный цех сразу определилась. Не одна, без мужа, – но с годовалой дочкой. Дамочка строгая, не разговорчивая, а брови насурьмлённые ниточкой, талия в шифоновом платье узкая, ноги стройные. И в шляпке! Но шляпка эта – никакой не намёк на какие-нибудь шуры-муры. Поэтому что дамочка, чуть что, брови домиком: «Ну, ещё чего? Как краси-и-иво!». И всё тут...

Забилось Колькино сердце. Вот такую он, оказывается, и ждал, – а с цыганкой той шальной, видать, бес попутал. Стал Николай по вечерам не в клуб, а мимо дома этой блондиночки ходить. Кругами. Стал девочке Иде (вот так имечко!) конфеты носить. И на закорках её таскать – детей он, как и собак, и всех маленьких, очень любил. Надежда – так дамочку эту звали – его сильно не жаловала, вела себя чинно и церемонно. Чаем только на второй месяц напоила. С сушками. Разносолов у неё дома не водилось, порядок в доме – да, но никаких там кулинарных, борщей-пирогов. Суп сварит – проглотить можно, но ложку не оближешь. Кашу рисовую – туда-сюда, с маслом, хорошо варила. Надежда книги читала, в библиотеку через день бегала и в кино раз в неделю с Николаем – соглашалась. Была у неё такая слабость – кинематограф. Колька в кино, конечно, томился, но что делать – культура! Надо своей залёточке соответствовать. Она не просто в шляпке у него, она – идейная, её вон в партию рекомендовали, ну и он давай за ней, тоже кандидатом стал.

Надежда ухаживания Колькины принимала, но без вольностей. Он сразу понял – не совсем она ему пара. У неё родители-учителя, горный техникум, а у него семь классов да ФЗУ... Но и у таких футы-нуты тоже бреши в обороне имеются. У Надежды брешью была Идка – ровесница его Тamarки. Хоть и не старое нынче время, а на приiske одинокая да не бывшая замужем женщина с ребёнком – как бельмо на глазу. Ходи всё время и делай вид, что не слышишь никаких хохотков да шепотков про нагулянную... «Гляди ты, туфли у неё да баретки на каблуках, а сама-то...»

Вот Николай через полгода свой парадный костюм шевиотовый надел, цветы купил, шоколадные конфеты да шампанское в буфете и к ней: «Выходи, Надежда, за меня, а Ида мне и так как родная, я её удочерю!». Поженились, несмотря на мачехины косые взгляды да отцовы отговоры. Братья его, дурака, не поняли, а сёстры к тому времени поразъехались. Николай же, несмотря на мягкий вроде бы характер, для себя решил: только так ему и можно дальше жить. Надежда осталась на своей фамилии – Арсентьева. Он сам не предложил по глупости, она настаивать не стала. Приисковые же решили – вот уж до чего идейная, в духе времени, эта Надежда Павловна...

Пошла у них жизнь семейная. Страсти особой Надежда и после свадьбы к Кольке не почувствовала. Ему обидно: девки заглядываются, а дома – холод, порядок, рис на ужин и книги. Но ничего. Мало-помалу он стал снова

в клуб похаживать да в буфете задерживаться. А иногда и под утро из буфета или ещё откуда возвращаться. Надежда губы подождёт, потом помадой их мазнёт и на работу. Через год у них дочь родилась, Альвина. Характером, как мать решила, вся в отца. Да и похожа на него более. Отец дочку любил, но любовью легкомысленной – в перерывах между работой и бильярдом. Придёт под утро хмельной – и к дочкиной кровати. Посмотрит на неё, на Идку, про Тамарку вспомнит – сердце захохочёт от тоски, вот бы и ту забрать. Но Надежда не предлагает. А он стыдится своего загульного чада... А как жену-свистульку вспомнит, все деньги под сурдинку укравшую, так и думать про дочь свою родную, первенькую, не хочет. Пойдёт на почту, перевод с зарплаты внушительный отправит, а остальное – Надежде. Та – ни слова упрёка. Бровью-ниточкой не поведёт.

А ещё через два года началась война. Троих его братьев, Ивана, Александра и Якова, забрали на западные фронты. А его по каким-то расчётам оставили в дивизии на границе с Китаем. Ожидать нападения Японии. Упреждать удар. Ушёл-то он в армию раньше братьев, ещё в сороковом, как только эти проклятые япошки стали на границе колобродить. Ушёл и уже не вернулся до самого сорок пятого.

За два года своей семейной жизни успела Надежда от мужниного развесёлого нрава подустать... Потому проводила его сдержанно, не знаячи, что впереди – война и долгие годы ожидания. И осталась одна с двумя дочками-погодками. Со свекровью тёмной да отцом мужниным, типичным старателем-пьяницей, интересов у неё общих не было. Но терпела. Зарплатой да пайком своим скудным делилась – деваться некуда, сын старший. По обычаю, родители с ним живут. А нет сына – корми, невестушка.

Всю войну работала Надежда для фронта, для победы. Иногда по неделям в цеху, домой на выходной забежит, и всё. Посерела вся от ртути. Дети с нянькой – пятнадцатилетней племянницей Николая, Стешей. Прибежит Надежда домой, Идка ревёт: «Мама, дай хлебушка!» Она ей свой паёк отдаст, на Альку взглянет – а та ничего, молчит, играет. Видать, не голодная... и убежит Наде-

жда обратно, чтобы, от греха подальше, в саботаже не обвинили или, того хуже, во вредительстве. Золото стране нужно! Враг на подступах к столице! Там уже и фронт назад повернул, замелькали с обратной скоростью освобождённые города, а золото стране всё так же было нужно...

Надежда вся исхудала, высохла, но цех её в передовых шёл, её уважали, сделали начальником. В редкие выходные писала она Николаю добрые письма от дочек: «Плиззай, нас папиться, пливози нам плянники!»

Пришёл победный сорок пятый. Николаева дивизия, наконец-то, в сентябре Амур перешла, дошёл Колька с нашей доблестной армией до Харбина, освободили они Маньчжурию от японских милитаристов. И, наконец, отправились воины домой.

Добрался Николай до прииска. Жена до ночи в цеху, не знает. Назарьевна стол накрыла, бутылку самогону поставила, а он к дочкам. Глядь – Идка-то ничего, справная, а Алька его – с кругами под глазами, ноги-былинки колесом, живот вперёд пузырьком торчит. И вяленькая такая, ковыляет к нему еле-еле, как паучок.

Кинулся Колька к шкафу, открывает – а там пусто. Никаких шифонов, даже штапельного платья довоенного – и того нет. Всё Надежда за войну продала, и шляпку, и баретки, и туфли... Детей выхаживала. Висят только два его костюма, шевитовый и габардиновый.

Эти костюмы она свято берегла. Приисковые ей сказали: продашь мужнины вещи – не вернуться ему живым с войны. Примета такая фронтовая... Так и провисели щегольские наряды пять лет, ожидая хозяина-повесу...

Сгрёб Колька свои костюмы в охапку и на барахолку.

Возвращается Надежда домой – во дворе корова мычит. Алька на кухне галеты фронтовые грызёт, молоком запивает. Идка на сундуке сладко спит, пузыри молочные пускает. А за столом в гимнастёрке сидит её пьяненький красавчик муженёк, голову в умилении рукой подпёр, песню про бродягу, который Байкал переехал, тянет и плачет...

Что с них, неграмотных, приисковых, взять...
«Ну, ещё чего? Как краси-и-иво!!!»

Сергей СОНИН

член Союза писателей России,
выпускник физмата БГПИ 1974 года

Сердечно поздравляю преподавателей, студентов, весь коллектив педагогического университета с юбилейной датой – 90-летием! С теплом вспоминая свои студенческие годы, желаю нынешним преподавателям отличного здоровья, прекрасного настроения, неиссякаемой творческой энергии и вдохновения. Пусть к любви студентов прошлых лет прибавляется любовь сегодняшних и будущих ваших питомцев!

ПРАВО БЫТЬ СОБОЙ

Глава из будущего романа

Очередную встречу выпускников отделения физики решили провести в Белогорске, так как в областном центре никто не смог организовать совместное двухдневное проживание. Одинцов же, построивший когда-то вполне подходящий для такой встречи Дом писателей, нуждался лишь в сценарии мероприятия.

Подтянулись из Благовещенска, Райчихинска, Серышево... Украсила своим присутствием встречу бывших выпускников Лена, как раз в эти дни приехавшая из своего далёкого Белгорода навестить родителей.

Первыми в Доме писателей появились Лебедевы – Татьяна и Валерий. На заднем сиденье их вездеходной Нивы сквозь лобовое стекло Дмитрий рассмотрел и чету Коваленко – Галину и Владимира. Лебедевы жили в Коболдо. Продвигаясь со своего севера на юг области во время отпуска или по необходимости, они обычно заезжали к Коваленко. У них ночевали, а потом все вместе отправлялись к Одинцову, если он, конечно, был в это время в городе. С этими однокурсниками Дмитрий встречался чаще, чем с другими. А вот с Леной Григорьевой и Сергеем Панкрацем после окончания института вообще не виделся. Лена, сдав госы, вышла замуж и уехала в Белгород. С Панкрацем пути Дмитрия тоже не пересекались, хотя после вуза тот остался в Благовещенске. Дмитрий слышал, что его жена, красавица Катя, умерла и сейчас Сергей живёт один. А подружился он ещё на первом курсе, когда в сентябре начинали свою студенческую жизнь, как это было принято в те годы, на колхозных полях.

А вот и Панькин появился с женой Людой, учившейся с ними на одном курсе, но в группе математиков. Успешно сдав вступительные экзамены в институт, Дмитрий отправился домой, чтобы

в надлежащей амуниции через неделю явиться в колхоз. В поезде и встретила ему Люда Басова, ставшая впоследствии женой Александра. Парни, которым, как и Дмитрию, было по восемнадцать, долго по буквам отгадывали фамилию Людмилы, чем веселили пассажиров их плацкартного вагона. На букву «Б» названо было много фамилий, но все мимо. Тогда Людмила «рассекретила» вторую букву. И вновь начались гадания: Баранова, Банная, Бананова, Баркина, Базарная, Баритонова, даже Багратионова... Её подруга Ася, тоже поступившая в институт, изображала собою значение каждой названной фамилии, что добавляло смеха весёлой компании. Когда же, наконец, кто-то догадался: «Басова!», парни ахнули от своей «тупости»: такая лёгкая фамилия, а разгадывали с полчаса...

– А вот и наша Тамара! – раздался радостный возглас Галины Коваленко.

Дмитрий посмотрел по сторонам, но ожидаемой им Тамары не увидел. Лишь когда Галина с Татьяной стали обниматься с незнакомой женщиной, он понял, что это и есть Тамара. От той Тамары, которую он помнил по студенческим годам, не осталось и следа; вернее, к той Тамаре прибавилось ещё две Тамары и они, слившись в единое целое, в таком виде предстали перед своим однокурсником. Дмитрий поцеловал пухлую руку и подумал: «Какая девочка была – загляденье, а теперь что? Вот Лена осталась такой же миниатюрной, как и была. А жена Бычкова, так вроде даже похудела. Видимо, всё зависит от конституции человека, от его генов, будь они неладны».

Одинцов с Бардиным подготовили музыкальную программу. Даниил придумал конкурсы, чтобы никто не скучал, чтобы держать всех в весёлом настроении. Концерт, однако, долго не начинался.

Давно не видевшиеся однокурсники расспрашивали друг друга и были всецело поглощены этим занятием. Отовсюду слышались возгласы: А помнишь, как сдавали экзамены Венере Петровне?.. А помнишь, как ты разозлил Бориса Ивановича?.. А у тебя сколько детей? Внуков тоже двое. Мальчик и девочка. Как раз комплект. Не зря, значит, живёшь! А ты что, не удосужился? Да нет. У меня их трое. Вот как! У тебя ещё плодотворнее жизнь... Да, Коля умер. Царствие ему небесное. А Олег после операции ещё быстрее стал бегать. А где наш Рыбак, который поймал Казак? Здесь, в Благовещенске? А что же не приехали? А, в отпуск уехали... Надо бы за полгода вперёд встречу назначить. Да как её назначишь? Всё течёт ведь. Нынче здесь – завтра там. Как в той песне. А ты не знаешь, где сейчас Саша Демидов? Ведь такие надежды подавал в рифмоплётстве. Видела я его как-то ещё по молодости. Шёл с женой, ребёнок в коляске. Вроде прапором служил. А Валя Дробышев? Они со Славой институт не окончили. Да и тех, кто с нами заканчивал, как видите, здесь не так-то и много. Пораскидала всех жизнь, следов не найдёшь. Ну ладно, не будем о грустном. Дмитрий, начинайте концерт!

И поплыла перед бывшими студентами жизнь – мотивами разных песен. Бардин и его «капелла» исполняли песни на стихи самого руководителя и Одинцова. Содержание их, видимо, было близко гостям: задумчивые выражения лиц сменяли весёлость, задор и снова грусть. Отблески воспоминаний о былых временах, о пылкой студенческой юности явственно отражались на лицах. Бардин приглашал гостей на танцы, после медленных танго или вальса обязательно шла весёлая музыка, которая обеспечивала «прыгучесть» и «скакучесть» взрослых, но не потерявших студенческого задора людей.

До захода солнца оставалось часа полтора, и гости вместе с артистами, поужинав в кафе «Звездочёт», собрались ехать на Белую гору, чтобы посмотреть закат с высоты птичьего полёта.

– Смотри, Палыч! А Дмитрий в честь тебя даже кафе назвал, – обратился к Лебедеву Коваленко.

– Да что ты свистишь, – заулыбался Палыч своей студенческой кличке.

– Свищу не свищу... Ты читать-то не разучился? Написано же: «Звезд-до-чёт». Не про тебя ли – наш близорукий?

– Про меня, про меня, – согласился Палыч, садясь в машину. – Поехали, пока мои звёзды не вышли на небо, а то не увидим обещанный Одинцовым закат.

При повороте с трассы на гравийку в сторону Белой горы «тойоту» Дмитрия занесло. «Что та-

кое?» – подумал он и тут же понял, увидев колесо, летящее в кювет. Перед выездом Дмитрий попросил заменить заднее колесо. Работники автосервиса в спешке не закрутили гайки, только нажили их на шпильки. В таком положении гайки долго держать колесо не смогли: на повороте, когда центробежная сила увеличивается, колесо сорвало.

– Это – раз! – сказал Сергей Панкрац, ни к кому не обращаясь, помогая Дмитрию вернуть колесо на прежнее место.

– А я ещё еду и думаю: что-то нас штормит всю дорогу – неужели землетрясение? – сделал губки бантиком, объясняла Лена Дмитрию своё состояние.

– Да откуда тут землетрясение возьмётся! – Бычков посмотрел на жену, как бы ища поддержки своим словам, а потом на Лену. – Ты здесь столько лет прожила и ни разу тебя не качало.

...Вскоре три машины дружно въехали на смотровую площадку Белой горы.

Солнце было почти у самого горизонта, но каждый желающий сфотографироваться со светилом, держа его в ладонях, успел это сделать. На фоне ближних деревьев, растущих тут же на горе, соответствующих в проекции размеру людей, и на фоне деревьев, находящихся далеко внизу, похожих на травинки, получались величественные фотографии: ярко-красное солнце – в ладонях! Над головами пролетали птицы и, миновав черту обрыва, мгновенно оказывались на высоте птичьего полёта над распростёртой внизу равниной. У тех, кто стоял у самого края, от всего этого дух захватывало. Шелест листвы в предвечерних сумерках казался таинственным шёпотом.

На федеральной трассе, в километре от Белой горы, стали заметнее светящиеся автомобильные фары, создававшие в воображении тех, кто был на горе, образ огнедышащих драконов. Дмитрий свистнул, как соловей-разбойник, и молчаливое созерцание тут же оборвалось: гости зашумели, заговорили на все лады.

– Какая красота! – воскликнула Лена Григорьева. – Как я рада, что в это время оказалась в Приамурье. Здорово придумали встретиться здесь, в Белогорске! Память на всю жизнь. И даже не на фото, а в сознании.

– Да, Леночка, ты права, – отозвалась Галина Коваленко, – мы-то живём в этом городе, а посмотреть на такую красоту самостоятельно ни разу не выезжали.

– Ты не права, моя птица, – возразил Володя (видимо, он имел в виду галку). – В день нашей свадьбы мы здесь привязывали ленточки на деревья. Вон их сколько – может, и наши там.

– Тю, вспомнил... Тридцать пять лет прошло. Здесь уже новые деревья повыврастали, на которых сейчас ленточки висят.

– Палыч! Вот и твоё любимое звёздное небо появилось, – обратился Дмитрий к Лебедеву, внимание которого было приковано к деревьям, как будто он, действительно, хотел разглядеть там ленточки четы Коваленко. – Брось свои математические расчёты. Назови лучше любимое созвездие.

– Большая Медведица, – ответил за него Сергей Панкрац. – Там такой ковш, что как зачерпнёшь браги из бидона в кобалдинской бане – на весь наш курс физиков хватит.

– И математикам останется, – подхватил кто-то из темноты и все рассмеялись.

– А ты прав, – неожиданно согласился с Панкрацем Палыч. – Я это и хотел сказать. Чего мелочиться в наше нестабильное время? У кого из нас нет проблем? Вот-вот. А ковшом как зачерпнёшь, сразу всем хватит. Но не это главное. Главное – Медведь, символ России. И пусть он охраняет наше государство.

– Ну, Палыч! И тут политику нам впихиваешь. Вечный комсорг. Но это, наверно, правильно. Не марионетка, как некоторые.

Тем временем звёзды стали ярче, а темнота плотнее. Дорога уже не отличалась от поля. Немного не рассчитав, Дмитрий взял в сторону от наезженной колеи и слетел в яму, наполненную грязью. Повжикав взад-вперёд, понял: самостоятельно выбраться не удастся. Вышел из машины.

– Что стоишь? – услышал он весёлый голос Панкраца. – Садись, сейчас мы тебя вытолкаем.

Дмитрий сел за руль. Мужчины стали толкать машину сзади. Грязь полетела из-под колёс. Панкрац, Бычков, Коваленко оказались по уши в грязи. Но с третьего качка они вытолкнули машину из ямы, и Дмитрий вырулил на гравийку. Со стороны ямы в темноте слышался гомерический хохот Сергея вперемешку со словами: «Ничего страшного. Зато запомнится на всю жизнь. Это – два!»

Увидев грязных однокурсников, Дмитрий стал извиняться, на что оказавшийся чистым Валера Лебедев сказал: «Я, как близорукий звездочёт, знаю точно, что этот год – Год Свиньи по китайскому календарю. Так что это не грязь, а счастье вам привалило».

– А по шее? – спросил беззлобно Бычков.

– Только не ниже пояса, – попросил Палыч.

– Но это ещё – не «три», – сказал Сергей.

Учтя происшествие с машиной Дмитрия, остальные водители легко преодолели ненадёжный выезд. Остановились на берегу Томи. Достав из багажника приготовленные дрова, Бардин раз-

жёг костёр. «Грязнули» умылись в реке и вместе с «чистюлями» стали кружиться вокруг весёлого пламени.

Возле костра ночь казалась ещё темнее, звёзд почти не было видно. А поднимающийся над рекой и надвигающийся на костёр туман создавал ощущение, что на их глазах происходит сотворение мира: казалось, огонь захватывал огромные объёмы космической пыли и в вихре небывалого движения создавал галактики. Было даже немного жутковато. Слава богу, что рядом был Бардин. Игрой на баяне он отпугнул страшные видения. Сбросив оцепенение, все стали веселиться.

– А помнишь, Лена, как мы в инструктивном лагере после второго курса вальсировали возле пионерского костра? – Дмитрий подошёл к Лене. – Костёр тот, правда, был выше одноэтажного дома и по окружности на полпесни.

– Да, – Лена взяла Дмитрия за руку, и они начали кружиться в вальсе. – Тогда я видела только твоё лицо на фоне яркого костра. Остальное в темноте ночи вообще не виделось. И сейчас я вижу только твоё лицо.

– Ты знаешь, Лена, а я про тот вечер написал стихотворение. Когда начинаю вспоминать наши студенческие годы – обязательно перечитываю. Оно в первой моей книге напечатано. Ты его читала.

– Да, точно, – Лена остановилась, хотя Бардин ещё раздувал меха баяна. – Там про костёр, про кружившиеся пары. Я тогда думала, что оно мне что-то напоминает, а оказывается, не только напоминает, но и есть та самая память. Вот бестолочь!

Они рассмеялись.

– Не слабо, не слабо придумано, – ворковал Палыч возле своей Татьяны, радуясь вечеру. – Совсем не так, как было у нас, когда встречались в Благовещенске: сидели в ресторане и слушали сразу всех и никого. А здесь... – он мечтательно поднял глаза к небу, усеянному звёздами, посмотрел на видневшийся вдали силуэт железнодорожного моста, прислушался к движению реки, протекающей совсем рядом, и торжественно изрёк: – Лепота!

– Да, дорогой муженёк, – поддержала его Татьяна, – лепота. Жаль, что юность не повторяется. И хоть жизнь прекрасна в любые годы, но в юности она прекрасней всего. Даже твои оттопыренные уши мне нравились тогда больше, чем сейчас. Хотя и сейчас не испытываю к ним неприязни. – Она чмокнула своего Палыча в щёку.

Бардин был настоящим другом: хотя он давно устал развлекать гостей Одинцова, баян его, нежно называемый «гармошечкой», продолжал лить вокруг себя задорные мелодии.

Так же, с песнями, доставили они гостей в гостиницу. Удостоверившись, что «хлопцы пьяны, а кони распряжены», Одинцов отвёз Бардина домой.

– Да какие могут быть между нами тёрки, – весело, но устало ответил Даниил на «спасибо» Дмитрия, – мы же как? Надо – значит сделаем.

– Хорошо вечер прошёл, – задумчиво произнёс Дмитрий. – В нашей канители редко такое бывает.

Бардин ушёл. Дмитрий продолжал сидеть в машине.

Завтра уедут мои однокурсники, и жизнь снова потечёт серенькая и однообразная, – думал он. – Опять дом, работа... С утра встаёшь – ничего не хочется. А разомнёшься – вроде уже что-то надо. Потом включается ускорение, а к вечеру, глядишь, уже что-то интересное сделано. День прошёл не зря. Ну а что нового придумать? Всё новое – хорошо забытое старое. И моя жизнь,

правда, в новом времени, повторяет не одну человеческую жизнь. Так уже с кем-то когда-то было: и друзья, и женщины, и дети, и работа, и завистники, и предатели... Хочется, конечно, повторить чью-то интересную жизнь, но... где же столько интересных жизней набраться на всех, почитай, семь миллиардов живёт на планете. И все хотят жить хорошо!

Мысли Дмитрия опять начали свой круг: от Дины к Александре, от Александры к Светлане, через Белогорск в Москву, в Анапу и обратно. Во всех его думах главным было: как сделать, чтобы всем было хорошо? В мыслях всё легко получалось, но как это осуществить на практике – тут он свой ум приложить не мог. Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет, – вспомнил он вдруг слова Гёте. И хотя у Дмитрия всё было наоборот, с Гёте он спорить не стал. Завёл машину и поехал домой...

Нина МОСКОВСКАЯ

выпускница БГПИ 1966 года

От редакции. Нина Михайловна Московская училась в БГПИ с 1962 по 1966 год. После окончания института по направлению обкома партии работала в газете «Амурская звезда» (г. Сковородино). Позже – в «Амурской правде», затем десять лет в «Зейских огнях» (г. Свободный), потом в газетах «Ленинец» Калининградской области, «Советское Приморье», «Благовещенск».

Благодаря знаниям, полученным в институте, ею была освоена профессия журналиста, востребованная жизнью.

БОЛЬШОЕ НАЧИНАЕТСЯ С МАЛОГО

События, о которых пойдёт речь, отстоят от сегодняшних дней на полвека. Но это не значит, что с течением времени они становятся бессмысленными для молодых людей, обдумывающих свою жизнь. Как говорил А. Блок, прошлое – это продолжение будущего.

А начиналось всё не совсем обычно. В том далёком 1962-м Благовещенский государственный педагогический институт, выглядевший красавцем после большого капитального ремонта, вновь распахнул двери всем желающим учиться. Среди тех, кто поступал в том году в БГПИ, оказалась и я, девушка из таёжного Джелтулакского района.

Вступительные экзамены абитуриенты историко-филологического факультета сдавали ещё в здании сельскохозяйственного института. А вот результаты объявляли уже в нашем деканате. В школе я училась неплохо, тревогу вызывал только английский. Но эта беда была тогда у многих.

Не забыть, как во время экзаменов одна из преподавателей, жгучая красивая брюнетка, не могла сдержать своих эмоций: «Да что же это за произношение?! Один абитуриент другого хлеще!» Вот за иностранный язык и получила удовлетворительно.

В деканате сказали, что мы приняты. Но тем, у кого тройки, стипендии не будет. Я не могла рассчитывать на большую помощь из дома, а учиться очень хотелось. От волнения нервы не выдержали, из глаз сами собой хлынули слёзы. Они капали на бумаги, разложенные на столе. Прямо как в кинокомедии «Королева бензоколонки», где слёзы героини падали на барабан, издавая громкие звуки. Мои же оставляли на бумагах чернильные разводы. Удивлённая секретарша вскочила со стула и начала успокаивать: «Чего ревёшь? Всё ещё может измениться».

Не досталось мне и места в общежитии. Всё равно домой я не вернулась, а поехала с группой

в колхоз, в Константиновский район. Выросшая среди леса, я с интересом разглядывала поля с комбайнами. Нас было человек десять. Работали на зерновом дворе. Зерна было много. Глядя друг на друга, трудились хорошо, не ленились. Жили дружно, потому что были молоды. Руководство отделением колхоза осталось нами довольно и хорошо оплатило работу.

Благовещенск в то время был почти сплошь деревянный. Заборы из штакетника тянулись целыми кварталами. Некоторые пренебрежительно называли его «большой деревней». И всё-таки это был город: с широкими прямыми улицами, автобусами, драмтеатром, кинотеатрами, парками, промышленными предприятиями, с высокими тополями и обилием цветов. С прекрасным институтом, куда я была зачислена студенткой, отчего тополя казались мне особенными, а все люди милыми. И город стал навсегда родным.

Ещё в колхозе я подружилась с Ниной Чирикаловой, которая поступила в институт, окончив педучилище и немного поработав в школе. Обаятельную, деятельную, её сразу выбрали старостой группы. Она помогла нам с Тамарой Подорожной устроиться с жильём, порекомендовав свою знакомую. Женщина не стала брать с нас плату, мы должны были топить печь, поддерживать порядок и помогать её десятилетнему сыну в учёбе. Благодаря стараниям старосты недели через две мы переселились в общежитие. И пусть нас в комнате было пятеро и спали мы на раскладушках, все были довольны. В течение месяца выделили дополнительные стипендии, так что в группе все их получали. Надо было только учиться, и учиться хорошо.

Прежде чем перейти к истории нашей жизни на первом курсе, надо рассказать, какими мы были, о чём думали, к чему стремились. Самое главное – мы жили в поистине героическое время, когда комсомол проявлял себя настоящим созидателем. Навечно останутся в его летописи шестьдесят три Всесоюзные ударные комсомольские стройки!

Молодёжь ехала осваивать Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток. Свыше 80 тысяч комсомольцев отправились в шахты Донбасса, а ещё 350 тысяч выехали поднимать целинные и залежные земли. Комсомольскими руками в 156 городах Советского Союза были построены жилищные комплексы. Обо всём этом рассказывало по радио, в газетах и журналах.

И когда по радио мы слышали песню: «В буднях великих строек, / В весёлом грохоте, в огнях и звонах, / Здравствуй, страна героев, / Страна мечтателей, страна учёных!», – то и самим хотелось поехать на новую большую стройку.

Надо заметить, что уже в школе мы прочитали такие книги, как «Спартак» Джованьоли, «Овод»

Войнич, «Что делать?» Чернышевского, «Война и мир» Толстого. И, конечно же, «Как закалялась сталь» Н. Островского – книгу о силе духа человека. Она была в школьной программе по литературе, мы описывали образ Павки Корчагина в сочинениях, восхищались героем, стремились быть похожими на него.

Вся страна ликовала, когда 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин полетел в космос. Мы гордились советской родиной.

В конце ноября 1962 года к нам в группу пришла прикреплённый преподаватель Любовь Петровна Миронова. Она всем понравилась, внешне была очень приятная. Говорила о нашей жизни, которая должна быть интересной, содержательной, наполненной не только учёбой, но и другими существенными делами. Словом, сказала то, что каждый осознавал: надо быть полезным обществу. Её слова упали в подготовленную благодатную почву. Все загорелись желанием сделать что-то особенное.

Мы показали план работы группы. Любовь Петровна признала его немного суховатым и внесла свои предложения: вести дневник группы, выпускать бюллетень «Жить, отвечая за всё», взять шефство над пограничной заставой (в черте города), летом всей группой поехать на работу в пионерский лагерь имени Лизы Чайкиной. При этом успеваемость чтобы была на высоте.

Предложения хорошие, все согласились с ними. Выбрали ответственных. Мне поручили дневник, а Тамаре Подорожной – бюллетень.

Как и положено, у старосты должен быть взвешенный взгляд на вещи. Нина Чирикалова на собрании разнесла нас в пух и прах. Она сказала, что мы занимаемся прожектёрством, ленимся, мало знаем. К чести девчат, они сумели достойно ответить. Признавая недостатки, говорили и о достижениях. В итоге решили провести ещё одно собрание.

Через два дня после того, как оно состоялось, в групповом дневнике появилась такая запись: «15.12.1962. Было собрание, целых четыре часа. Сначала выбирали комсорга. Были две кандидатуры. Такой спор разгорелся! Пришлось голосовать. Выбрали Тому Подорожную, она подходит к этой работе.

Потом давали характеристику друг другу. О каждом говорили и хорошее, и плохое. Собрание прошло живо. Спорили здорово, мне очень понравилось, стали друг другу понятнее и ближе. Оля».

Разговором на собрании навеяна и такая запись: «Дружба – это самое лучшее чувство, которое может быть между людьми. У нас каждый хочет, чтобы группа была дружной. Надо делать так, чтобы мы могли помочь друг другу не только в учёбе, но и во всех других делах.

Наша группа у Красного знамени. В первом ряду третья слева – Тамара Подорожная (комсорг группы), пятая – Нина Иванова (Московская); во втором вторая слева – Оля Гуськова, шестая – Наташа Рыбакова, седьмая – Нина Чирикова (староста группы), восьмая – Люба Янчинчан (профорг). 1 декабря 1963 г.

Взять хотя бы мальчишек. Дружить с ними надо, но так, чтобы дружба помогала в учёбе. А вообще, чем отличается дружба от любви? Интересный вопрос. Неплохо было бы поговорить об этом, разобрать на собственных примерах и, конечно же, по книжкам. 20.12.1962. Галя».

Организационным моментом стал для нас выход в начале декабря институтской многотиражки «За педкадры», в которой было напечатано обращение ко всем студентам с призывом включаться в соревнование за право называться лучшей группой института. Наша староста, мягко говоря, отнеслась к этому с прохладцей, но девочки решили, что мы не хуже других и надо рассмотреть условия соревнования.

Главное из них – стопроцентная успеваемость. А у нас здесь была масса пробелов. Диктант пишем – много двоек, на практических занятиях отвечаем плохо. Чтобы хорошо сдать экзамены, разбили группу на пятёрки так, чтобы в каждой был кто-то посильнее.

Первая сессия показала, что большинство в группе – люди сознательные и работоспособные, но без огрехов не обошлось. Как писалось в дневнике, «у нас после праздника (встреча Нового

1963 года) получилось недоразумение: на литературоведение пришли все неподготовленные. Наш А.В. Лосев так возмущался, на промокашку нас всех переписал, но в деканат не пошёл. Простил на первый раз».

Седьмого января целый учебный день, четыре часа, было литературоведение. Все пришли с законспектированным материалом.

Результаты сессии не были блестящими: пятеро получили двойки. Двое сразу ушли из института, так как учиться не хотели, с остальными в группе была проведена воспитательная работа.

В начале второго семестра случилось ещё одно недоразумение: на семинаре по истории партии у нового преподавателя Шведова сидели как немые. На нашу беду на занятие пришёл заведующий кафедрой истории. Два часа втолковывали нам, что учёба – это труд. А работы В.И. Ленина – те же художественные книги, если будешь чаще брать их в руки. Мы не возражали, но всё-таки не так просто было разбираться в них. Стыдно было, что подвели преподавателя.

Пришли на повторный семинар, где он стал рассказывать совсем о другом, да так интересно! Мы сидели, как говорится, разинув рты. Шведов

в один миг привлёк девчонок на свою сторону, и историю партии прекрасно сдали досрочно.

Мы не отказались от своей идеи поехать всей группой в пионерский лагерь. Для этого сессию надо было сдать досрочно. О нас уже писали в институтской газете, ставили в пример, и вдруг – три двойки. Нам говорили: «Вот это лучшая группа – 1 А!» Та-а-а-кая была заваруха! Меры принимались быстро, все пересдали и 14 июня выехали в Бузули.

Писать о нас в газете было что. И в том, что мы делали, чувствовалось благотворное влияние Любове Петровны. Не клеилось у нас сначала с самостоятельностью. Соберёмся, все кричат, своё доказывают... С Любовью Петровной же дело пошло на лад: и песни нашлись, и певцы, и всё остальное. На смотре художественной самостоятельности выступили хорошо, побывали с концертами в колхозе, в строительном техникуме, в ремонтно-эксплуатационной базе флота Амурского речного пароходства.

Несколько раз были как шефы у пограничников. Ходили в драмтеатр на спектакль «Камень на дороге», провели диспут по книге «Рассудите нас, люди» и много говорили о счастье. Смотрели фильм «Коллеги», после обсуждали проблемы молодёжи. Ходили на концерт оркестра Тихоокеанского флота. Первыми выпустили газету к Восьмому Марта. Играли в волейбол с группами истфила.

Окончательно правильный настрой был создан в феврале, когда мы побывали в гостях у Любове Петровны. Вечер всем понравился. Общее мнение выразила Тамара Подорожная: «Как всё просто, красиво... Мы не чувствовали себя в гостях. Как изумительно звучали в исполнении Валентина Петровича на фортепиано Рубинштейн, Шопен. Всё было здорово! Оказавшись на улице, мы прыгали, шумели, не замечали, что ведём себя как малые дети, что на нас странно смотрят прохожие».

Хорошие изменения в коллективе отметила Наташа Рыбакова: «Со второго семестра дела в группе идут куда лучше, чем в первом. Мы даже читали одно и то же. Равнодушие улетучилось, никто не ссорится».

Заключительным большим делом года стала коллективная работа в пионерском лагере имени Лизы Чайкиной. Расположен он в Свободненском районе, недалеко от села Нижние Бузули, в сосновом бору. Лагерь хороший. В два ряда стояли бревенчатые островерхие палатки, была крытая сцена, стадион, столовая, все другие необходимые постройки. Кругом чистота.

Ехали мы с большим вдохновением, слабо представляя, что будет впереди. Поскольку отрядов на всех не хватило, нас разделили на две группы. Вторая работала на кухне и в прачечной.

Скоро романтики поубавилось. Мы поняли, что работа с детьми требует большой ответственности. Каждый день был чем-то заполнен: то подготовка к концерту, то к соревнованиям. То рисовали, то играли, то читали... Ходили на реку Пёру купаться. По вечерам – танцы. Часто звучал аккордеон Валентина Петровича – мужа Любове Петровны, которая поехала с нами. Очень популярной была песня «Куба – любовь моя».

Наша работа строго оценивалась на планёрках у начальника лагеря. Не всё получалось. Было трудно, но никто не уехал. Одну заболевшую пришлось насильно отправлять домой.

На кухне, конечно, было легче. Мыли полы, посуду, чистили картошку, овощи. Было больше свободного времени. Мы часто пели, а вечером нравилось сидеть под высоченными соснами, смотреть на звёзды и обо всём говорить. И вот однажды Люба Янчиншан, поставив отмытую тарелку, многозначительно повернулась к нам и высказала то, о чём думала: «А ведь хорошо, что мы поехали сюда! Вот и коллектив создаётся». Что-то о патриотизме сказала. Мы рассмеялись. О высоком мы стыдились говорить, хотя всё чувствовали. Наверное, зря молчали. Много стало бы понятнее.

Три смены были выдержаны достойно. Нам выплатили деньги, и мы разъехались по домам, ведь уже давно скучали по родным.

Наша работа на первом курсе, к которой мы относились порой скептически, была признана комитетом комсомола института хорошей, в ней увидели интерес к жизни, комсомольский огонёк. И по условиям социалистического соревнования нашей группе было присвоено звание лучшей, о чём мы узнали 31 октября 1963 года. Этот день стал необыкновенным. А 1 декабря нас фотографировали у развернутого Красного знамени. Было комсомольское собрание, бурное, дельное... Были внесены новые предложения, ещё более заманчивые, например, заработать денег и поехать куда-нибудь.

Несколько слов в дополнение к подписи под фотографией. В центре – Боря Шалаев, бывший детдомовец: начитанный, хорошо читавший стихи. На третьем курсе женился на студентке естгеофака, комнату им дали в нашем общежитии. В первом ряду слева – Роза Роконд, дочь генерала; никогда не афишировала это. Белые туфли на экзамен приносила в сумке. Во втором ряду вторая справа – Галя Серова, в конце учёбы – староста группы, позже стала женой Ю.А. Лысова, декана инфака.

Мы тогда ещё не предполагали, что, добившись почётного звания, должны ему соответствовать на протяжении всех оставшихся трёх лет учёбы. Думаю, именно тогда зародилось понимание, что

надо честно служить своему делу, оставаясь человеком. Именно этому учили наши преподаватели. Каждый из них так или иначе призывал нас: «Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ».

Прошли десятилетия, однако с чувством глубокой благодарности вспоминаю всех преподавателей: Валентину Владимировну Соколову, с которой постигали глубину русской литературы; Леонида Леонидовича Покровского, у которого курс современного русского языка не казался скучным; Валентину Михайловну Брысину, Лидию Васильевну Лебедеву, Александра Васильевича Прокопчика, которые не только давали знания, но и убеждали нас любить, ценить русский язык и дорожить им. Нельзя не вспомнить бесподобную Анну Ивановну Вайсман, которая на лекции по зарубежной литературе могла изумительно прочитать стихотворение Лермонтова «Сосна». Всех невозможно упомянуть...

Но ещё одного назову. Это Анатолий Васильевич Лосев. Его выражение «литературоведение – это человековедение» помнят многие. Не забыть

и того, как он неторопливо, обстоятельно растолковывал это понятие. В 1990 году, будучи заместителем редактора газеты «Благовещенск», я побывала у него дома. Надо было согласовать вопрос по его статье в газету. Долго разговаривали, вспоминали институт. Внимательно посмотрев на меня, как бы оценивая, произнёс: «Заместитель редактора... Хорошо. Вообще вы (имелся в виду весь курс) хотели учиться». В голосе прозвучало большое одобрение.

Мне уже много лет. И всем, кто приходит учиться в мой родной институт, я хочу сказать то же, что говорили и нам: «Учиться, учиться, учиться». Такой наказ дал всем поколениям молодёжи В.И. Ленин. Именно к ней он обращался, потому что у него было громадное стремление построить принципиально новое государство. Не только мощное экономически, но и открывающее каждому человеку такие возможности развития, которых нет в самом развитом капиталистическом обществе и не может быть в силу самой его природы.

Учиться и ещё раз учиться! Большое начинается с малого.

Валерий ТОКМАКОВ

*выпускник историко-филологического факультета БГПУ
2009 года*

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ И НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ

Здравствуй, уважаемая редакция и авторы альманаха «Амур»!

Пишет вам преданный читатель – ныне старший преподаватель Амурской государственной медицинской академии В.С. Токмаков. Познакомился я с изданием ещё в 2007 году, периодически заглядывая в киоск с методической и научной литературой на первом этаже центрального корпуса родного педуниверситета. Здесь я приобрёл немало учебных пособий и монографий, а также почти все номера «Амура», кроме

первых двух*. Испытывая необъяснимый трепет перед местными изданиями, вузовскими книжками, чего только там не накупал! Сегодня, имея в активе несколько собственных учебных пособий, изданных типографским способом, к университетским изданиям отношусь спокойней. Другое дело литературно-художественный

*Восприняв это высказывание автора письма как тонкий намёк, редколлегия «Амура» решила подарить своему постоянному читателю В.С. Токмакову недостающие номера альманаха. – Примеч. редакции.

альманах, в котором каждый раз нахожу много интересного, нового, полезного для себя!

Первоначально наиболее привлекательными и информативно насыщенными для меня были материалы в рубрике «Страницы прошлого», посвящённые истории БГПУ. Дела давно минувших дней, судьбы преподавателей, их достойные восхищения личные качества – всё передано с небывалой живостью и точностью. Материалы эти и в малой степени не пропитаны нафталином, читаются легко и выглядят свежо. А ведь действительно! Современный вид человека – «дважды разумный», появился несколько десятков тысяч лет назад и за это время не претерпел кардинальных физиологических и психических изменений. Тем более не отличались от нынешних люди, жившие каких-нибудь пятьдесят – семьдесят лет назад, разве что писали обычные письма, а не смс или сообщения в соцсетях. Невероятное количество интереснейших событий и поступков, удивительных черт характеров – всё это передано, как уже сказал, настоящими мастерами пера. Один из первых героев в этом ряду для меня – Василий Прокофьевич Малышев (4-й выпуск альманаха), под руководством которого начинал путь в науку будущий академик А.П. Деревянко. Много позже и самого автора публикации Василия Михайловича Ступникова добрым словом помянули на страницах альманаха (18-й выпуск).

Значительный след в памяти оставили рассказы из рубрики «Малая проза», особенно юмористические. В повести «Вечный студент» Юрия Горожанкина (9-й выпуск) угадал, пожалуй, всех прототипов главных героев: профессора Филинского (Е.П. Сычевский), доцента Вечеринского (Н.А. Обетковский), археолога Сазанова (Б.С. Сапунов) и других персонажей. Кроме... Юрия Гудячего – главного героя произведения, обаятельного авантюриста*. Юмористический рассказ Ярослава Турова «Яма» (12-й выпуск) отличается от всех других его произведений, опубликованных в альманахе. И своей злободневностью (о том, например, как перекопали одну из улиц Евангельска – то есть Благовещенска), и концентрированной иронией и самоиронией. Прочитал и другие произведения юного таланта, в том числе книгу «По полю мёртвых одуванчиков». В ней, помимо одноимённого романа, разместился рассказ «Агентство»** и повесть «Сердце красавицы». При чём здесь книга, спросите вы, если речь идёт о периодическом издании?! Узнал о её суще-

ствовании в одном из обзоров книжных новинок Ирины Назаровой (14-й выпуск). В «пацанских», по существу, произведениях Ярослав Туров удивительно верно сумел передать внутренний мир главных героинь – прекрасных девушек с непросто судьбой.

Не только для души, но и для работы пригодились поэтические публикации. Особенно стихотворения поэтов-казаков Ахилла Карпова (12 выпуск) и Леонида Волкова (8-й выпуск), на которые я ссылался в своей кандидатской диссертации и даже давал студентам-медикам учить и выразительно рассказывать на выбор одно из них на семинаре, когда изучалась культура дальневосточного казачества. Публикация воспоминаний генерал-губернатора Восточной Сибири (в 1871–1874 гг.) Н.П. Синельникова, сделанная А.В. Урмановым (11-й выпуск), взбудоражила интерес историка в наибольшей степени!

Я и сам дважды пробовал публиковаться в «Амуре», но оба раза безуспешно. Тогда для меня ещё сложно было перестроиться с сухого научного языка на живой литературный. Кто знает, может, ещё посчастливится попасть на страницы альманаха...

Посреди трудов праведных, терапии увлечений, не обошлось и без романтического сюжета. С одной из симпатичных начинающих писательниц встречался одно время, хотя и не сложилось. Не называю имени, так как она сейчас почти замужем, а я пока не женат...

Говорят, мужчина любит глазами, почему бы не сказать и о внешней стороне издания? Приятно взять в руки простой, но стильный по дизайну и сравнительно небольшой по объёму новый номер альманаха «Амур». Последняя характеристика не в пользу современной культуры потребления информации. В цифровую эпоху у людей всё меньше способностей, возможностей и часто желания читать большие тексты из-за колоссальных потоков информации вокруг и динамичного ритма жизни. Разумеется, книги, вообще литература требуют времени, интеллектуальных усилий. А кто сказал, что малая проза хуже грандиозного эпоса? Не количеством страниц, а впесованным в них ёмким смыслом, богатством идей, авторским посылом к читателям измеряется сила литературного произведения.

Благодарю коллектив издания, желаю всего самого лучшего. Мастерам – нового вдохновения и проворства пера. Молодым авторам – не потеряться в суетности жизни и ни в коем случае не бросать литературного творчества. Редакционной коллегии – успешной и плодотворной работы над альманахом на многие и многие годы вперёд!

*Прототипом Юрия Гудячего в повести «Вечный студент» является Юрий Курачий. – *Примеч. редакции.*

**Рассказ «Агентство» опубликован в 13-м выпуске «Амура». – *Примеч. редакции.*

Поэтическая встреча

Виталий АМУРСКИЙ

В 1920–21 годах, вынужденные оставить крымский берег, через Турцию, в Тунис ушли корабли Русской эскадры. Порт Бизерты в Тунисе стал для них последней стоянкой, как стал и сам этот поход последним для многих русских, сохранивших верность присяге и отечеству, которое по существу прекратило существование. Память об этой трагической и вместе с тем героической эпопее сохранилась в разных воспоминаниях, которые в своё время публиковались в эмигрантской печати, а позднее стали доступны в постперестроечной России. В разбитом на три части стихотворении «Исход», как бы приуроченном к столетию Великого Исхода, я попытался воздать дань глубокого уважения тем, кого уже нет среди нас.

В подборку я включил также стихи, которые в той или иной степени связаны с нашей историей. Под «нашей» я, разумеется, имею в виду и свою личную, в частности, связанную с опытом пересечения границы Восточного и Западного Берлина, то есть той реальной и психологической Стены, которая, к счастью, уже превратилась лишь в объект интереса для туристов.

Живя во Франции с 1973 года, формально никак не связанный с реалиями сегодняшней России, внутренне я, тем не менее, не могу оставаться безразличным к её судьбе, к тому, что происходит в ней, определяя при этом плюсы или минусы прежде всего по опыту, который получил сам в прошлом. Понятно, опыт любого человека не может претендовать на некую объективность. Её, впрочем, я не искал и не ищу.

Париж, 27 августа 2020 г.

О, СКОЛЬКО ЛЕТ, КАК СТАНЦИЙ, — ПРОЧЬ И МИМО...

Исход

1.

Уходили, пели, плакали
Наяву, а как во сне! –
Под Андреевскими флагами,
Чайкам равными в белизне.

И скалистыми химерами,
Сквозь безумие и бред,
Таял медленно Киммерии
Ставший лобным местом брег.

2.

Последние стоянки:
Галлиполи, Тунис...
«Прощание славянки»,
Живи, за Русь молись!

Последние стоянки,
Чужих морей вода,
Последней вахтой склянки
Отбиты навсегда.

Последние стоянки,
Последние рубли,
Как в кубриках тальянки,
Качает корабли.

3.

Мачты яхт, волны с лёгкой пеной,
Вод прибрежных тусклое зеркало
И Андреевский стяг сине-белый,
Слитый с небом Бизерты.

Сколько лет отстрижено чайками
В этом воздухе, что как пламя, –
Только чудится, будто «Очаков»
Где-то рядом дышит котлами.

И другие (чей путь тут кончился)
Корабли Раскола Великого,
Что не знала Россия корчившаяся
Даже в грешное время Никона.

Школяр, отнюдь не лучший на уроках,
Я с книгой мог остаться до зари,
Пока, как апельсины из Марокко,
На Пресне созревали фонари.

Под утро же из сизой мглы бездонной
Звенела мне тогдашняя Москва
Трамваем, проходившим возле дома,
Чей номер заменяла буква А.

И, золото лучей швырнув по-царски,
Заглядывало солнце сквозь стекло
В мой тесный, но привычный мир пацанский,
Где всё же было не всегда тепло.

Берлинский диптих

1.

О, сколько лет, как станций, – прочь и мимо,
Однако словно до сих пор со мной
Ночной кошмар Восточного Берлина
Вблизи со смертью дышащей Стеной.

Безлюдье гэдээровской платформы,
Где всё, должно быть, взято на прицел;
В изогнутой фуражке, в серой форме
Проходит по вагону офицер.

Холодный взгляд по паспортам и лицам,
Сличающий дотошно точность их;
Нет, очевидно – не тевтонский рыцарь,
Но может быть из рода таковых.

Ровесник мой он был или чуть старше –
Не знаю, ощутить, однако, смог:
Мы оба из эпохи ратных маршей
И культа блеска маршальских сапог.

Всё было скверно здесь, но так знакомо,
Как будто меня чудом занесло
В трёхмерное пространство ленты Ромма
Про то, как заурядность прячет зло.

Довольно долго поезд был на месте.
Потом пошёл, и, словно от обуз
Освобождая душу, воздух пресный
Стал вдруг приобретать особый вкус.

В оконной раме краски дня густели,
Пройдя сквозь неземные витражи,
И незаметно исчезали тени
Сомнений в том, что всё же стоит жить.

Как оптимист я был отнюдь не пылок
Ни прежде, ни тем более теперь,
Когда привычный мир дышал в затылок,
А в новом ещё не было потерь.

2.

Памяти Фридриха Горенштейна

Я сомневался, думая, едва ль
Смогу услышать и узреть воочию,
Как прозвучит тут Ленину: Goodbye!
И фото Хонеккера разлетятся в клочья.

В Берлине нет того, что именуют шарм,
С другими городами мало схож он,
Но от Стены оставшийся тут шрам,
Точнее, шрамы – чем-то наши тоже.

Живя вдали, страны своей лицо я
Эпохи девяностых знаю мало,
Но то, что высветлялось в песнях Цоя,
Сомнений у меня не вызывало.

Бывало, не умел понять толково,
Куда идёт Отечество, качаясь,
Лишь убеждался, слушая Талькова:
Оно в беде, однако не скончалось!

Под северо-восточным ветром острым,
Сознание надеждами лелея,
Следил, как там развенчивали монстров,
Горгульями смотревших с Мавзолея.

Сейчас, увы, ни тех надежд, ни веры, –
Лишь горечь, что нельзя вернуть обратно
Ни в Петушки уехавшего Веню,
Ни рыбаковских мальчиков с Арбата.

Проходит время, и давно не та
Москва, где тридцать лет я прожил,
Но прежних коммуналок теснота
Мне нынешних пентхаусов дороже.

Жаль, огоньки дешёвых сигарет,
Что во дворах курили мы, болтая,
К вечерним окнам добавляя свет,
Пропали, и – при лампах! – темь глухая.

Что, впрочем, о дворах! Ни там ни тут
Ни стука домино, ни голубятен, —
Лишь паркинги, где дворники метут
Сор, оставляя блеск бензинных пятен.

А рядом ввысь уходят этажи,
Где офисы, кафе и рестораны...
Как странно ощущать сей мир чужим,
Однако, одному ль мне это странно?..

Парижские строфы

Речь русская на улицах Парижа
Давно уже не может удивить,
Но всё ж Россия к ним не стала ближе,
И даже отдалилась, может быть.

Я не о той великой, где когда-то
Творили Достоевский и Толстой, —
Она была талантами богата,
Да и судьбой своею непростой.

Я не о той есенинской, где клёны
Пьют осенью туманов молоко, —
О нынешней, как роща обнулённой,
Хотя до холодов так далеко.

О нынешней, в которой было б надо
Поэту описать оттенки зорь,
Что он посмел бы, если в красках радуг
Безумцы ищут смуту и позор.

Июль, 2020

12 Rue de l'Éperon

Здесь был Дом книги. Жизнь была.
Теперь ворота, что вели во дворик тесный,
Закрыты; меж камней трава,
Да дремлет кот, вестимо, местный.

Зашторенное тёмное окно
И дверь знакомая; замечу честно:
Всё как вчера почти, хотя давно
Витрины нет и вывеска исчезла.

В сей тихий уголок Латинского квартала
И мне случалось заходить не раз
Новинок ради и послушать, как, картавя
Слегка, хозяин заводил о том о сём рассказ.

Меня намного будучи взрослей,
Россию зная ещё не краснозвёздной,
Живя вдаль, в душе оставшись с ней,
Не позволял он памяти замёрзнуть.

Была ль в словах его печаль, тоска?
Пожалуй, нет. Но молвив: Бунин, Зайцев, —
Как будто через сердце пропускал
Иное время, как песок меж пальцев.

Потом его сменили сыновья,
Позднее же — неведомые лица.
Там скоро кто-то всё начнёт с нуля,
Но дух былой уже не возродится.

Левый берег — тот самый,
Где Арон был, где Сартр...
Как калитки касаюсь,
Что ведёт в старый сад.

Вроде те же фонтаны
И террасы кафе,
Но не слышно Монтана
И клиенты не те.

Я о духе, конечно,
Что, как к вечеру свет,
В этом городе вечном
Тихо сходит на нет.

Рядом с Сеною те же
Букинистов лотки,
Но собор опустевший
Нынче будто поник.

И пронзают печалью
Его с разных сторон
Крики суетных чаек
Да неспешных ворон.

Памяти Владимира Войновича

Встречал и я службистов в шапках пыжиковых,
Порой обрюзглых, вроде старых баб, –
Прожжённых циников, при разных чистках
выживших,
Хозяев жизни с виду, но имевших метку: раб.

И европейцев видел снисходительных
По поводу нам выпавшей судьбы,
Уверенных, что, мол, родиться б нам
Поближе к ним – иными были б мы.

Я полагал: бывало рабство в Азии
Не только в кандалах, но и в мехах,
А Пугачёва дух и волю Разина
Всерьёз с Европой не связать никак.

О, сколько было их, столь увлечённых
Россией, как объектом НЛО,
От всей души смеявшихся над Чонкиным,
Но хоть бы раз всплакнувших за него.

Когда о вирусе, и кроме
Нет тем иных и дни темны –
Припомни о «Декамероне»,
О пире посреди чумы.

О Болдине в тисках холеры,
Что Пушкин в письмах звал чумой,
Мечась в усадебном вольере
С мечтою вырваться долой.

Вдыхая воздух заражённый,
Смотря на сизых голубей,
Представь, как умирал Джорджоне
Или как Младший Ганс Гольбейн,

Вообрази медвежий угол,
Где инок, истово молясь,
Глядит, как дым черней, чем уголь,
Окрашивает небо в грязь.

Возможно, нынче всё иначе –
Ни тех утех, ни страхов тех,
Однако, может быть, тем паче
Взглянуть назад отнюдь не грех.

Весна 2020

«Кормление голубей» в Хабаровске

Чтоб небо стало голубей,
А мрак остался за плечами,
Смотри, страна, как голубей
Идут кормить хабаровчане.

Любуйся светом этих лиц,
Что как надежд источник
И для России, и для птиц
Своих – дальневосточных.

Венецианским не сродни
(Там стаи их как тучи), –
Сибирью мечены они,
В ней воздух круче.

Увы, не просто, – знаю я –
Прощаться с настоящим,
Но там, где птиц кормить нельзя, –
Приветствую кормящих.

Июль, 2020

Перекличка

Бесцветная, тяжёлая, щекастая,
Привыкшая стоять на Мавзолее,
Молчала власть, когда в Новочеркаске
От крови камни мостовых атели.

Я молод был, но ясно помню тихие
Слова о танках в городе восставшем,
Будильника отчётливое тиканье,
Открытую тревогу в лицах старших.

А годы мчатся, но, увы, так медленно
Осознаём мы то, что знали смолodu,
Хотя, как зёрна, жерновами мельничными
И сами тоже были перемолоты.

Однако, кажется, что лермонтовским Парусом,
Надежда вновь у берегов отеческих:
Не по курантам – по часам в Хабаровске
Пора сверять бы время быстротечное...

А потому к дальневосточникам причастным
Мне лестно быть в такие дни особо:
Необъяснимой тягою отчасти,
Отчасти же – фамилией отцовою.

Июль 2020

Земля мала. Об этом нам давно
Известно и без Маленького принца,
А всё ж смешно – в Хабаровске светло,
Когда в столице ночь глухая длится.
Смешно и то, когда Европа спит,
Ворочаясь и в снах своих витая,
Представить, как на бирже Уолл-Стрит
Прослеживают индексы Шанхая.

А. У.

Мне бы тоже к Антону Павловичу
Съездить в Ялту, да вот боюсь,
Что на местных яблонях яблочки
Потеряли свой прежний вкус.

Но ночные стога Левитана
У камина, где грелся он,
И из рам глядящие дамы
В доме старом, как и при нём.

Так вот думается. Только лучше я
Обойдусь без фантазий пока –
Лишь поклон ему мой, при случае,
Передайте издалека.

Июнь 2020

Ольга КРУТИКОВА

выпускница БГПУ 2003 года

НЕ ЗНАЮ, КАК ОЗАГЛАВИТЬ ГРУСТЬ...

Бог, конечно, приходит в душу без пропусков,
Без штрих-кодов, паролей, отмычек
и турникетов.

А душа у меня из холодных речных песков.
Все идущие через – следы оставляют где-то.

Каждый след как колодец, как пропасть,
как котлован.

Бог потом удивляется: «Что это, бездна?
Кто изрыл твою душу, кто в ней добывал уран?
Или это пробоины падавших тел небесных?»

Из следов прорастают куплеты, как камыши,
Как тростник высокий – о каждом герое новый.
Бог приносит героев уже готовых,
Говорит: «Вот про этого что-нибудь напиши.

Посмотри, от него непременно бросает в дрожь.
Что ему твоё сердце – возьмёт, как трофей
победный».

Так и быть, соглашаюсь, источник стихов хорош.
Неужели и он не пройдёт для меня бесследно?..

Марианна постит в свой Инстаграм
фотографию с Коста-Брава,
Слева горы синеют большим китом,
и закатное солнце справа.
Вот она загорелая прямо у пальм
в разноцветной стоит рубашке.
Подпись: «Жаль, я живу не здесь,
а в унылой убогой рашке».
«В частной школе учусь, – сообщает друзьям, –
из неё собираюсь в Гарвард,
Каждый пятый здесь – лузер и нищелюб,
каждый третий – ужасный варвар.
Я отстану от жизни, оставшись здесь,
и пока молода, богата,
Тороплюсь поскорее уехать к вам
и оставить родные пенаты».

А в Париже пост её видит Пьер,
музыкант, сочинитель песен.
Пьер на рю Бонапарт пьёт горячий гясе,
а в гясе тонет розовый месяц.
«Неужели и правда? – он пишет ей, –
всё тревожно, запущено, сиро?
Приезжай, у меня на Монмартре есть
небольшая, с мансардой, квартира.
Я встаю чуть свет, и пишу стихи,
и слоняться люблю по крышам,
Ветер часто бежит за мной по пятам,
но всё время в затылок дышит.
Я люблю быть голодным, свободным и –
прогуляться душой нараспашку».
Марианна глядит на него с тоской:
«Лучше так, чем в постылой рашке».

Пару дней спустя в Инстаграме Пьер
видит парня в полях пшеничных,
Он улыбчив, светел, широкоплеч,
подпись к фото: «Был день отличный.
Мой комбайн собрал урожай “на раз”,
было солнечно, жарко, знойно.
И ещё я мальчишек катал, они...
до чего ж они были довольны.
А теперь кучевые тучи глядят,
посидеть бы в уютной чайной.
Лучшая музыка – это Цой,
дождь по крыше и звук комбайна».
«Вы откуда? – спросил любопытный Пьер,
очарованный ярким фото, –
Импонируют люди, которые так
обожают свою работу».
В ленте парня – озёра и сизый туман,
и саранки цветут полевые.
Он не медлит с ответом, и Пьер прочёл:
«Я в России живу, в России».

Джулия ходит к морю по вечерам,
как становится тихо и звёздно.
Николас отпускает её одну.
Возвращаясь с работы поздно,
Он находит на кухне запечённую рыбу,
сыр, немного вина.
Пара часов до сна, голова ясна,
«Джулия, давай возвращайся домой, жена.
В Сиднее не опасно бродить по ночам, но всё же,
Этот жёлтый купальник как мёд у тебя на коже.
А кругом индусы, французы, вьетнамцы, арабы.
Я ревную тебя к медузам, пескам,
небесам и крабам».

Джулия смеётся, бросает в сумку мобильный,
повязывает парео.
Сёрфингист на волне так высок
и похож на киношного Нео.
Звёзды зреют, как манго, а в городе пахнет
китайской лапшой и кари.
Океан на закате тягуч, как коньяк,
маслянист и янтарен.
Николас, встретив её, наливает ей чашку
горячего латте.
Говорит: «Ну вот, наконец-то, мы счастливы
и богаты».

Джулия наклоняется и тихо дышит ему в висок:
«Коля, а помнишь, как в детстве мы пили
берёзовый сок?
Как мы встречали Масленицу с чувелом
и блинами?
Как первое чувство вспыхнуло между нами
Где-то в походе, когда покоряли
очередной перевал,
Как пахло дровами, когда ты костёр разжигал,
Как мы ловили на удочку карасей
и варили потом уху,
Как я потеряла серёжку, а ты нашел её
на земле, во мху?
Помнишь, как, словно мохнатый и белый кот,
Шёл рождественский снег мимо нас в обход,
Как мы тонули потом в его шерсти,
Как возвращались домой часам к шести,
В инее брови и косы мои – почти сосульки...».
Николас вздрагивает и отвечает:
«Я помню, Юлька».

В мире имён – нескончаемый край,
Выбор большой, богатый.
А деда у Ольги зовут Николай,
Так же отца и брата.

В доме, где вьётся предания дым,
Только и слышно: «Колька».
Кто-то был лично знаком со святым,
Раз в роду Николаи только.
Чтоб в честь его – вот обычай каков –
Каждый был назван сродник –
Строго следит испокон веков
Сам Николай-угодник.
Если ребёнку однажды решишь
Имени дать другого,
То непременно родится малыш
В день именин святого.

Ольга смеётся: «Наперекор
Вашим пойду советам.
Будет мой сын всем назло Егор.
Дочка моя – Виолетта».

Только и брак высоко в небесах
Каждый в семье заключает.
Ольгу из загса несёт на руках
Муж – Николай Николаич.
Позже рождается дочка, и будто
Ангел сошёл светлоликий.
Ольга глядит на неё с минуту
И называет... Никой.

Вот ведь какая бывает, друзья,
В имени мощная сила.
Мы познакомились с Ольгой на днях,
Имя моё спросила.
Стало как будто в груди тесней.
Словно коснувшись таинства,
Я еле слышно ответила ей:
Ольгой зовут, Николаевной...

Друг мой, через пару месяцев мне девяносто.
Посмотри, я пишу тебе, руки мои не дрожат.
Над деревней – кедровой смолой льются
жёлтые звёзды.

Лунным мёдом Медведица поит своих медвежат.
Дом мой маленький, печку топлю для порядка,
Да справляюсь сама, по полену ношу со двора.
Смерть, когда это видит, бежит от меня

без оглядки,

Говорит: «Ладно, ладно, ещё не совсем ты стара.
Подожду, но давай-ка, копи понемногу,
Дорожают билеты на вечный небесный курорт.
Сотни тысяч, я думаю, хватит

с тобой нам в дорогу.

Соберёшь – позвони, подгоню
свой летательный борт».

Раз в неделю стараюсь к единственной дочке
Светлане.
Благо, путь не далёкий, спокойно с клюкой
дохожу.

Дом её ещё меньше, в осеннем стоит тумане,
Я сажусь на скамейку, порою часами сижу.
И вокруг ни души, свежих холмиков
спит панорама,
Дочь приходит, как облако, в белой лучистой
пыли.

Знаешь, что говорит мне родная?
«Здесь так себе, мама...
Поживи ещё там, на поверхности милой земли».
Да не плачь над письмом моим,
внуки меня не оставят.
Позовут, может, в город к себе,
как настанет зима.

Посмотри, я читаю газеты в сознании здоровом,
Пополняю овсяным печеньем свои закрома.
Хорошо бы до ста продержаться,
уж больно красивы
Журавли на закате над крышей дырявой моей,
Пахнет сонными травами, речкой напротив
и сливой,
И стихами твоими несёт от кудрявых полей.

Мой дед, мой дед, погибший под Берлином,
Скажи, что видел ты в последний раз:
Воронежского храма лик старинный?
Сестры прощальный всполох серых глаз?

Немецкими рассветами отпетый,
Красивый русский молодой комбат,
Мой дед, мой дед, хотя совсем не дед мой,
А бабушки моей любимый брат.

Ты не успел создать семью, беззвучно
В могиле братской спишь на самом дне,
Но я – твоя единственная внучка –
Пишу тебе письмо в небытие.

Мой дед, мой дед, твой помня подвиг славный,
Сегодня празднует цветущая земля.
Хотя какой ты дед, ведь по годам мне
Теперь годишься только в сыновья.

Мой личный ангел-хранитель снимает очки
и откладывает Агату Кристи,
Сматривает на меня внимательно глазами цвета
осенних листьев.

«Ну вот опять, – говорит, – сплошное
 переживание, пришла ко мне, плачешь,
 Хоть бери и цепляй свои крылья,
 чтобы летела. Клатч весь
 В слезах и платье. Смотри, у тебя
 на каждом глазу – океан Индийский.
 Тушь потекла, как верёвка.
 По ней пират сомалийский
 Взбирается чёрным ужом,
 изворачиваясь и скользя.
 Всё, сейчас парочка танкеров, словно мух,
 утонет в твоих глазах.
 Не впервой мне тебя выручать,
 выносить на горбу из плена
 Мыслей твоих – диких африканских аборигенов.
 Но ты по тем же следам возвращаешься,
 несёшься напропалую,
 А джунгли тебя мачете меж рёбер
 целуют, целуют, целуют...
 Цепляешься за лианы и в пропасть бездонную
 продолжаешь лететь на весу.
 Но куда мне деваться? Я – ангел.
 Я приду и тебя спасу.
 Что же, давай свою душеньку, я её отстираю,
 разглажу от шрамов».

Я успокаиваюсь, оттаиваю
 и отвечаю: «Спасибо, мама».

Сын просит: «Мама, сказку почитай».
 И мы садимся. Голубой июнь
 Из кружки лета льётся через край,
 Ржавеет в облаках луна – латунь.

Приходит фавн из Нарнии, растёт
 Фонарный столб в паркете у стены,
 Малыш, малыш, тебе четвёртый год,
 А у тебя глаза как две луны.

Гляди: на нас из шкафа смотрит лев,
 Под потолком кружит воронья стая,
 И хоровод из снежных королев
 Тебя баюкает, как маленького Кая.

Спи и не слушай, что скажу теперь.
 Все сказки пишут, от хандры устав.
 Вот Андерсен глядит с тоской на дверь,
 Вот Льюис ищет вечного Христа.

Нет никакого лета, есть январь,
 К чужому дому – ровная лыжня.
 И слышно только, как звонит звонарь
 В колокола, что в сердце у меня.

И вся вода – осколки синих льдов,
 И ни души, ни голосов – окрест.
 Кругом, кругом растёт из острых слов
 Непокорённый белый Эверест.

Нет никакой судьбы, есть западня,
 Там, в Нарнии, давно погас фонарь.
 Всё перепуталось, я – Герда, и меня
 На самом деле выкрал Снежный царь.

Забери меня к себе, тишина...
Ника Турбина

Где-то есть такой трактир, терем белый.
 Дынным ломтиком над ним – месяц спелый.
 Земляника у дверей, пахнет хвоей.
 Тишина плетёт венок из левкоев.
 Зелен пруд, и талым льдом, льдом разбитым
 Звёзды падают в него, как в мохито.
 Путь не близок, не далёк – шаг из окон.
 Тишина тебе сплетёт мягкий кокон.
 Приземлишься – а вокруг шелест листьев,
 Месяц светится во тьме тенью лисей.
 Тишина на ощупь – дым, тронешь пальцем –
 Заберёт тебя к себе постояльцем.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...
Н. Гумилёв. «Жираф»

Не знаю, как озаглавить грусть,
 в честь чего назвать,
 Мой город сверкает обломками белых льдин,
 Как снежной улыбкой, заточенной ослеплять,
 Мне скалится молчаливый седой господин.

Он будто уверен, что я перепутала век,
 И можно за мной не стесняясь идти по пятам.
 Я только не вижу: он призрак ли? Человек?
 Никогда не могу прочитать по его глазам.

Перчатки изящны его и ботинки остры.
 И шейный платок голубеет под чёрным пальто.
 Душа громыкает моя, как мешочек с лото,
 И он знает правила этой безумной игры.

Я помню, здесь где-то быть должен высокий
 собор,
 Там служба идёт, и священник так строен
 и строг,

Под Рождество, где горящие розовым ёлки,
Стрелки на башне старинной, идущие вспять,
Встретиться с вами в Париже на книжной полке
И никогда уже больше не умирать.

Переведи меня на свой язык
Неведомых земель.
И превратится враз мой крик
В нежнейшую свирель.

Не дрогнет пусть Твоя ладонь,
Твой разум триедин.
Переведи меня в огонь
И дух переведи.

Я как будто жила сто жизней, и вот теперь
Я могу предстать пред любой из живущих наций,
Новый друг, индус, говорит: «Поверь,
Мир наш соткан из множества реинкарнаций».

Пожалей меня, я видела
страшный безумный сон,
Я теперь их вижу всё чаще и всё тревожней.
Снилась Индия, разъярённый огромный слон,
Он втоптал в песок мою гладкую тёмную кожу.

А когда в этом городе с тополей срывается пух,
Ветер гонит его по улицам, как конвейер,
Я бегу во сне и читаю молитвы вслух,
И за мной горящей лавиной летят Помпеи.

А ещё – война, эти сотни треклятых войн.
Я – советский солдат, на поле лежу убитый.
Господи, Господи, поговори со мной
На языке холодной земли, в крови умытой.

Поговори, как с индейцами мудрый вождь
На угасающем, на истреблённом навахо,
На языке Марии Стюарт, которой,
скрывая дрожь,
В бархатном платье по-королевски идти на плаху.

Я бы хотела, наверное, стать, как скала, немой,
Чем говорить с погибшим от Холокоста.

Господи, Господи, поговори со мной.
Знаю, Тебе говорить со мной непросто.

Каждый раз я дряхлею, теряю свой чуткий слух,
Если долго живу, но жизнь пролетает махом.
Превращаюсь в уродливых слабых
больных старух,
Так что, может быть, лучше и впрямь на плаху.

И теперь мне известно, что в этой космической
мгле,
Где торшерами тусклыми светят невзрачные
звёзды,
Есть такая же жизнь, как на этой
несчастной земле.

Я не тронулась разумом, я говорю серьёзно.
Не просеять, не выдохнуть этот нелепый мрак,
Будто память нечаянно
ножиком острым вспороли.
Господи, я сносила Твою Вселенную,
как пиджак.
Нет ли у Тебя для меня другой Вселенной,
без тьмы и боли?

Наталья ЛАПТЕВА

аспирант кафедры русского языка и литературы БГПУ

А ВЫ СДАЛИ АНАЛИЗ НА ЛОЖЬ?.

Осенний вечер предсказуем:
По капле небо давит дождь.
Ветра холодным поцелуем
Под кожей вызывают дрожь.
И не спастись, и не согреться –
Осталось лето позади.
И проникают прямо в сердце
Дожди.

Рас-стояния: вёрсты, мили –
Нас рас-ставили, рас-садили.
Посадили на карантин
И закрыли друг к другу пути.
Придержали до новых встреч,
Чтобы старые больше беречь.
Запретили покрепче обнять.
Что за муки – ни дать и ни взять.

Будем маски теперь носить –
В них чуть проще лицо своё скрыть.
И мне руку уже не пожмёшь...
А вы сдали анализ на ложь?

«Звони, когда доедешь»
«Надень сегодня шапку»
«Мы вместе постареем»
«Держи, тебе ромашки»

«Поставь, оно ж тяжёлое!»
«Тетради, может, завтра?»
«Давай кино весёлое!»
«Ну как же ты без завтрака?»

«Ты знаешь, стало скучно...»
«Ты злишься без причин...»
«Давай не рядом, душно...»
«Возьми назад ключи...»

Это всё, что останется после меня...

ДДТ

Что же останется после меня?
Груда ненужного больше тряпья.
Новые туфли, старенький плащ,
Красная ручка, простой карандаш.
Может, останутся после меня,
Копотью чёрной и болью дымя,
Ссоры, неправда, обман и обиды –
Раны на сердце, которых не видно.
Я бы хотела, чтоб после меня,
Кто-то на полочке сердца храня,
Вспомнил за те и слова, и поступки,
Что, как следы, через время проступят.
Что же останется после меня?
Пепел отчаянья, искры огня,
Светлые мысли, чёрные дни.
Только без злобы меня помяни...

Нет

Денег нет – но вы держитесь.
Правды нет и в двух ногах.
Силы нет – вы помолитесь.
Веры нет – живите так!
Нет таланта – есть убогость.
Нет достатка – есть душа.

Нет и цели у дороги –
Нехотя идёшь, спеша.
Нет предела совершенству.
Нет пророка на селе.
Нет суда и нет претензий.
Нет морщинам на челе!
Нет цены – ничто не вечно.
Мальчика же тоже нет?
Нет, не Байрон я, конечно.
Нет и нет. И слов уж нет.

В доме когда-то жил кот.
Серая спинка, серый живот.
Был он как сотни других,
Породистых и дворовых.
Он никогда не урчал,
От недовольства ворчал.
Кот не ловил мышей,
Тощ был и дик, как Кощей.
За что же он в доме так мил?
За то, что хозяйку любил...

Ода ЕГЭ

(Накпело во время четырёхчасовых бдений)

Посидим, немного потУпим.
ПотупИм и ещё посидим.
Мы в АмГУ сто процентов поступим,
Ну а нет – значит, не поступИм.
В кабинете, конечно же, жарко –
Мы попросим открыть нам окно.
Только мёртвому это припарка,
И, потея, сидишь всё равно.
Мы попьём из стакана водички
И три раза пойдём в туалет.
Затекает спина с непривычки,
А размяться возможности нет.
И сидишь, и скрипишь ты на стуле,
Бьётся муха, жужжа, в потолок,
И училки едва не заснули,
Да и сам уже весь изнемог.
А на улице лето в разгаре!
Кто-то женится, кто-то родил.
А вот нам – лишь егэшки в подарок,
И от них – истощение сил.
Мы ответы на бланках поставим –
Нас учили одиннадцать лет!
Ну а если экзамен провалим,
Нам по жизни поставите Z...

Татьяна ЯРУШИНА

выпускница ИФФ БГПУ 2020 года

РАЗБИРАЮ СЕБЯ НА ЧАСТИ...

Не придёт

Он уже не придёт.
Как ветра завывают,
Так и он завывает
Другой о любви.
Он уже не придёт,
И листвой опадают
Те слова, что когда-то
Тебе говорил.

Он уже не придёт.
Номера без ответа...
И молчание в трубке
Уснуть не даёт.
Он уже не придёт.
Знай, дурная примета,
Что разбитое сердце
Так многого ждёт.

Мои мысли на свалке горели

Разбираю себя на части
И на свалку ненужные мысли.
Все они под давлением страсти
Не окислились даже – скисли.

Места не было им в моём теле,
Череп трещину дал от избытка.
Мои мысли на свалке горели,
Каждый шаг в отдалении – пытка.

Я пыталась остаться спокойной
И смотрела на всё равнодушно.
Мои мысли на свалке горели,
И от жара мне делалось душно.

Но теперь в голове так просторно.
Место есть. Заполняю другими.
Мои мысли на свалке сгорели...
Может зря?
Они были моими...

Потерянная душа

Я потеряла душу,
Щель между рёбер шире.
Где потеряла? Не помню.
Надо искать в квартире.

Может, упала на пол
Или лежит в комод.
Вряд ли теперь найдётся,
Нынче душа не в моде.

Может, за стол упала
Или в шкафу пылится.
Смысл искать? Не знаю.
Вряд ли она пригодится.

Люди годами ходят,
Щель между рёбер шире.
Искать ничего не буду.
Души моей нет в квартире.

Иван ЕВДОКИМОВ

студент 3 курса ИФФ БГПУ

УРНА ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ

По неведомым нам причинам, не очень понятно, когда именно, у подъезда одной из многоэтажек появилась урна – внешне вполне себе заурядная, но, как выяснилось позже, с уникальными свойствами. На первый взгляд, урна как урна: окрашенная в грязно-жёлтый цвет, с местами облупившейся краской. Никакой надписи на ней на тот момент ещё не было – она появится позже.

И вот какие необыкновенные свойства вдруг обнаружились однажды в ней: если написать что-либо на листке и бросить его в урну, то сделавший это вскоре забудет о том, что было обозначено на бумаге.

Как это обнаружилось? По слухам, первым, кто открыл чудодейственное свойство урны, был мальчик-подросток, который пытался отработать подсказанный кем-то психологический приём. Ему нужно было сжечь бумажку с именем человека – чтобы отпустить связанные с ним воспоминания. Парень тот страдал от неразделённой любви, но трезво оценивал собственные шансы, поэтому и решил добровольно отказаться от своих чувств, забыть о них.

На следующий день он стал расспрашивать одноклассников о девочке, имя которой и было написано на сожжённом клочке бумаги. Мол, кто такая? Хорошо бы с ней познакомиться...

Таким образом всё и выяснилось: он поведал изумлённым друзьям о своём чудесном эксперименте, они рассказали другим... Так и разнеслась молва о невероятной «Урне для воспоминаний».

Очень скоро урна приобрела фантастическую популярность. К ней съезжались туристы, знаменитости, даже (под покровом темноты, инкогнито) очень важные правительственные персоны: всем им поскорей хотелось забыть о том, что причиняло нравственные мучения, что не давало покоя.

То тут, то там стали появляться лжеурны, которые якобы обладали тем же чудодейственным эффектом, но за это нужно было заплатить немалые деньги. Понятное дело – «развод».

К настоящей урне очереди выстраивались гигантские. Возле урны, объявленной «достоинством страны», стала дежурить вооружённая охрана, дабы не допустить потерю этого важного объекта. Цены на квартиры вблизи урны взлетели до небес, причём большинство их владельцев продавали своё жильё лишь затем, чтобы поскорее уехать отсюда подальше. И вовсе не из-за постоянного шума и гама возле урны. Причина тому – искушение. У жильцов того дома, где находилась урна, была льгота: они могли пользоваться ею без очереди, когда

угодно. И «льготники» начинали использовать это «чудо» даже по мелочам. Отругали за неприглядный поступок родители? Забыть. Попался на вранье или мелкой краже? Забыть. Опозорился перед друзьями? Забыть. И жить себе дальше спокойно, без неприятных воспоминаний и уколов совести.

Так продолжалось довольно долго. К урне съезжалось всё больше и больше страждущих, желающих что-нибудь забыть: одни – утрату близкого человека или любимого животного, другие – собственные преступления, омерзительные поступки, подлость. Похоже, что последних было гораздо больше, чем первых, и это неудивительно: обобрал, ограбил, отравил, оболгал, растлил – и живи себе спокойно, наслаждайся тем, что досталось несправедливо... Урна с покорностью принимала все бумажки

без исключения. А в 22.10 по местному времени само по себе вспыхивало вдруг пламя в недрах урны и поглощало листки, освобождая тем самым место для новых. Естественно, урна не была бездонной. Охрана переставала подпускать к ней, когда та оказывалась заполненной под завязку.

Но в один из вечеров, абсолютно такой же, как и предыдущие, урна пропала. Она, как и обычно, в 22.10 объяла листки пламенем, но это пламя было такой силы, что всё в радиусе нескольких метров задымилось, обуглилось. Военные, к счастью, не пострадали, успели отбежать, но урны с тех пор никто не видел.

Однако вскоре у людей по всему миру, даже у тех, кто никогда не пользовался этой урной, стали исчезать многие воспоминания.

Прodelки ли это пропавшей урны?

Неизвестно...

Екатерина КОСЫХ
студентка 3 курса ИФФ БГПУ

ЛЁТЧИК

Рассказ

Помню, как сейчас: жёлтый ключ от подъезда на красной верёвочке висел у меня на шее, чтобы я его не потеряла. Дверь в квартиру закрывалась только на ночь, потому что днём бабушке было сложно открывать каждому, да и зачем, ведь все свои. Забегаю в квартиру. Меня встречает тёмный узкий коридор, пропитанный запахом бесконечной готовки. Сразу справа – комната, в которой, как огромный паук, вечно разбирающийся в своей многотонной паутине, сидела бабушка за швейной машинкой и доставала шпульку, чтобы сменить цвет ниток. Казалось, у неё тысяча рук: пока одна достаёт шпульку, вторая

уже вставляет другую, третья открывает шкафчик, четвёртая прошивает строчку, потому что пятая уже давно приготовила ткань. Жужжание швейной машинки прекращалось, когда нитка путалась и рвалась. Тогда раздавались ругательства, а затем ласковое задабривание чудесного механизма в надежде, что он продолжит работу. В этой комнате стоял шкаф со старой одеждой и тканями, второй шкаф – с лоскутками, хрустальной посудой, книгами и фотоальбомами, под столом – множество коробок и пакетов, в которых бабушка безошибочно отыскивала нужную вещь. У окна, рядом с разложенным диваном,

стоял огромный горшок, в котором росла до самого потолка китайская роза. А на стене висел ковёр с изображением озера и берёз. Я помню, как мы с мамой выбирали этот ковёр: он изображал немыслимый простор, который был так нужен бабушке. Она мне рассказывала, как раньше они жили в очень маленьком и тесном домике, а потом государство выделило им эту квартиру, и самым большим счастьем для неё были высокие потолки и большие окна.

Далее шла комната дедушки, в ней же жил мой пёс Бим. Дедушка всей душой не любил уборку и чистоту: под его кроватью был небольшой «гараж», из деталей которого, если хорошенько покопаться, можно было собрать мотоцикл. Руки дедушка всегда вытирал о свою кофту, поэтому никто не прилагал усилий, чтобы отстирать её до первоначального вида. Стол, на котором стоял телевизор, был заполнен пыльными таблетками, мазями, фантиками и бесчисленным множеством всяких непонятных штучек, из которых вполне бы получился какой-нибудь фонарик или вентилятор.

Семья у нас состояла преимущественно из женщин, потому комната дедушки была единственным убежищем мужчин. Иногда мы принимались наводить в ней порядок и пытались структурировать весь этот хлам. Винтики и гвоздики складывались в баночку, лекарства в один ящик, десятки рулонов изолянта – в другой. Сформировавшийся под кроватью «гараж» аккуратно раскладывался по коробкам. Но после прекрасно выполненной работы мы ещё неделю выслушивали, как теперь всё перепуталось и ровным счётом ничего нельзя найти, и каждый раз обещали, что больше не притронемся к этой комнате.

Следующим по коридору был зал. Помимо того, что в него можно было относить все вещи, которым не нашлось места в других комнатах, он являлся местом сбора семьи по вечерам. Здесь мы сидели допоздна, рассказывая, как прошёл день, и обсуждая телевизионные передачи.

Рядом с залом находилась маленькая кухня, которая укладом напоминала комнату дедушки. В трёх хлебницах нашли прибежище лук, чеплашки и крышки от банок, в посудном шкафчике можно было найти всё, кроме посуды, а посуда стояла либо на столе, либо в раковине. По углам обнаруживались предметы, к приготовлению еды отношения не имеющие: мухобойки, скакалки, сломанный телефон. Маленький стол был накрыт клеёнкой, к которой липли руки и тарелки. В этой кухоньке было тесно даже вдвоём, но при необходимости она

становилась необъятной и могла вместить более десяти человек.

Всей квартирой заведовала бабушка. Она вставала рано утром, чтобы приготовить поесть, полить цветы, прибраться, постирать – в общем, сделать всю работу по дому. Когда дела заканчивались, садилась шить или разгадывать кроссворды. Иногда выходила посидеть у подъезда, подышать свежим воздухом. Те, кто шёл через двор, всегда здоровались с ней и останавливались немало поговорить.

Когда-то мы всей нашей большой семьёй жили в этой квартире, а теперь каждый день приходили в гости – помочь бабушке, съесть её суп, попить чай, посмотреть телевизор. Это работало как часовой механизм: нельзя было не завернуть к бабушке после школы или работы, нельзя было отказать от супа или от просмотра телевизора.

Мама много работала, и я, чтобы не оставаться одной, с раннего утра до шести вечера была у бабушки. Своим домом считала именно квартиру бабушки, ведь в маминой только ночевала. Все мои друзья жили в бабушкином дворе, все мои игрушки находились в этом доме, здесь мне никогда не было скучно. Мы с бабушкой часто играли. В слова – кто напишет больше слов на одну букву, названий животных, профессий или цветов. Играли в мяч и в куклы, в карты и в шашки, а когда бабушка была занята, я ей помогала. Самыми интересными и увлекательными играми для меня были «разобрать пуговицы по цветам», «распороть старую кофту», «распустить старый свитер», «мелко нарезать лоскутки для набивания подушки». А ещё у нас было много разных цветов: в каждой комнате, на каждом подоконнике высилась не пропускающая солнце стена из герани, алоэ, кал и роз. Моей задачей было набрать в бутылки, стоявшие у окна, воду, чтобы бабушка потом прошла и полила цветы. Если попадалась большая бутылка, бабушка сама несла её до окна, и хотя я отважно вызывалась помочь, она говорила, что я надорвусь.

Мы с бабушкой часто разговаривали по душам, я рассказывала про своих одноклассников, про ненавистных учителей, а она – про свою молодость: как пела кому-то язвительные песни, как ходила с работы домой в дождь, как познакомилась с дедушкой и ещё очень многое. Моими любимыми были истории про то, как деда привёл домой собаку Люську, как в нашей квартире жила коза, как у них в деревне был медведь на привязи. Особенной была история про то, как бабушка хотела стать лётчиком.

– Мне ещё в детстве рассказали, что есть такой лётчик – Алексей Маресьев, его на войне ранило,

пришлось ноги ампутировать, так он всё равно в небо вернулся: ему протезы поставили, и он отправился на фронт.

– Да как же он самолётом управлял без ног?

– Так для него всё специально сделали, чтобы мог управлять, главное-то не ноги, а воля. Вот он сказал, что всё равно на фронт отправится, и для него сделали. Я тоже всё детство хотела лётчиком стать, а меня не взяли. Я даже письмо им писала, что с детства мечтаю к ним попасть, про Маресьева им напомнила, а они так и не ответили... Ну, учиться же надо, а у меня ноги больные, вот я и решила в швейное дело пойти: там работа сидячая. А мне всегда в небо хотелось, я и высоты не боюсь...

– А я боюсь, мне даже с дивана страшно прыгать.

Я выросла и поехала в другой город учиться в университете. Бабушка часто мне звонила и спрашивала, поела ли я, сделала ли уроки, а я ей отвечала, что у меня не уроки, а пары, и не домашняя работа, а семинары. Но это было бесполезно, и вскоре я перестала её поправлять.

А потом бабушка заболела... Однажды она позвонила мне, задала уже привычные вопросы и попросила приехать на выходных. Я сказала, что приеду в субботу, потому что в пятницу много занятий. На самом деле билеты были взяты как раз на пятницу, но я решила сделать бабушке сюрприз. Через пару дней позвонила мама и сказала, что бабушку забрали в больницу, тогда я призналась, что приеду раньше. И бабушка непременно пойдёт на поправку, когда увидит меня – радовалась я.

Вместо двух часов автобус ехал целых четыре: один пассажир в нетрезвом виде вышел на остановке покурить, и водитель забыл про него. Нам пришлось возвращаться и забирать забытого попутчика. Я приехала ближе к ночи, дома никого не было, я налила чай в кружки, думая, что сейчас все придут, и я расскажу, почему так задержалась.

Вошла мама. Сказала, что сегодня бабушка скончалась... В моей голове билась мысль: «Я не успела».

На похоронах было много людей, большинство которых я не знала. Все плакали, склоняясь над гробом. Я стояла позади и держала валерьянку для дедушки. Ко мне подходили тётя, сестра и мама, все уговаривали пойти попрощаться с бабушкой. А я не могла сдвинуться с места. Не могла ничего понять. С какой бабушкой? Моя ба-

бушка ждёт меня в субботу в гости, я должна к ней прийти и рассказать, как первый раз ходила в театр, почему так долго ехала домой.

В какой-то момент я перестала понимать, что делаю здесь... Внимание приковала группа старушек: они сели в углу полукругом и стали разговаривать о своём, житейском. Мои родственники не отходили от гроба, другие люди прощались с бабушкой и уходили, а эти старушки слетелись, как вороны, и каркали, будто не было более удачного повода обсуждать местные скандалы.

Я не стала ничего говорить им, вышла на воздух и увидела свою плачущую сестру. Она не понимала, как мы теперь будем жить без бабушки, без её помощи и поддержки. А я не понимала, о чём говорит сестра. Вспоминала, как бабушка и мне всегда помогала, как мы вместе делали уроки, как рисовали для конкурсов... Нет, конечно, моя бабушка просто не пошла сюда сегодня, потому что слишком холодно. Она осталась дома и ждёт меня в гости...

Прошло много времени. Мама до сих пор говорит, что «ходила к бабушке», когда поливает цветы в той квартире. Дедушке трудно поздравлять нас всех с днём рождения и не забывать о своём – ведь про все знаменательные даты помнила бабушка. Я больше не захожу в квартиру, которую так долго считала своим домом. Я даже двор обхожу стороной.

В последний раз, когда я там была, мы с мамой убрались в комнате бабушки, забрали её швейную машинку, ткани и нитки. В одном из её кошелёчков я нашла свой рисунок, в котором приветствую весь мир цветными фломастерами. Мне было около пяти лет, когда я рисовала это, а бабушка сохранила его.

Я не умею шить: оказывается, это очень сложно! А вот подшивать вещи могу. И каждый раз, когда слышу, как жужжит швейная машинка, знаю: это мотор самолёта, и управляет им моя бабушка! Она всё-таки стала лётчиком! Она ушла на фронт защищать меня и помогать мне. Когда машинка путает и рвёт нитку, я знаю, что сейчас заправлю её заново, и она больше не будет рваться, потому что где-то пролетает бабушка и уговаривает швейный механизм не ломаться. Когда мне тяжело нести пакеты из магазина, я знаю, что бабушка держит их вместе со мной, чтобы я не надорвалась. И ещё я знаю, что смогу подняться очень высоко, ведь бабушка не боялась высоты.

«ТЕПЕРЬ МЫ ЦЕЛОЕ...»

Стихи и проза представителей литературного клуба студентов БГПУ

В этом году студентки истфила БГПУ Ольга Долгорук и Виктория Шеремет основали студенческий литературный клуб, целью которого является объединение одарённых авторов и проведение мероприятий литературной направленности. Создатели планируют также вести свой аккаунт в Инстаграм, информируя о значимых событиях, размещая интервью с писателями, различные произведения и даже материалы по теории литературы.

У клуба, в составе которого на сегодняшний день насчитывается семь человек, есть план работы. Мы знакомим наших читателей с произведениями ребят, отобрав для начала стихи и прозу четырёх студентов – филологов и историков. Надеемся, что ряды литературного клуба пополнятся, силы его участников возрастут и на страницах будущих выпусков «Амура» увидят свет произведения студентов разных факультетов нашего университета.

Ольга ДОЛГОРУК

студентка 2 курса ИФФ

Чёрная нить

Чёрная нить на правом запястье
Напомнит мне о тебе.
Той ужасной ночью произошло распытие –
Ты победила в этой кровопролитной войне.

Пока я рассчитывал план победы,
Ты просто шла напролом.
Эх, как мне жаль, что не расцветут букеты
На мёртвом поле твоём.

Ты желала казаться упрямой
И была непокорна во всём.

Только внутри беспощадно
Тела. С каждым днём.

Но ты не та, кто отчаивается
Или бросается в пучину страсти.
Ты та, кто останется
Чёрной нитью на правом запястье.

Юлия КЛЕПАЧЁВА

студентка 2 курса ИФФ

Мания

Когда солнышко светит в комнату,
На твоих щеках расцветают розочки;
Милые красные розочки.

Моя любовь очень хрупкая,
Она – не равнина, а сопочки,
Неровные (или нервные?) сопочки.

Под ладошкой удары сердца,
Оно тёплое и бьётся быстро,
По-страшному гулко и быстро.

И мой сладкий любимчик –
Карамельно-приторный,

С сахарными слезами,
С губами со вкусом сливочной помадки,
С патокой, стекающей по плечам, –
Выглядит так,
Будто вышел из рая.

ЭТО ЗАСТАВИЛО МЕНЯ ПОВЗРОСЛЕТЬ

Рассказ

Мне пришлось забиться в угол самой дальней комнаты дома. На кухне я вдруг поняла, что мне жизненно необходимы силы, чтобы не заплакать. Слезы уже норовили сбежать по щекам, а тяжёлый ком застрял в горле.

Мама сказала, что наша собака Плюшка сегодня утром умерла.

Её болезнь протекала так стремительно, что мы даже не успели обратиться к ветеринару. Аппетит у неё пропал, глазки потускнели, больше она не виляла весело хвостом. В обычный летний день она вдруг перестала бегать по квартире и прятаться под ногами.

Я впервые за всю жизнь почувствовала, как моё сердце болезненно сжалось.

Солнце проникало в комнату, игриво скользя лучиками по моим письменным принадлежностям, раскраскам и книжкам со сказками. В углу лежал мячик, которым совсем недавно играла Плюшка. На ярких розовых обоях были видны следы от её когтей.

Мою ещё не обременённую ничем жизнь восьмилетней девочки наполнила пустота. Тогда я не понимала, что со мной произошло. Сейчас, пережив столько несчастий, поняла: смерть Плюшки заставила меня повзрослеть.

Алёна МАКАРОВА

студентка 2 курса ИФФ

В этой войне уже не победить,
Вступив в неё, ты априори проиграл.
Я всё на свете смог бы позабыть,
Когда бы аромат волос твоих вдыхал.

Глаза твои что огоньки в ночи,
Я ради них узлы все разрублю.
Не нужно слов, немного помолчи.
Я обещаю: нас не погублю.

А твоя кожа... Нет, не то чтоб шёлк.
До атласа ей тоже далеко.
Но лишь дотронусь до тебя –
Весь мир умолк.
Я мог бы всё за этот миг отдать легко.

Ты говоришь, что нам не победить,
Что оба проиграли мы давно.
Но можем проигрыш с тобою разделить,
Теперь мы целое, единое, одно.

Виктория ШЕРЕМЕТ

студентка 2 курса ИФФ

Соль

– Во сколько вчера ты вернулась домой?
– Это вопрос? Милый, а где же конвой?
– Шутки всё шутишь? Ладно, шути.
Но я не позволю, чтобы он встал на нашем пути!
– Что за вздор, ты вообще о чём?
– Видишь, волнуешься, а ещё и соль!
– Какая соль, что ты вообще несёшь?
– Забудь. Надеюсь, сегодня раньше придёшь.

– Прости, сегодня работа, сам понимаешь – отчёт.
– Да, конечно. Сегодня я подам на развод.
– Прости, что за глупая шутка, Коль?
– Нет, не шутка. Во всём виновата соль.

– Слушай, милый, остынь, не руби сплеча.
– С какого плеча? На ушах достала твоя лапша!
Кто он? Тот самый «невинный друг»?
Это из-за него ты пересолила суп?

– Боже, милый, какой абсурд!
С каких пор измена = пересоленный суп?
Ты думаешь, во всём виновата соль?
Нет, виновны лишь мы, Коль...

Ты хотел знать, когда я пришла домой?
Вот ответ: ровно в двенадцать ноль-ноль.
И помни: виноваты не суп, не соль.
Во всём виноваты лишь мы с тобой...

Я себя растворила, сожгла, уничтожила.
Я устала, закрылась в коробке крошечной.
Я все раны свои приумножила
От ударов твоих точечных.

Это фиаско, во мне нет огня.
Моё сердце – тлеющий уголь.
Во мне не осталось меня,
Душу не купят даже за рубль.

Ты причинил много боли,
Ты подарил много счастья.
Спасибо, но всё же уволь,
Пришла нам пора прощаться.

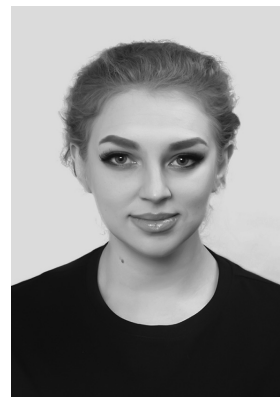
Воспоминания оставлю в искусстве.
Чувствуй в каждой из этих строчек.
Это ужасно прекрасное чувство.
Чувствуй... Я ставлю точку.

Россия – Китай: Диалог культур

Наталья КИРЕЕВА

профессор кафедры русского языка
и литературы БГПУ

Татьяна САМОЙЛЕНКО

аспирант кафедры русского языка
и литературы БГПУ

«ДАЖЕ ЕСЛИ ТЯЖЕЛО, Я ШАГАЮ ВПЕРЁД!»:

Интервью с Ли Яньлином (2017–2019)

В преддверии 90-летнего юбилея БГПУ Ли Яньлин – профессор русского языка и литературы Цицикарского университета, директор Центра по изучению культуры русских эмигрантов в Китае, кавалер российского Ордена Дружбы, иностранный член РАН, член Союза писателей России – поздравил всех сотрудников нашего университета с этой значимой вехой в жизни вуза и пожелал БГПУ процветания на долгие десятилетия.

Ли Яньлин – давний друг нашего университета. В сентябре 2019 года проректор по науке БГПУ А.А. Барбарич вручил ему диплом Почётного профессора БГПУ. Решение о вручении этого звания было принято на заседании Учёного совета с формулировкой «За значительный вклад в развитие БГПУ и выдающиеся заслуги в области науки, высшего образования, воспитания научных кадров».

Действительно, профессор Ли Яньлин на протяжении нескольких десятилетий тесно сотрудничает с БГПУ. Он участвует в международных конференциях «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Консультирует исследователей своего поэтического творчества, оказывает поддержку аспирантам кафедры русского языка и литературы, работающим над диссертациями, связанными с различными аспектами его деятельности. Ли Яньлин неоднократно выступал с лекциями по литературе харбинской эмиграции перед студентами и преподавателями БГПУ. Он передал в дар литературному

Проректор по науке БГПУ А.А. Барбарич и декан ИФФ В.В. Гуськов вручили Ли Яньлину мантию, шапочку и диплом Почётного профессора.
Благовещенск. Осень 2019 г.

музею БГПУ подготовленные им ценнейшие издания произведений русских писателей-эмигрантов (5 томов на китайском и 10 томов на русском языках), которые используются в учебном процессе и научной работе студентов и аспирантов.

Принимая звание Почётного профессора БГПУ, Ли Яньлин поделился своими впечатлениями:

«Для меня Амурская область стала второй родиной. Мои первые книги вышли в свет здесь. Здесь я стал членом Союза писателей России. Здесь живут мои друзья – писатели, профессора, чиновники, артисты. Я был в Амурской области десятки раз. Здесь были опубликованы мои научные работы. Следует сказать, что я – амурчанин. Я люблю Амурскую область и желаю ей процветания. Я уважаю Благовещенский государственный педагогический университет и желаю ему становиться всё сильнее и сильнее».

В этом году юбилей отмечает не только наш вуз, но и сам профессор Ли Яньлин: 15 марта ему исполнилось 80 лет! Редакция альманаха «Амур» поздравляет нашего давнего друга с этой знаменательной датой и желает ему крепкого здоровья, вдохновения и новых читателей и друзей!

Ранее мы публиковали стихи Ли Яньлина и статью о его жизни и творчестве (№ 12 за 2013 год). Сегодня предлагаем вниманию читателей фрагменты интервью с китайским поэтом.

Вы росли во время Второй мировой войны. Какие воспоминания из детства самые яркие?

Я помню, как советские лётчики бомбили военный аэродром Японии, который находился в пригороде Бэйяня. От разрывов оконные стёкла дрожали. Взрослые кричали от радости: «Гроб японцам! Японским дьяволам конец!»

На меня произвели впечатление бодрые советские военные: синие глаза, высокие носы, в пилотках... Однако самым ярким воспоминанием стало следующее: мы, мальчишки, смело крутились вокруг красноармейцев, с интересом разглядывая незнакомых солдат. Неожиданно один из них подозвал меня, самого чистого и стройного из всех мальчишек, к себе. Он что-то сказал, погладил по голове, поцеловал в лоб и подарил книжку на русском языке. Этой истории я не забыл до сих пор.

Кто ваши любимые русские писатели и поэты?

Я люблю классиков и многих поэтов и прозаиков Советского Союза. Хотя они очень разные! Я часто читаю стихотворения русских поэтов своим аспирантам и коллегам. Коллеги говорят: читая

русские стихи, профессор Ли уже на сто процентов стал русским. Интересно!

Но, всё же, кому из русских классиков отдаёте предпочтение?

Конечно, горячая любовь у меня к Пушкину. Это же первый русский классик, о котором я узнал. Великий поэт! Его ум необычайно острый. В нём есть и доброта, и мужские качества... Я люблю Маяковского. Среди прозаиков мне особенно нравится Достоевский. Вот, говорю о нём, и сразу вспоминается его удивительная Варенька – героиня романа «Бедные люди». Я дважды посетил его квартиру. Достоевский – своеобразный, непростой человек. У всех писателей есть общие качества. Но Достоевский – совсем другое. Будто из другого мира: по-другому писал, думал...

А из китайских?

Из плеяды китайских поэтов мне больше всего нравится Ли Бо. Он настоящий мужчина.

Как вы относитесь к современной литературе?

Хороших современных китайских авторов мало. На многих из них, к сожалению, оказал влияние Запад. А вот современная русская литература отражает реальную жизнь в России. Меня это интересует, поэтому и русские авторы конца XX – начала XXI веков мне нравятся.

Вы не только учёный и поэт, но ещё и философ...

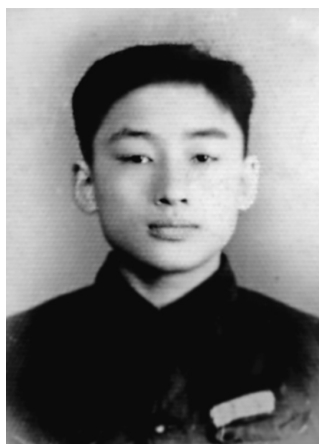
Я люблю философию. Сорок лет назад я написал трактат, посвящённый новому пониманию «случайности». Конечно, в марксизме тоже есть этот термин. Я расширил его толкование: случайность как способ раскрыть сущность развития вещей и случайность как нарушение процесса развития. Мой труд вызвал положительные отзывы философов. Даже поступило предложение работать на философском факультете.

Оказала ли на вас влияние китайская классическая философия?

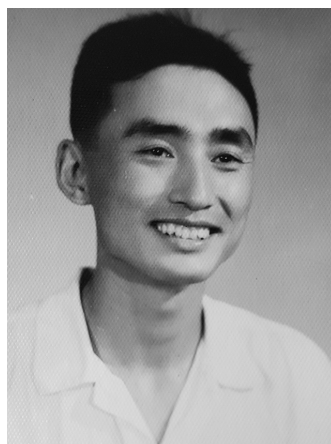
Думаю, что нет. На меня не повлияли буддизм и дао, так как в детстве и юности я изучал марксизм и ленинизм. Но в то же время я уверен: человек должен быть добрым. А это уже буддизм.

Есть ли поэт, стихи которого являются для вас образцом для подражания? Или в творчестве образцов быть не должно?

Честно говоря, у меня нет образца для подражания. Я иду своей дорогой. Но каждый талант-

«В школе русский язык мне давался легко». 1956 год.
Ли Яньлину 16 лет

1967 год. «Опасная деятельность»
по сохранению литературы
русской эмиграции – ещё впереди

1990-е. Ли Яньлин – профессор
русского языка и литературы
Цицикарского университета

ливый поэт для меня – пример. Важно то, что я не повторяю механически за ним. Я пишу своё. И пусть я напишу всего несколько строчек, но они будут заключать свою, отличающуюся от других идею. Мои стихотворения, с одной стороны, испытали влияние китайской литературы, а с другой, большинство художественных образов взято из русской литературы, так как, признаюсь, её я читал больше. Может быть, вы заметили, что некоторые мои стихотворения с философским привкусом? Они передают точку зрения китайца – доброго друга России – на перемены в вашей стране.

Как вы поняли, что хотите писать стихи?

Я с детства полюбил стихи, и особенно русские. До встречи со Станиславом Федотовым я много лет писал на русском языке, словно делал упражнения. Регулярно стал писать стихи в кон-

це 1980-х годов. Первое своё стихотворение я уже и не помню. Распад СССР и ситуация, сложившаяся в России после, потрясли меня. Изменения в вашей стране стали источником вдохновения, и многие мои стихи порождены размышлениями над социальными проблемами, возникшими после распада СССР.

Но почему вы решились писать стихи не на родном языке?

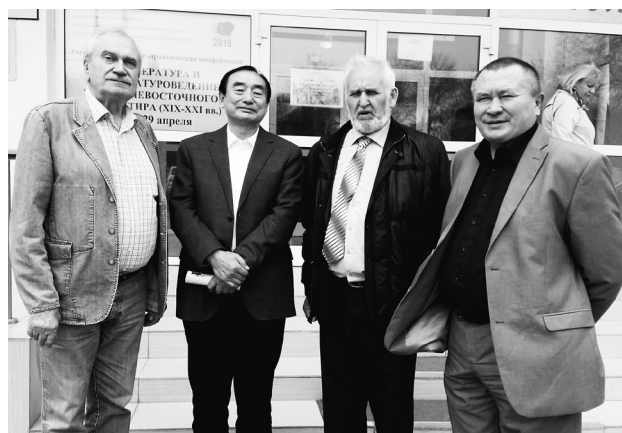
Это было выношенное решение, принятое очень давно. Друзья и коллеги сомневались: получится ли? Советовали не писать, не терять время.

А на китайском стихи пишете?

Нельзя сказать, что я не пишу стихи на китайском. Перевод – тоже творчество. Стихи для сборника «Сирень на Сунгари» из пятитомника литературы русской эмиграции перевели именно я и Гао Ман.

В 1992 году вы приехали в Благовещенск и показали стихи председателю правления Амурской областной писательской организации. Что вам больше всего запомнилось в этой встрече?

Я взял стопку листов со стихами и постучался в дверь кабинета Станислава Федотова. Потом он написал: «Один красивый китаец появился у входа. Я спросил: “Что вы продаёте?”». Станислав принял меня за коммерсанта. А я в шутку ответил: «Я продаю стихи!» И мы рассмеялись. Быстро прочитав написанное, он с восторгом воскликнул: «Завтра опубликуем! Завтра!» С этого дня началась моя жизнь амурского поэта! Встреча со Станиславом Федотовым стала первой страницей моей литературной деятельности в Амурской области и даже в России.

На научной конференции с друзьями – амурскими писателями. Слева направо: Игорь Игнатьенко, Ли Яньлин, Николай Дегтярёв, Константин Воронов. Благовещенск, весна 2015 г.

В вашей первой книге стихов собраны, в основном, четверостишия, а в четвёртой – стихотворения из трёх-четырёх строк и более. Что повлияло на такое изменение объёма поэтического текста?

Вот влияние на мои стихи китайской культуры – у нас традиционными считаются стихотворения из четырёх строчек. Я тоже убеждён, что стихи должны быть короткими. Их легко запомнить. Они способны дать читателям пищу для размышлений. Даже когда я пишу кому-нибудь письмо, я выражаю свои мысли коротко, максимум в пяти предложениях. Увеличение объёма стихотворения приходит с опытом. Надо быть поэтом не один год, чтобы написать многострочное стихотворение без «лишней воды». А в первое время надо быть осторожным.

Почему в сборниках ваших стихов слово «луна» пишется с заглавной буквы? Это отражение вашего особого отношения к образу луны или инициатива редакторов?

Я люблю луну! Сама она и есть поэзия, полная безграничным очарованием. Каждый раз, когда она появляется и ярко светит в небе, у меня в душе рождается вдохновение. У образа луны много смыслов. В детстве зимой по вечерам после ужина я часто катался на коньках при луне. В моей юной душе луна была доброй, прекрасной и дружелюбной. Потом она стала означать любовь, надежду, мечту и ещё много чего... Даже во время культурной революции луна давала мне немного тишины, покоя, утешения... Ведь культурная революция была настоящим хаосом. Люди мало работали, жили лозунгами. Тогда казалось, что луна – серп. Но при её свете не было крика, лозунгов, демонстраций. Луна может быть и символом горя, несчастья, и символом радости, вдохновения. Всё зависит от настроения. У Тургенева есть очень удачное стихотворение о луне:

Луна плывёт высоко над землёю
Меж бледных туч;
Но движет с вышины волной морскою
Волшебный луч.
Моей души тебя признало море
Своей луной...
И движется и в радости и в горе
Тобой одной...
Тоской любви, тоской немых стремлений
Душа полна...
Мне тяжело... но ты чужда смятений,
Как та луна.

Оно было опубликовано в выходившем в Китае журнале «Русская советская литература».

Ваши стихи очень музыкальны. Вы настолько любите музыку?

Музыка – важная часть моей жизни. Каждый день жена играет на пианино, а я люблю петь русские песни. Очень много знаю песен. Люблю пекинскую оперу.

Многие ваши стихотворения остросоциальны. А как вы относитесь к политике?

Я не политик. Меня вообще политика не интересует. Скажу только одно: президент Владимир Владимирович Путин – мой великий друг. В Пекине он встретился не только со мной, но и с моей семьёй: женой и двумя дочерьми. Он побеседовал со мной, лично вручил мне Орден Дружбы.

Почему, при всей своей занятости, вы решились на работу над сборником амурских поэтов «Везде цветёт июньская сирень» на китайском языке?

Амурская область – одна из самых близких к Китаю областей России. Нас соединяет река Амур. Я хотел, чтобы китайские читатели познакомились с творчеством своих соседей. И ещё: я заместитель председателя правления Амурской писательской организации. Так и родилось решение издать этот сборник.

По каким критериям отбирались стихи? Кто выбрал название для книги?

Какие стихи надо было включить? Это решал Игорь Игнатенко. В 2007–2008, когда сборник готовился к печати, он был председателем Амурской областной общественной писательской организации. После того как я договорился со знаменитым издательством «Китайская молодёжь», я решил, что перевести русские произведения на китайский язык сможет мой старый друг Гу Юй – один из переводчиков пятитомника. А почему я сам не перевёл? У меня времени не было, поэтому в моём переводе даны только мои стихи. Название сборника придумал редактор.

Планируете ли издание нового сборника собственных стихотворений?

После выхода в свет четырёх поэтических сборников я написал несколько стихотворений, но нет времени, чтобы подготовить их к публикации.

Большинство ваших стихотворений о России. А вот о Китае совсем немного. Почему?

Конечно, меня интересуют события, происходящие в Китае. Но я пишу стихи для русских читателей. Если писать о китайцах, им будет не-

интересно. Меня искренне волнует всё, что происходит в России, все стороны жизни россиян. Я пишу о дружбе, о морали, о поведении русских людей.

Кем же вы себя ощущаете в большей степени: китайцем или русским?

Я китаец, но я был воспитан русской культурой. Все мои школьные учебники были переведены с советских. Валерий Перелешин – русский, но его детство и юность прошли в провинции Хэйлунцзян, поэтому в его стихах тоже сочетаются Китай и Россия. Я считаю себя и хэйлунцзянцем, и амурчанином.

В стихотворении «Утренняя зарядка в Благовещенске» вы пишете о пробежке. Любите спорт? Ушу?

Не люблю ушу. Но я каждое утро пробегаю полтора-два километра. Физкультура помогает быть крепким. Я чувствую себя лет на пятьдесят – не больше. Если человек хочет жить лучше, он должен бегать. Тогда и его душа будет молода.

Поддерживает ли вас жена?

Мой жизненный путь был полон несчастий. Жена понимает, считает, что я иду своей дорогой.

Она домохозяйка. У нас равенство. Мы уважаем друг друга.

Каким, по-вашему, должен быть поэт?

Поэт должен иметь добрую душу, быть настоящим человеком и обладать высоким литературно-творческим уровнем. Ему нельзя под давлением писать то, с чем он не согласен. В мире много дорог для каждого человека. Поэты, писатели должны указывать читателям правильный путь, показывать, что нравственно, а что – нет.

Как добиться успеха?

Всё очень просто. Не надо делать то, на что ты не способен, прилагая невероятные усилия. Всё складывается само собой. В человеке изначально заложены определённые таланты, способности. Нужно развивать те из них, которые уже есть.

Скажите, где вы берёте силы и энергию для науки, преподавания, творчества?

Рецепт один: я не теряю время. А ещё я часто шучу, когда разговариваю со своими друзьями: человек не должен с утра до вечера делать серьёзный вид. У меня есть девиз, который родился после того, как в студенчестве на меня наклеили ярлык «правая тенденция»: «Даже если трудно, даже если тяжело, я шагаю вперёд!»

На открытой лекции
«Литература харбинской эмиграции».
БГПУ. Весна 2019 г.

В кругу преподавателей
кафедры русского языка и литературы,
аспирантов и коллег
на церемонии вручения звания
Почётного профессора БГПУ.
Осень 2019 г.

Анна АРКАТОВА

филолог-славист,
(PhD, Иллинойский университет, США)

От редакции. Анна Аркатова в 2006 году стала стипендиатом программы Фулбрайт и отправилась на обучение в США. Закончила магистратуру Канзасского университета, а впоследствии докторантуру университета Иллинойса. Защитила диссертацию по творчеству А.И. Солженицына. По воле случая и благодаря сотрудничеству с профессором Ли Яньлином оказалась в Китае; работала в Чжэцзянском университете иностранных языков (Шаосин) и объединённом международном колледже Баптистского университета Гонконга (Чжухай).

ДОРОЖНЫЕ «ЖАЛОБЫ», или Немного о восприятии русским Китая

*Благовещенск. Начало августа 2020 года.
Две недели спустя после моего многострадального возвращения из Китая.*

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
<...>
Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
<...>
Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?
<...>
То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошёл же, погоняй!..

А.С. Пушкин

I. «Люди в чёрном...»

Читая с десятилетней племянницей «Гарри Поттера», натолкнулись на персонажа Долгопупса, обладателя жабы по имени Тревор.

- Так звали одного моего китайского студента.
- Как жабу?
- Да.
- Хи-хи...
- Это ещё ничего. Был у меня студент по имени Водка.

Звонко засмеявшись, ребёнок поинтересовался:

- А почему он выбрал себе это имя?
- Не знаю. Когда я спросила, нравится ли ему этот напиток, он под смешки одноклассников утвердительно кивнул головой.
- А как ты к нему обращалась? Водочка, к доске!?

Мы залились смехом так, что нас чуть было не выгнали из дома. Час был поздний...

...Предпочтения китайских студентов при выборе иностранного имени никогда не переставали меня удивлять. Страшнее Водочки был только Adolf (Адольф), явно имеющий фундаментальные пробелы в изучении мировой истории. Впрочем, и культура России оказалась ему не по силам. Правда, в классе «русский язык как иностранный» при раздаче поверх «английских» ещё и русских имён нашёлся желающий именоваться Сталин, но, увидев выражение моего лица, передумал. Я лишь вежливо заметила, что это фамилия, и предложила взамен имя Степан, созвучное его английскому Stephen.

К доске, слава богу, ни Водочку, ни кого-то другого вызывать не приходилось. У доски студенты оказывались лишь во время нелюбимых мною, но очень популярных в Китае group presentations (групповые презентации по 4–6 человек) на вольную тему, которая на моих занятиях имела отношение к русской культуре или России в целом. При этом студенты, обычно одетые повседневно,

на эти занятия почему-то наряжались в подчёркнуто официальные, преимущественно чёрные костюмы и скорее напоминали героев фильмов «Матрица» или «Миссия невыполнима». Может быть потому, что, когда глядела на них, в голове невольно выстраивалась цепь трудноразрешимых педагогических задач. В свою очередь, и их студенческая миссия, требующая качественной, содержательно насыщенной и адекватной подачи материала, тоже была в высшей степени невыполнимой...

А однажды, когда в течение всего дня проводились подобные презентации (для всех преподавателей колледжа – в одно и то же время), мне пришло we chat сообщение от коллеги-подруги из Германии: «Is the wake still going on?» («Похоронная вечеринка ещё в разгаре?»). Она, как и я, мечтала об ужине и массаже, но «похороны» русской культуры продолжались... Из предварительно предложенного списка интеллектуальных тем про Льва Толстого, Михаила Врубеля, декабристов и футуристов; и даже из списка попроще (русские фильмы и музыка) выбирались ВСЕГДА три, которые в этих списках не значились:

1. Водка.
2. Борщ.
3. Путин.

Как-то по пути домой коллега из Эквадора, преподававший курсы по дизайну и сам немало страдавший, выслушав меня и посмеявшись, сказал: «Don't be upset. That's how they see Russia» («Не огорчайся. Так они представляют себе Россию»)... Но за три года работы в этом университете я так и не поняла, почему молодые люди беспрестанно докладывают мне про состав никогда не испробованной мною русской водки, открывают секреты её приготовления, сообщают об от-

тенках её вкуса и для этого облачаются в дорогие, изысканные костюмы и даже фраки.

Затем начиналась история про «красный суп», в который лучше бы не добавлять белого соуса. Ну и в завершение (психологический финиш) звучала песнь славы Великому и Могучему, под которую я и сама уже не прочь была опустошить поллитровку... Но чаще либо дремала, либо набрасывала мысли для своих научных и творческих работ. Критиковать студентов было бесполезно. Тема-то вольная. Вот и терпи. Справедливости ради отмечу, что этот вид работы составлял лишь малую долю (10 процентов) от общей «стоимости» оценки. Строго оценивались презентации на заданные темы, где нужно было продемонстрировать аналитические способности и критическое мышление... Но это были «похороны» иного рода!..

P.S. Официальные чёрные костюмы (без повода) в моде и в местах, удалённых от академической среды. Однажды, явившись в спа-салон на косметическую процедуру, встретила процессию «людей в чёрном». Думала, меня отправят в космос или превратят в мумию, но всё обошлось...

P.P.S. Сделаю небольшой экскурс в прошлое. За долгие годы учёбы и работы в США никогда не видела строго официально одетых студентов и даже профессоров, за исключением, быть может,

Центральный парк Нью-Йорка. Июль 2014 г.

На Бруклинском мосту. Нью-Йорк, июль 2014 г.

С профессором Ли Яньлином после его лекции. Шаосин, сентябрь 2016 г.

процедур защиты дипломов и диссертаций, да и то с натяжкой. В Канзасе они нередко приходили в класс в пижамах. В Иллинойсе, где царили более урбанистические нравы, такое случалось реже... Однако всплывает в памяти способный студент, с толком и расстановкой вещавший о русском символизме и Блоке, будучи одетым... в домашний костюм! А потому «люди в чёрном» резали глаза, не состыковывались с моими представлениями о студенческой одежде. На мой взгляд, такой костюм можно надевать, когда представляешь научное открытие, получаешь Нобелевскую премию или когдаходишь в состав экспедиции по поиску инопланетян...

II. Пролетарии всех стран, соединяйтесь...

Это было до освоения мною китайского юга, когда, несмотря на все тамошние «непонятности», я уже научилась радоваться жизни и на многое не обращать внимания. Шли первые мои месяцы в Китае, в провинции Zhejiang (Чжэцзян), когда всё ещё принималось близко к сердцу. Тогда я работала в другом университете, в городе Шаосин.

Уплетая креветки, пельмени и кипяча всякие съедобные штуки в китайском самоваре, русские коллеги ухахатывались с моих рассказов об уже немолодом китайском профессоре математики. Работая в университете гораздо дольше меня, они его часто видели, но никогда не имели чести

пообщаться. Меня он возлюбил! Как увидит, во весь голос запекает «Катюшу» или говорит: «Ленин мой друг!» Особенно часто я встречала его после занятий на беговой трассе открытого стадиона. Бегу, а он поёт. Господи, думаю, спаси и сохрани, отбери все «яблоки и груши», только помоги выбраться... Он был безобидный, и мне было не то чтобы неприятно, но странно, тем более в дружбе с Лениным никогда не состояла. Ленин был той фигурой, через которую ко мне безуспешно набивались в «друзья» многие представители китайской нации. И не только люди старшего поколения...

Года два спустя, уже в Чжухае, вдали от злополучного профессора, в мой класс русского языка вошёл студент, имевший очень торжественный вид... Сто-

ял ноябрь 2018-го:

– Анна, сегодня!

– Что?

– Сегодня, – сияя, повторяет он.

Как в тумане, пытаюсь вспомнить, какое задание я должна была проверить сегодня. Не вспомнив ничего, отвечаю:

– Завтра.

Студент настаивает:

– Сегодня!

Чего, думаю, привязался с самого утра?

– Сегодня – день Великой Октябрьской социалистической революции!!!

Да чтоб мне упасть и не встать! Не успела, как говорится, ещё глаза протереть (время – восемь утра!), в животе бурлит от голода, а он мне тут о революции... Не выказываю никаких эмоций, молчу. Хихикает, упав лицом в книгу, его сосед по парте. Многие одноклассники, улыбаясь, жестами дают знак остановиться, но он непоколебим:

– Вы забыли???

– Об этом не помнила даже моя прабабушка, которая умерла в 1986 году.

– Ленин спас Россию, а вы не помните!!?

Это прозвучало как упрёк.

В голове проносятся обрывки воспоминаний. Я ребёнок. В детском саду иногда показывала портрету Ленина кулак. Что, думала, везде висит, скучный такой, надоел, хоть бы что весёлое, яркое повесили... Это были интуитивные эмоции. В семье такое никогда не обсуждалось. Да и до Ленина ли было!.. А когда в игре говорили: «Кто

на чёрточку наступит, тот и Ленина погубит», выбывала из игры и топтала все чёрточки подряд. Грешно вспомнить, иногда могла и ругнуться. Но обо всём этом, конечно, умалчиваю.

– Вам нужно записаться на мой курс по истории, – только и ответила я.

На тот курс, который назывался «Women in 20th Century Russian History and Culture» («Женщины в русской истории и культуре XX века»), почитатель пролетариата явился и половину семестра молча сидел с заметно озадаченным, иногда ошарашенным видом. Я его не спрашивала, он меня тоже.

Вот уже улетели лебеди цветаевского «Лебединого стана», прозвучал ахматовский «Реквием», по косточкам разобран «Матрёнин двор», и я готовлюсь перейти ко второй, менее трагичной части семестра, основанной на изучении советских и русских фильмов. Дабы подвести итоги первой половины курса, предлагаю студентам взглянуть на картину Марка Шагала «Революция» и попытаться объяснить, как художник ретроспективно воспринимает это историческое событие. Прошу включить ненавистное в Китае воображение и обратить внимание на детали.

– Так что вы видите?

– Цирк. Русское историческое шоу начала двадцатого столетия, – отвечает смышлёный мальчик с ярко-розовыми волосами.

– Хорошо. Почему Ленин в позе акробата?

– Он в перевёрнутом состоянии, потому что перевернул Россию. Она больше никогда не станет прежней, – отвечает девушка, уже не в первый раз «слушающая» мои курсы.

– С левой стороны на снегу я вижу часы, и у меня ассоциация с циферблатом. Его вытянутая рука как стрелка часов и напоминает слоган: «Время, вперёд!» Однако тут есть и пустой циферблат – круглое солнце. Он насильственно меняет историческое время с циклического на линейное, – старается рассуждать другая умная студентка, давно осознавшая, что зубрить – дело бесполезное и нужно думать творчески и самостоятельно.

– Это интересно, – хвалю я.

Подбадриваю малейшие проблески мысли, пытаюсь углубить их представление. С моей помощью высказано несколько интересных интерпретаций. По ходу обсуждения напоминаю пройденный материал. И тут в первый раз решаюсь обратиться к напряжённому «революционеру»:

– А вы что видите?

– Ленин – сильный и делает гимнастику на столе.

– Зачем?

– Разминается перед боем. Ему нужно создать светлое будущее русской революции.

– Оно вам кажется светлым?

– Да, я вижу свет! Здесь солнце...

– Но оно ведь упало, – досадую я. – Скатилось с небес.

– И превратилось в барабан, – резонно вставляет ещё один студент.

...Но, кажется, поклонник Ленина и революции так ничего и не понял. Наверное, и в 2020 году будет праздновать очередную годовщину. Хорошо, что уже без меня.

III. Вдоль, но не по Питерской...

Ничего подобного не могло случиться в Америке, где худший транспорт, которым я пользовалась, – автобус, а чаще – автомобиль или самолёт. Ничего подобного не могло произойти в южный период моей китайской жизни. У меня был даже личный таксист, китаец средних лет, всегда готовый помочь и прекрасно изъяснявшийся на английском. Впрочем, к тому времени я и сама могла вызвать машину на языке Поднебесной...

Но это были всё те же первые полгода в Китае, когда я пребывала в состоянии культурного шока, носители языка почти не входили в круг немногочисленных друзей и знакомых, а до технических штук и телефонных приложений (alipay, didi) ещё не добралась моя измученная и усталая голова...

Обстоятельства сложились так, что меня, к счастью, перевели работать на другой факультет, располагавшийся в ином кампусе, на противоположном конце города. И хотя между кампусами часто курсировал университетский автобус (время в пути – сорок минут), мне предоставили новую квартиру – более светлую и красиво оборудованную. Я радовалась этой перемене. Предстоял переезд. К тому времени накопилось довольно много вещей и кое-какая мебель, включая ярко-полосатый разноцветный диван, доставшийся в наследство от испанца, к тому времени вернувшегося на землю конквистадоров. Его, то есть диван, я тоже пожелала взять с собой. Дело оставалось за транспортом.

Моя китайская коллега Jane, или «link teacher» (link значит связывать или привязывать: к каждому иностранному преподавателю приставлен китайский для оказания помощи в сложных делах оформления бумаг и тому подобном – реалья, не имевшая места на юге страны), была в буквальном смысле ангелом во плоти. Она владела английским, уже не единожды спасала от всяческих напастей, помогала сглаживать отношения с руководством и растолковывала сложности китайской академической жизни. Видя, как «ди-

кий русский», прошедший американские прерии, мучается на территории её родины, она помогала не только по служебной обязанности, но и по доброте душевной. Мы стали подругами. Конечно, я обратилась к ней. Перезвонив через пятнадцать минут, она сказала:

– Не переживай! Утром, часов в девять, будет грузовичок, а до этого спустим твои вещи вниз.

Я поблагодарила и спокойно легла спать.

Утром мы всё спустили. Срочно были призваны на помощь русские, чтобы вынести диван. В последний раз побежала наверх, на шестой этаж, проверить, не забыла ли чего, и захватить кое-какие мелочи. Возвращаясь и застываю на месте: ГРУЗОВИЧОК!!! Это было громко сказано. Наши с подругой представления об этом средстве передвижения оказались диаметрально противоположными. Впрочем, я ведь не высказывала ей личных предпочтений, не уточняла цену, которую могла заплатить. У неё наверняка не было злого умысла. Главное ведь – добраться, считала она.

Итак, передо мной стояла небольшая телега, если не сказать колымага, на неё уже была загружена моя поклажа, даже диван. Первая мысль, мелькнувшая в голове: а кто же меня повезёт? Лошадь? Но тут спереди телеги увидела фрагмент велосипеда: сиденье и небольшие колёса, а неподалёку стоял невысокий китаец очень худощавого телосложения. Хилвата лошадка будет, – пронеслось в голове. Со страхом глядя на подругу, еле вымолвила:

– А-а-а я куда?..

– И ты сюда же, – бодро ответила она, показывая на телегу.

Краем глаза я увидела, как русские, боясь меня обидеть, еле сдерживают смех. Я чуть не плакала. Яне не ожидала такого поворота событий.

Через десять минут должны были начаться занятия, и всем нужно расходиться по аудиториям (меня в тот день освободили). Оставшись одна с человеко-лошадью, я могла бы выгрузить вещи обратно и заказать, хоть и с трудом, автомобиль, но пришлось бы ждать до вечера. Жажда же переезда у меня была огромная. Идти некуда. У меня лишь один свободный день. Каким-то чудом влезла в телегу и взгромоздилась на свои вещи. Тут же увидела нечто вроде покрывала, которым мой всадник хотел прикрыть меня и моё барахлишко. Жестом показала, что не надо. Вдруг подумалось: если диван свалится по дороге, то будет даже лучше. Впрочем, я и сама едва ли рассчитывала остаться живой. Тронулись в путь...

...То, что я, скорее всего, останусь жить, поняла почти сразу. Быстро поутихло и чувство жалости к человеку, вынужденному катить меня, моё

добро, мой диванчик. Скорость нашего транспортного средства составляла километра два в час. Не прошло и сорока минут, как мы покинули двор бывшего моего дома. Хорошо ещё, что не встретился профессор математики и не затянул «Катюшу». Двор пуст, как и прилегающая улица, которая выходила на главную дорогу.

Почему я не села на университетский автобус и не доехала до новой квартиры сама, предоставив водителю моего «грузовичка» возможность везти лишь вещи? Ведь адрес у него был. Отличная идея. Но поздно, слишком поздно...

Я потеряла чувство пространства и времени. Всё это очень напоминало если и не Великое Переселение народов, то отправку на каторгу в Сибирь. А когда мы выехали на обочину основной трассы и слегка прибавили скорость, я и сама почувствовала себя лошадью, конечно, не старой, «живой развалиной», как Мерин в толстовском «Холстомере», а вполне молодой «бурой кобылкой», приобретшей, однако, остранный (от термина В.Б. Шкловского «остранение») взгляд на человечество и столь недоступное сердцу и разуму иностранное государство, раскинувшееся вокруг.

Мы проезжали живописные парки с пирамидальными крышами уголками вверх, старые районы, где женщины прямо на улице стирали бельё, дорогие гостиницы, фирменные магазины и маленькие лавчонки, торговавшие пельменями, ягодно-красными сладостями и другими «гадостями», больницу (ах, вот где она!), милые снаружи и манящие ресторанички, в которых, я знала, в силу специфики китайской кухни, ничего не смогу съесть. Где-то позади уже остался музей Лу Синя, и за каких-то два часа остался далеко в прошлом столь сложный пролог моей китайской жизни. Впрочем, вздохнулось мне, и американская начиналась нелегко...

Мимо проносились виды китайского транспорта: зелёные такси, небольшие мотоциклы, на которых порой умещалась целая китайская семья, другие рикши с разного вида грузами и кузовками, но без человека, сидящего внутри, дорожные джипы и иные авто, даже МЕРСЕДЕС.

– Ну и пусть! – не без гордости думала я. – У меня свой кабриолет!

Уже высохли слёзы. Я лишь одной рукой держала свои ковры и крынки, другой же ухватилась за диван, чтобы не свалиться на трассу, и поглядывала на спину моего китайца. А он ни разу не оглянулся и, казалось, пребывал в отличном расположении духа. Это было не только остранение, но и замедление моего видения Китая и собственной жизни за последние десять лет. Я всё простила и всех отпустила. Но это я поняла потом...

Перерыв между заседаниями международной научной конференции. Слева направо: А. Аркатова, Р. Темпест (научный руководитель) и Н.Д. Солженицына. Москва, март 2017 г.

Мы галопировали уже часа три, когда в голову закралась мысль: а каким образом занести всё это в квартиру? Она хоть и не на шестом, а на втором этаже, и есть лифт, но диван... Знакомых на новом кампусе у меня нет... И тут я вспомнила кудрявого украинца, лет на шесть моложе меня, преподавателя английского, с которым познакомилась на общеуниверситетской вечеринке в начале семестра (месяца четыре назад). Это был лишь small talk, и удобно ли беспокоить малознакомого человека в рабочее время? Набираю номер, открыто не прошу о помощи, а только сжато и быстро описываю происходящее. К удивлению, он не засмеялся, а коротко ответил на русском: «Я тебя встречу».

До финишной прямой оставался час. И вот заветная арка при въезде в университет! Я почему-то совсем не чувствую себя несчастным преподавателем, обречённым на муки, въезжающим на столь подозрительном фаэтоне на новое место работы. У меня полное ощущение, что я богиня Виктория, управляющая колесницей и парящая над аркой Росси. Шли занятия, и кампус оказался пуст. Украинец прислал сообщение, что будет через десять минут, как только закончится занятие, что мне нужно ждать его близ моего подъезда номер два (он жил там же). Я последовала совету, и когда телега затормозила, благополучно выбралась и вздохнула полной грудью. Рассчитавшись с моим «конём», хотела присесть на диванчик, но китаец схватил его и, минуя лифт, потащил наверх. Слегка оторопев, я устремилась за ним, указывая на вход в квартиру и открывая дверь.

С молниеносной быстротой весь мой остальной скарб был внесён, и я, наконец, водрузилась на диван в самом центре зала. Украинец, через несколько минут постучавший в дверь, с серьёзным видом оглядел меня, пространство и произнёс: «Ну, ты даёшь!»

Вскоре он включил электричество и принёс кое-какую еду.

Вечером на автобусе приехала вызвавшая столь необычное такси подруга. Мы пили вино, раскладывали вещи, мирно беседовали, и тут она спросила:

- А сколько ты ему заплатила?
- Кому?
- Рикше.
- Около четырёхсот юаней.

– Ты что, с ума сошла? Я ему сказала: сорок. За эти деньги мы бы могли отправить твои вещи на хорошем грузовике в Шанхай (два часа на машине от Шаосина)!

- Я и думала, что будет хороший.

Мы рассмеялись. Только сейчас я осознала, почему вещи оказались подняты со скоростью света.

Про деньги я и думать забыла. В тот вечер я пребывала в состоянии абсолютного счастья. Жизнь была через край. Интуиция подсказывала, что наступает светлый период, и она не обманула, но это уже совсем другая история.

P.S. В дальнейшем рикшей пришлось воспользоваться лишь однажды. Летом приехал в Китай

из Америки мой профессор – бывший научный руководитель. Отправились в Шанхай. Профессор был в Китае впервые. Глядя по сторонам, он делал интересные комментарии, сравнивая Китай с Америкой, Англией и Россией. Оказавшись на одной из центральных улиц, мы не могли поймать такси, и профессор, совершенно неожиданно для меня и себя самого, тормознул велосипедного рикшу, собрата моей «лошадки». Его «кабриолет» оказался более высоким и с моторчиком, а для пассажиров предназначена была не телега, а вполне удобное сиденье. Я отрицательно покачала головой, но профессор был полон решимости и уже располагался на пассажирском месте. Скорость на этот раз была лишь чуть ниже, чем у проезжавших мимо автомобилей. Я визжала на весь Шанхай, а мой Учитель смеялся и повторял всё ту же фразу, которой утешал меня всё последнее десятилетие: «Держитесь, Анечка. Всё будет хорошо!»

IV. Идущие из глубины Азии на Европу... Новые трихины

Всё сбылось по Достоевскому: «все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных»...

В середине января 2020 года я отдыхала в городе Санья, грелась на солнышке, пила кокосовое молоко, посещала массажную студию и наслаждалась морем. Открыв интернет лишь единожды, я вскользь заметила словосочетание «китайский вирус», но не обратила на него никакого внимания. Полное расслабление продолжалось до начала февраля, когда сестра, позвонив из Благовещенска, сказала: «Родители поднимают панику. Купи маску». Купить её оказалось нелёгкой

В университетской библиотеке. Шаосин, апрель 2017 г.

задачей. Обойдя полдюжины аптек, я было впала в уныние, но тут же обрадовалась, найдя две декоративные маски в сувенирном магазинчике. Вскоре массажная Лэди поделилась со мной и медицинскими, которые я решила побереечь до аэропорта и самолёта.

Возвратившись в Чжухай в начале второй недели февраля, я попала в город привидений. Пустые улицы и магазины. Вечером в парке около дома не было обычных толп китайцев, совершающих прогулку и постукивающих себя по разным частям тела (видимо, медицинская традиция) либо исполняющих под маленький магнитофончик разного рода танцы. Охрана не позволила перелезть через забор к любимому и теперь отгороженному морю, вынудила вернуться в жилищный комплекс. Одна подруга, американка, с которой через несколько дней планировали посетить «подземных воинов» в Сиане, слала панические сообщения из Калифорнии, а другая валялась на полу своей квартиры, разрабатывая план побега в Германию (не удавшийся). Впрочем, передвижения по городу не были строго регламентированы, как в других частях Китая, и я свободно гуляла, избегая общественный транспорт и получая последние новости от своего таксиста. Люди в форме при входе в дом наставляли градусники-пистолеты в лоб. Я протягивала им руку, но это не меняло температуры моего тела – тридцать четыре. Решив, что у меня антикорона, окончательно успокоилась и погрузилась в дела, лишь пару месяцев спустя осознав, что в большинстве случаев градусники – не рабочие, лишь для отвода глаз.

Я не боялась самого вируса, хотя и соблюдала меры предосторожности, а опасалась другого: «ментального вируса» университета, который уже на каникулах требовал отчётов о местонахождении каждый день до двенадцати часов пополудни. Я часто просыпалась чуть позже и получала почтовые предупреждения (email), а к другим преподавателям, не просыпавшимся раньше двух дня, засылали «полицейского». Впереди ждал мучительный zoom-семестр, в ходе которого часто «заболевали» не столько студенты, сколько их компьютеры и микрофоны, а руководство вуза каждый день меняло правила выставления оценок. Я справилась... и даже получила много положительных откликов на teaching evaluations (процесс оценивания студентами качества преподавания, существующий и в США; имеет место в конце каждого семестра).

Мне не было плохо. Я даже часто ходила в местный бар. Девятого апреля купила билеты домой, а двенадцатого или тринадцатого закрыли границу. Это было худшее, что могло произойти. В начале июня я была уже свободна от служебных обязательств и, как и многие, ждала открытия границы,

пропустив несколько вывозных рейсов, да и не помышляя о них. Вскоре закончился договор на квартиру, и, не имея никакого понятия, что принесёт следующий год, я сдала ключи и переехала к хорошей знакомой из Эстонии, живущей неподалёку. Она выделила мне комнату в своей двухэтажной квартире. Мои открытые чемоданы и сумки стояли на полу, и в них постоянно дремал больших размеров серый кот, видимо, тем самым изъяслявший желание перебраться в Россию. Глядя на милое животное, я тоже хотела спать и не соображала, что делать дальше. В конце июня зарегистрировалась (через Госуслуги) на вывозной рейс Гуанчжоу – Москва (на 4 июля) и к утру следующего дня попала в списки пассажиров. Бурная радость длилась недолго. За два дня до вылета рейс из «гуманитарного» превратился в «коммерческий». Его передали азиатской авиакомпании, цена билета вмиг возросла от тридцати пяти до ста пятидесяти тысяч рублей, а количество пассажиров уменьшилось с трёхсот до сорока. Летели бизнесмены, модели... И я...

Оказалось, нас всех ожидал карантин в подмосковном городе Руза, в довольно уютной и бесплатной для нас гостинице, посреди красивой природы, куда за две недели никто и никогда не пришёл измерить температуру, а о градуснике нам и мечтать не приходилось. Три раза в день привозили еду, самую обыкновенную, но русскую, после Китая казавшуюся мне Манной Небесной. Для меня и девят-

надцатилетней девушки-модели не нашлось по отдельной кровати, и мы почивали на одной. Это была сверхизоляция в сочетании со сверхбдительным наблюдением за нами! Охрана тщательно запирала дверь в гостиницу, но оставляла при этом открытым общее окно в холле, которое тут же получило название «Окно в Европу». Для меня – выход к красивому озеру, для многих – в местный магазин за горячительными напитками. Спустя несколько дней посреди ночи прибыл рейс из Франкфурта, и снизу, когда мы уже давно спали, раздались пронзительные крики, что китайцы (это мы-то?) – опасные существа, распространившие коронавирус, что они должны быть переселены в отдельный корпус. Этого, к счастью, не произошло. «Всё смешалось в доме Облонских». Впрочем, жили дружно.

P.S. В конце карантина мне выдали справку о реабилитации...

Чжухай. Ноябрь 2017 г.

Конец семестра. Чжухай, декабрь 2017 г.

Со студенткой. Чжухай, май 2018 г.

Станислав ФЕДОТОВ

член Союза писателей России

ПОДЪЁМ НА ВЕРШИНУ

К юбилею Александра Герасимова

У каждого человека случаются в жизни знаковые события. Пять лет назад подружился я с необыкновенным человеком. Пятнадцать лет мы жили бок о бок в Благовещенске и, можно сказать, не общались, а разъехались, и судьба свела нас в литературе и в жизни. Значит, была в этом какая-то неведомая нам необходимость.

Звать этого неординарного человека Александр Владимирович Герасимов. Писатель, что называется, от Бога.

Не часто мы с другом переписываемся, больше встречаемся в Фейсбуке, где Саша регулярно выкладывает свои воспоминания – миниатюрные лирические рассказы о природе, в основном о родном ему Приамурье. Правда сейчас он уже с десятилет лет живёт в Калининграде, что на Балтийском море, однако же хорошо известно, что любовь к отчему краю наиболее остро проявляется именно в пространственном и временном отрыве от него. И по комментариям хорошо видно, как охотно и глубоко читатели воспоминаний проникаются ностальгическими чувствами автора, какие неподдельные восхищение и восторг вызывает его незамутнённый новациями русский язык. Я и себя отношу к таким читателям, больше того, нередко тексты и фотографии автора вызывают к жизни поэтические экспромты – то в несколько строк, а то и целые стихотворения. Видимо, миниатюры Герасимова обладают неким энергетическим полем, попадая в которое, душа читателя воспаляется и рождает что-то новое. Как говорится, вдох нового – вот вдохновенье!

Недавно Саша познакомил меня с рукописью своей новой книги «Медовые края». Сборник рассказов, тех самых, что появлялись на страницах Фейсбука, а кроме того – в бумажных и электронных журналах (не только в России, но и в Зарубежье – Ближнем и Дальнем, вплоть до Америки и Новой Зеландии: русскоязычные читатели сегодня есть практически в любой стране мира). Да, публикации у Герасимова рассеяны по всей планете, а вот с книгами всё обстоит совсем наоборот: за многие годы литературной работы издана всего одна небольшая книга в приложении к сибирскому журналу «День и Ночь». Попала в разряд дебютов. И вот эта присланная, вторая, собрана была несколько лет назад, а до сих пор не нашла издателя. Обидно за прекрасного писателя! В подтверждение этих слов приведу пару абзацев из послесловия к «Медовым краям», честь написания коего выпала мне:

«Дорогой друг-читатель, ты перелистнул последнюю страницу рассказов дивной книги. Небольшой по количеству страниц, но невообразимо огромной по тому, чем она наполнена. Потому что наполнена она любовью к Родине. Причём любовью не только общечеловеческой (эта, конечно, тоже важна), а невероятно конкретной, насыщенной тысячами красок, сотнями звуков, десятками запахов – лесов... рек... озёр... цветов... грибов... дождей... снегов... И всё это прописано тончайшими кисточками истинно русского языка! Богатейшего и красивейшего из языков Земли!

... Так писали о России И. Тургенев, И. Бунин, М. Пришвин. Пишет ли кто сейчас? Не знаю, не встречалось, но думается: нет. Тем более убеждён: книгу Александра Герасимова надо читать не только взрослым, но в первую очередь – детям, чтобы с малых лет знали и понимали, сколь богат и звучен русский язык, как прекрасна Россия».

Не привожу цитаты из книги, ибо пришлось бы переписывать страницу за страницей, однако от одной не удержусь:

«В сутробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым – не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё – слепящие метели и хлёсткие метелицы, разгульные вьюги, тоскливые завирухи, заверти, замети, позёмки...»

И представьте: так легко и атмосферно пишет человек, которому 25 октября исполняется 65 лет! Найдутся ли молодые авторы (их сейчас очень много), способные с таким воодушевлением из обыкновенных русских слов создавать волшебные картины? Найдутся ли издатели, думающие не только о выгоде, но и о воспитании граждан нашего Оте-

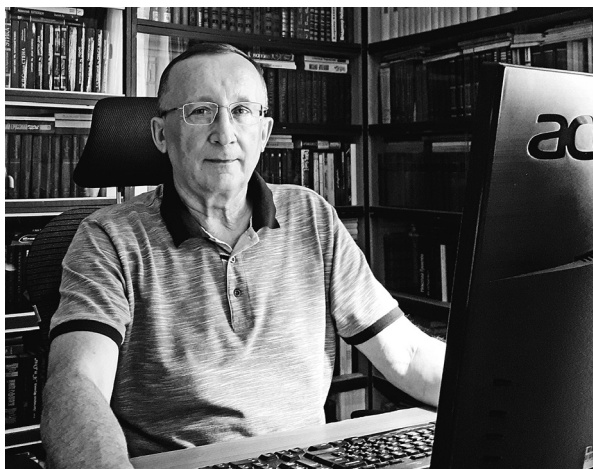
чества, для чего, собственно, и существует художественная литература, что лежало и лежит в основе творчества настоящего писателя? А если таковых издателей нет, найдутся ли меценаты, которые не пожалеют своих кровных, чтобы поддержать редкостный талант? Очень хотелось бы надеяться!

А я ещё не сказал, что Александр Герасимов пишет замечательные пьесы-сказки для детей, многие из которых радуют юных зрителей в городах и весях России, Украины и опять же Америки. Драматургия для детей – это высший пилотаж литературы, и мой друг владеет им в совершенстве.

65 – юбилей, конечно, не «круглый», однако дата серьёзная, особенно для писателя. Это – некая точка на пути в гору, где человек останавливается, чтобы оглянуться (что сделано?!), обвести счастливым взглядом окрестности (как же он прекрасен, этот мир!) и, наконец, поднять глаза к вершине, куда предстоит двигаться (хватит ли сил?).

Я желаю Александру Владимировичу уверенного подъёма и не сомневаюсь, что сил у него хватит. Не сомневаюсь и в том, что к этим словам присоединятся многие.

Москва, 11 сентября 2020 г.

Александр УРМАНОВ

профессор кафедры русского языка и литературы
БГПУ

МИСТЕР СПИК, МИСС НЕЛЛИ И ЖОРЖ Д'АРТЮ

История о том, как неизвестное прежде фото помогло раскрыть загадки творчества Ф. Чудакова

Долгие годы работая над двухтомником «амурского Саши Чёрного», составляя комментарии к включённым в него текстам, я буквально на каждом шагу сталкивался с множеством больших и маленьких загадок, разгадать которые было не просто, порой непосильно. И потому, что в про-

изведениях этих речь шла о людях в большинстве своём малоизвестных или вовсе забытых – тех, о ком мало кто знал и во времена *Амурца*; о событиях вековой давности, в том числе незначительных, повседневных – таких, которые быстро забываются даже их современниками. Или же по-

тому, что автор в силу разных причин (по цензурным ли соображениям, из нежелания навредить человеку или из-за склонности к мистификациям) что-то «зашифровывал», маскировал, уводил в подтекст, в сферу аллегорий и тонких намёков.

В конечном итоге разгадать удалось многое: что-то сравнительно быстро, что-то в результате многомесячных или даже многолетних поисков. В частности, установлены прототипы большинства персонажей Чудакова, а также люди, которым он посвящал свои произведения, используя вместо фамилий инициалы или же известные в сравнительно узком кругу прозвища и псевдонимы. Но, разумеется, далеко не всё поддаётся расшифровке.

Хочется надеяться, что теперь, после выхода двухтомника, число оставшихся неразгаданными тайн будет сокращаться быстрее. Собственно, процесс этот уже идёт, о чём свидетельствуют и публикуемые в данном номере «Амура» путевые очерки Ф. Чудакова 1917 года, и та история, о которой будет рассказано ниже.

А начнём мы её с отправной точки – с событий, которые происходили в Благовещенске более века назад.

...В начале мая 1910 года на страницах благовещенской газеты «Эхо» (№ 465. 9 мая) появилось забавное стихотворение «Весенняя идиллия», подписанное псевдонимом *Язва*. К тому времени читающая публика уже привыкла к остроумным стихотворным фельетонам за этой подписью, а многие, особенно газетчики, знали, что псевдоним принадлежит талантливому журналисту и поэту Фёдору Чудакову, который живёт в Благовещенске около двух лет – с осени 1908-го.

Но «Весенняя идиллия» – не сатира, не фельетон, скорее, поэтическая шутка, юмористическая зарисовка, подобие весёлой мини-пьесы в стихах. В первой из двух её частей предстаёт комичная парочка, фланирующая по залитому весенним солнцем городу:

Рослый Митя, сутулый и гнутый,
На бульваре гуляет с Анютой.
И, гуляя с Анютой,
С этой куклой надутой,
Исступлённо хихает и хмурится,
От весёлого солнышка жмурится.
А Анюта, одёрнувши юбочку
И свернув свою верхнюю губочку
В трубочку,
Выступает, как пава,
Как истая дева:
Не взглянет ни вправо,
Ни влево...

Казалось бы, крохотная сценка, герои едва очерчены, ни единого слова не произносят, почти ничего не совершают, портретных деталей – минимум, а впечатление – будто автор кино об этой парочке показал, пусть и немое.

В первой части есть и иные персонажи – сугубо фоновые: робко целующие своих юных «царевен» гимназисты, радующиеся весне воробушки. Но главными «действующими лицами», на которых сфокусировано внимание автора, являются именно *гнутый* Митя и выступающая *павой* Анюта. Правда, «действуют» они в очень узких рамках: молча дефилируют по бульвару, явно пребывая в расстроенных чувствах. И так – вплоть до финала первой части, в котором *Язва* расстанется с ними, внезапно обрывая эту сюжетную линию:

А Митя гневен,
Анюта тоже.
Но отчего же?

Возникает смутное подозрение, что автор посмеивается не только над несуразным Митей и его манерной спутницей, но и над читателями: закручивает на их глазах интригу, заостряет вопрос, а ответа на него – не даёт. В результате читатели оказываются обмануты в своих ожиданиях: остаются в неведении относительно причин скверного настроения героев, не вполне понимают, зачем Митя с Анютой выведены автором, а потом на полдороге брошены. И вообще – в чём «мораль» и «идейный смысл» этой странной сценки?

Не исключено, что автор сознательно играет со своими читателями: на что-то намекает, путает... Но зачем, с какой целью?

По законам жанра и художественной логики, задав в конце первой части вопрос, он должен был дать на него ответ во второй. Однако о Мите с Анютой там даже не упоминается. На «сцену» выходят другие персонажи – чисто мужская компания: «три газетных работника». Но к ним мы ещё вернёмся, а пока выскажем предположение, что автор «Весенней идиллии» адресует её не только обычным читателям, рядовым подписчикам и покупателям газеты «Эхо», но и читателям особого рода, что называется посвящённым – сотрудникам редакции и работникам типографии «Эха», благовещенским журналистам, репортёрам. То есть своим знакомым, друзьям, коллегам по газетному ремеслу, которые знают наверняка или догадываются, кого именно *Язва* вывел в своём стихотворении.

Во многом благодаря Чудакову в редакции «Эха», особенно среди молодых сотрудников и сотрудниц, царила атмосфера дружеских шуток, безобидных розыгрышей, весёлых мисти-

фикаций. Время от времени в газете печатались остроумные эпиграммы, шуточные стихи, в которых авторы «Эха» мягко подтрунивали друг над другом (в этих случаях обычно использовались не подлинные имена и фамилии, а псевдонимы). Подшучивал над своими собратьями по журналистскому цеху и Ф. Чудаков, но он, в отличие от них, чаще применял не газетные псевдонимы, а имена или имена-отчества. Причём в подавляющем большинстве – подлинные.

Так что, скорее всего, выведенные в «Весенней идиллии» Митя с Анютой – лица реальные, хотя и шаржированные, показанные исключительно со смешной стороны. Очевидно, Чудаков выставил в комичном свете кого-то из сотрудников редакции или работников типографии «Эха». Что касается Анюты, то она, возможно, фигурирует ещё в одном шуточном стихотворении *Язвы* – «Они» (Эхо. 1911. № 761. 19 мая). Весьма вероятно, что здесь говорится о той же самой, на год повзрослевшей юной особе. К которой Фёдор Чудаков был, очевидно, равнодушен, за которой шуточно, на глазах всей редакции, ухаживал, весело разыгрывая роль не пользующегося взаимностью влюблённого. Прочитаем первую часть этого произведения (в двухтомник оно не вошло):

В синих глазках Нюточки
Нет стыда ничуточки:
Говорит приветливо,
Смотрит так кокетливо,
Закружила голову
Мишке Богомолу,
Шутит, словно с мышкою,
С Горловым Никишкою,
Крутит, как соломкою,
Мухиным Артёмкою,
А меня, несчастного,
Готтентотски-страстного,
С греческой фигурой,
С рыжей шевелюрой,
Назовёт то душкою,
То пивной кадушкою...
Плюнуть ли на Нюточку?
Подождать ли чуточку?

Само присутствие рядом с ветреной синеглазкой персонажа (он же и автор), в котором без труда узнаётся Фёдор Чудаков, косвенно свидетельствует, что и Нюточка – героиня вполне себе реальная, причём из ближайшего, скорее всего редакционного, окружения поэта.

Версия о том, что Митя с Анютой – реальные лица, будет ещё убедительней, если доказать, что и герои второй части «Весенней идиллии» списа-

ны, что называется, с натуры, что и они не являются плодом авторского вымысла.

Оставим на время Митю с Анютой и переключаем внимание на персонажей второй части, которые представлены автором более определённо с точки зрения рода их занятий:

Три газетных работника:
Репортёр Пётр Ильич,
Беллетрист Волосатый,
И в костюме охотника
На болотную дичь,
С дубиной весьма суковатой,
Румяный, как коржик,
Жоржик.

Комментируя это стихотворение в двухтомнике, я уверенно писал, что в образе «беллетриста Волосатого» автор вывел самого себя. Подтверждение тому – шуточное прозвище *Волосатый*, которым он наделяет героя. Как известно, самая выразительная особенность внешности сатирика – пышная шевелюра, обыгранная им самим во множестве произведений (как, например, в процитированном выше стихотворении о синеглазой Нюточке), часто упоминаемая мемуаристами.

Об автобиографичности образа говорит и вторая деталь: *Волосатый*, как и его товарищи – «газетный работник», но не «репортёр», а «беллетрист» – то есть писатель, сочинитель. Прежде всего поэтом (не журналистом) видел себя, как известно, и Ф.И. Чудаков. И в глазах современников он тоже был скорее поэтом, чем обычным газетчиком.

Что касается двух других «газетных работников», установить их прототипы в процессе работы над двухтомником не удалось. Хотя, казалось бы, автор «Весенней идиллии» героев особенно не шифрует, по крайней мере, одного из них: опускает лишь фамилию, а род деятельности и имя-отчество обозначает: «репортёр Пётр Ильич». Однако подходящего под эти данные газетчика, современника Чудакова, я не смог найти. Ещё рискованней было бы заниматься гаданием относительно третьего персонажа. Если, размышляя я, Чудаков изображает реального журналиста по имени Георгий, то почему именует его столь уничижительно, почти издевательски – *Жоржик*? Нет, тут что-то не так...

Ответить на подобные вопросы и сомнения без дополнительных находок было практически невозможно, а потому и *репортёр Пётр Ильич*, и *румяный Жоржик* были оставлены без комментариев.

А в последних числах мая, через полгода после выхода в издательстве «Русский путь»

двухтомника, пришло электронное письмо из города Владимира. Как оказалось, меня разыскал (помогли мои статьи о Чудакове) Пётр Вадимович Спицын – внук ещё одного Петра Спицына (только с другим отчеством – Ильич), забытого ныне благовещенского журналиста 1910–1920-х годов. Семь лет назад я написал о нём небольшую статью для «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков», ошибочно указав (из-за противоречивости собранных сведений) его отчество – Иванович. Что, в результате, и сбilo меня при поиске прототипа.

К письму был прикреплён скан уникальной фотографии, на которой запечатлена чрезвычайно колоритная группа амурских журналистов (всего восемь человек), в том числе Фёдор Чудаков и Пётр Спицын. Других назовём позже.

Фотоснимок имеет датировку: *11 апреля 191...* Последняя цифра, к сожалению, утрачена – из-за ветхости фотографии края её обкрошились. Тем не менее, с помощью наложения биографических сведений о тех, кто на фото, можно заключить, что эти «газетные работники» могли собраться вместе в Благовещенске в пределах 1910–1911 годов. То есть в то самое время, когда Чудаков опубликовал «Весеннюю идиллию» (1910), «Они»

(1911) и «Ночью» (1911) – ещё одно стихотворение, имеющее непосредственное отношение к нашей истории.

Снимок свидетельствует: запечатлённые на нём сотрудники благовещенских газет начала 1910-х годов (что особенно важно – разных: «Амурский край», «Амурский листок», «Амурский пионер» и «Эхо») лично знакомы друг с другом, возможно, составляют дружеский кружок, встречаются за пределами своих редакций. Так что теоретически трое из этих «газетных работников» вполне могли в мае 1910 года вместе заглянуть в буфет.

А что если сузить круг поиска, оставив в нём только тех, кто на снимке?

Беллетрист Волосатый? Да вот же он – второй слева: Фёдор Чудаков, автор «Весенней идиллии».

Репортёр Пётр Ильич? И он здесь – второй справа: Пётр Ильич Спицын, репортёр «Эха» (до 24 июля 1910), «Амурского листка» (с этого момента и до мая 1911), «Амурского пионера» (июнь-июль 1911).

А где же тогда *румяный Жоржик*? И он, оказывается, тут – четвёртый слева. Единственный обладатель имени Георгий в этой компании – Георг-

гий Владимирович Артюхов, в 1908–1910 годах сотрудник газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» (с 29 августа 1910-го – «Амурский листок»). Находит объяснение и то, почему *Язва* именует его *Жоржиком*: подтрунивает тем самым над «французским» литературным псевдонимом своего товарища – *Жорж д'Артуа* (им Артюхов обычно подписывал стихи).

Компания подобралась лихая: так, например, за плечами двадцатидвухлетнего Чудакова – суровая сибирская ссылка, смертельно опасный, дерзкий побег оттуда, камеры нескольких тюрем: чембарской, пензенской, красноярской пересылки и благовещенской «горки».

Не отличался примерным поведением и кротким нравом и Георгий Артюхов, сын известного в те годы амурского журналиста, редактора-издателя газеты «Амурский курьер» Владимира Григорьевича Артюхова (установить это тоже помогла фотография, точнее – подпись к ней; в «Энциклопедии...» я лишь предположил, что они являются родственниками, так как отчество Георгия в то время мне не было известно). Об этом можно судить уже по экипировке персонажа «Весенней идиллии»: «С дубиной весьма суковатой...» – и это в буфете! Или, например, по заметке «От редакции», опубликованной в № 719 газеты «Амурский листок» от 24 октября 1910 года. Там сообщается, что «сотрудник Артюхов работу в газете прекратил до выяснения истины». Причина разбирательства, по версии «Амурского листка», состояла в том, что Артюхов вместе с сотрудником газеты «Эхо» Щитко 18 октября 1910 года «ломился в дом к обывателям», якобы пытаясь разыскать хулиганов. Очевидно, «истина», установленная в ходе разбирательства, была не в пользу *Жоржа д'Артуа*, ибо на этом его сотрудничество с «Амурским листком» прекратилось (позже, в 1913-м, он станет «газетным работником» «Амурского курьера», редактируемого отцом).

Скандалное событие это, пусть и с четырёхдневной задержкой, нашло отражение и на страницах «Эха» – в рубрике «Местная хроника»:

Хулиганы. 18 октября, в 11 часов ночи, к дому Натальи Ланцевой по Безымянной улице [ныне – Новая. – А. У.], между Амурской и Иркутской [ныне – Горького. – А. У.], подошли двое неизвестных и стали стучать в двери, требуя, чтобы их пустили, причём один из них говорил, что он жандармский ротмистр, а другой, что он начальник сыскного отделения и что если не будут открыты двери, то они прикажут ломать. Ланцева, имея большую семью, кроме того, двух взрослых дочерей, не знала, что делать.

В доме поднялся неистовый крик. Насколько «свободно» держали себя самозванцы и какой был крик, можно себе представить из того, что переполошились соседи и стали

сбегаться на помощь. Первым прибежал вооружённый Иван Капитонович Симененко, подоспели и обходные городовые, которые арестовали буянов, уже нагло требовавших у госпожи Ланцевой выдачи девиц, так как она якобы скрывает проститутку. Один из арестованных был доставлен в 1-й полицейский участок (второй дорогой сбежал), откуда госпоже Ланцевой сообщили о личности обоих: один оказался сотрудником газеты «Амурский листок» Артюховым, второй же, по заявлению Артюхова, был некто Щитко (Эхо. 1910. № 598. 22 октября. С. 3).

«Эхо» не стало заострять внимание своих читателей на том, сотрудником какого периодического издания был сбежавший от городских Щитко. Но и не опровергло утверждение «Амурского листка», что второй участник скандального происшествия – сотрудник «Эха».

Судя по приведённой хроникёрской заметке, Георгий Артюхов не был трезвенником. Персонажи «Весенней идиллии», в том числе и *Жоржик*, тоже:

Сидят вдохновенно в буфете
И речи ведут о комете.
С пивною пеной
На складках уст,
Враждой объаты,
Жарят цитаты
О судьбах вселенной
Все наизусть.

Но, конечно, в буфет они зашли не ради пива, а ради дружеского общения: персонажи поглощены обсуждением животрепещущих вопросов – разумеется, не обыденных, не повседневных, даже не профессиональных. Говорят они «о судьбах вселенной». Судя по строчке «враждой объаты», их взгляды на судьбы вселенной и, надо полагать, на судьбу России не совпадают. Словосочетание «враждой объаты» повторяется и в финале «Весенней идиллии», ещё в большей степени актуализируя непримиримость идейных позиций.

Конкретное содержание споров до читателей не доводится, о нём можно судить лишь по косвенным признакам. Особо важную роль в этом смысле играет упоминание о том, что персонажи «речи ведут о комете». Судя по всему, они говорят о комете Галлея, одной из самых ярких комет, которая возвращается к Солнцу с периодичностью раз в 75–76 лет. В апреле 1910-го она в очередной раз стала объектом наблюдения с Земли, материалами об этом событии были заполнены все газеты того времени. Многими современниками Чудакова появление кометы воспринималось как предзнаменование глобальных катаклизмов. Очевидно, персонажи «Весенней идиллии» спорят о

том, что ждёт мир и Россию в ближайшей перспективе. Если подняться над этим спором и посмотреть на него с временной дистанции, то ожесточённая полемика трёх «газетных работников» не покажется пустым сотрясением воздуха: уже через четыре года мир втянется в Первую мировую войну. Впрочем, лихорадило его и до 1914-го: достаточно вспомнить Синьхайскую революцию в Китае (1911–1912), потрясения того же времени в Иране, незатухающие военные столкновения на Балканах... А через семь лет и Россия погрузится в пучину кровавой усобицы.

Но Чудаков, даже если он и предощущал грядущие беды, страха на читателей не нагоняет. Напротив, он придаёт изображаемой сцене иронический окрас. Высокий накал дискуссии о судьбах вселенной, в подаче *Язвы*, объясняется не только принципиальными идейными расхождениями, но и спиртными напитками, градус которых по мере приближения к финалу повышается:

А в душной келье,
Враждой объята,
Пьют «Зейские брызги»
Репортёр Пётр Ильич,
Беллетрист Волосатый
И румяный, как коржик,
Жоржик.

«Зейские брызги» – водка местного, благовещенского производства, выпускавшаяся в предреволюционные и революционные годы.

Прежде чем обратиться к следующему участнику спора, вспомним вновь о Мите с Анютой. Если верно предположение, что и они – лица реальные, более того – связанные знакомством или даже отношениями с расположившейся в буфете троицей, тогда о причинах их скверного настроения, их гнева могут знать, помимо автора, только прототипы персонажей стихотворения, которым, как уже отмечалось, и была адресована «Весенняя идиллия». Можно, конечно, сейчас высказать несколько предположений на данный счёт, но это было бы чистым гаданием, проверить которое нет никакой возможности.

Что касается третьего «газетного работника» – *репортёра Петра Ильича*, то о нём необходимо поговорить более подробно, ибо прототип этого персонажа, судя по всему, сыграл в жизни и творчестве Ф. Чудакова более значительную роль, чем тот же *Жоржик*.

Из переписки с внуком выяснилось, что помимо известных мне литературных псевдонимов Петра Спицына: *П.С.* (рассказы, фельетоны, репортёрские заметки), *Тучерез*, *Б. Тучерез*, *Б. Туч.* (стихи), существовал ещё один, образованный от

фамилии: в латинской транскрипции – *Spic* (от Спицын), в русской – *Спик*. И тут я вспомнил, что уже сталкивался с этим именем при подготовке двухтомника. Чудаков использовал его в авторском посвящении к стихотворению «Ночью», напечатанному в «Эхе» 3 (16) апреля 1911 года: *Посвящаю М-ру Спик'у*. Над этим посвящением в своё время я долго ломал голову. Понятно было, что *М-р* – это принятое во времена Чудакова сокращение слова мистер. Не совсем ясно, правда, было, почему в посвящении оно пишется с большой буквы. Решил, что это опечатка, которых в газете «Эхо» в ту пору хватало. Понять, кто такой этот загадочный *мистер Спик*, которому Чудаков посвятил стихи, оказалось выше сил. Предполагал, что это какой-то иностранец, англичанин, о котором упоминали тогдашние газеты. Или, к примеру, персонаж какого-то неизвестного мне произведения... Думаю, и во времена Чудакова, да даже в редакции «Эха», мало кто догадывался, что стихотворение «Ночью» адресовано не иностранцу, а благовещенскому репортёру Петру Спицыну, кстати, бывшему сотруднику «Эха». Поэт в данном случае явно маскировал и своего адресата, и собственное авторство: серьёзные лирические стихи он, как правило, подписывал инициалами *Ф.Ч.* (или *Фёдор Ч.*), а потому ни для кого не было секретом, кто их автор. А здесь, редчайший (хотя и не единственный) случай, подписал стихотворение инициалом *Я.* (что прочитывается и как сокращённая версия псевдонима *Язва*, и как личное местоимение, заменяющее имя). Зачем автору понадобилась вся эта маскировка, понял не сразу – только когда выяснил, что месяцев за девять до публикации стихотворения «Ночью» «мистер Спик» был уволен из газеты, о чём сообщало объявление в рамочке на первой (!) странице: «Пётр Ильич Спицын из состава сотрудников газ. “Эхо” выбыл» (Эхо. 1910. № 526. 24 июля). Подобное обычно практиковалось, когда сотрудник в чём-то серьёзно провинился и его принадлежность к газете могла компрометировать её. То есть, выходит, П. Спицын был в «Эхе» на момент публикации посвящённого ему стихотворения персоной нон грата. Потому-то, видимо, Чудаков и «зашифровал» в посвящении того, к кому обращался. Но ему, похоже, было важно донести до *Мистера Спика* какое-то важное личное послание. О том, что именно хотел донести до своего адресата Чудаков, свидетельствует содержание стихотворения. Оно – отражение впечатлений автора, на своём опыте хорошо знавшего, что такое тюрьма, в том числе благовещенская «горка»: «В полумгле зловеще чётко / Переплёт стальных решёток...»; «В этом каменном мешке / Слишком много слёз и жалоб!»; «День и ночь стучатся жа-

лобы / В дикий камень серых стен...»; «Но торжественной твердыней / Заслоняют стены свет...». Уже сами по себе эти мрачные картины способны нагнать тоску на того, кто знает, что и ему грозит подобное испытание. Во-вторых, «Ночью» – это и прямой призыв, обращённый к близкому человеку, возможно, попытка предостеречь его от того, что пережил сам:

В эту ночь я хочу неумолчно
Проклинать, проклинать, проклинать!
И смеяться свирепо и жёлчно
И... бессильно рыдать!
Да, бессильный, всегда одинокий
Я брожу, как затравленный зверь...
Брат мой, милый, родной и далёкий!
Пойми и поверь!

Конечно, нельзя вовсе исключить, что, создавая эти строчки, Чудаков вспоминал своего родного брата Дмитрия, оставшегося на их общей родине – в далёком Чембаре. Однако наличие авторского посвящения *Мистеру Спик* позволяет сделать вывод, что, как минимум, одним из тех, к кому поэт мысленно обращается со словами «брат мой», является Пётр Спицын, с которым поэт сблизился в 1910–1911 годах.

Что их могло объединять, каким был характер отношений двух находящихся в разных весовых категориях «газетных работников» – вполне уже сформировавшегося, зрелого, имеющего за плечами богатый жизненный и творческий опыт журналиста и поэта Фёдора Чудакова и только-только начинающего самостоятельную жизнь благовещенского автора? От Петра Вадимовича стали известны даты жизни его деда – 1891–1944, следовательно, он был года на три моложе Чудакова (это ещё если не брать в расчёт время, проведённое Фёдором в тюрьмах и ссылке, где год вполне можно зачесть за три). Так что, скорее всего, *Амурец* относился к своему товарищу по писательскому, журналистскому ремеслу как к младшему брату. Возможно, Пётр чем-то напоминал ему родного брата (кстати, Дмитрий тоже был года на два-три моложе Фёдора). Оказывал ему покровительство, наставлял, проводил, как станет понятно чуть позже, своеобразные литературные «штудии», помогал – где дружеским внушением, а где и материально (об этом скажем ниже).

Но всё это было возможным лишь при нескольких условиях. Во-первых, если *Амурец* видел в нём проблески таланта, нуждавшегося в поощрении и огранке. Во-вторых, если не сомневался в его человеческой порядочности. Ну и, наконец, он должен был быть интересен Чудакову, имевшему, как мы знаем, широкий кругозор и обшир-

ные познания в самых разных сферах. Интересен как собеседник, с которым можно обсуждать наиболее волнующие поэта вопросы – прежде всего социально-политические и эстетические. Но с этим-то, как мы уже успели убедиться, читая «Весеннюю идиллию», всё было в порядке: персонажи произведения, в том числе *репортёр Пётр Ильич*, хорошо подкованы: «Жарят цитаты / О судьбах вселенной / Все наизусть».

Скорее всего, псевдоним-прозвище *Мистер Спик* Пётр Спицын придумал в подражание своему старшему товарищу, у которого уже был псевдоним *Мисс Нелли* (им он чаще всего подписывал театральные рецензии и литературные обзоры). Не лишним будет вспомнить и третьего участника встречи в буфете – журналиста Георгия Артюхова с его псевдонимом *Жорж д'Артю* (тоже, возможно, не без оглядки на Чудакова придуманном).

Сама описанная в «Весенней идиллии» ситуация в этом смысле не может не вызвать улыбку: в благовещенском буфете пьют водку «Зейские брызги» три «иностранца»: *Мисс Нелли*, *Мистер Спик* и *Жорж д'Артю*. Д'Артаньян (на эту роль, несмотря на «женский» псевдоним, мог претендовать только Чудаков) и два амурских «мушкетёра»...

О том, что П. Спицын, в представлении Чудакова, был подающим надежды поэтом, свидетельствует тот факт, что в мае и июне 1911 года в «Эхе» стали появляться его стихи под псевдонимом *Тучерез*. Единственным сотрудником издания, способным на свой страх и риск печатать отлучённого от газеты автора, мог быть только Фёдор Чудаков – помимо прочего, секретарь редакции. Возможно, он хотел материально поддержать младшего товарища, для которого даже крохотные гонорары были в ту пору жизненной необходимостью. Чтобы сохранить тайну авторства, Чудаков мог представить в редакции дело так, что автор данных стихов – он сам, что гонорар причитается ему (иначе, в случае, если бы в кассу явился настоящий автор, история могла обернуться скандалом).

Первое из опубликованных в «Эхе» (1911. № 761. 19 мая) стихотворений *Тучереза* следует привести уже потому, что оно является своеобразной «визитной карточкой» поэта. Произведение явно создавалось как «программное», а потому позволяло читателям получить концентрированное представление об авторе, о его жизненном пути, взглядах и убеждениях, о принципах, которые он исповедует:

Не в пелёнках, а на львиной шкуре
Я лежал, не зная нежной ласки.
Колыбель мою качали бури,
Грозный гром рассказывал мне сказки.

Я ловил, играя, молний стрелы
И, шутя, бросал их снова в тучи.
Меня солнце блещущее грело,
Целовал меня мороз трескучий.

Надо мною веяли знамёна
Трудовой, великой, мощной рати,
Но всегда вдали я слышал стоны
Или взрывы бешеных проклятий.

Страшный бой кипел в родной сторонке,
И к нему привык я очень рано,
И не раз бойцы при мне, ребёнке,
Перевязкой стягивали раны.

Не запятнан низким и позорным,
Так я рос под гул и грохот боя.
И могу ли быть теперь покорным
И к ногам Насилья пасть с мольбою?

Перед нами – стихотворная самопрезентация, но не утончённого, рафинированного поэта, на которых был повышенный спрос в эпоху Серебряного века, а сильного, негибаемого борца. Пусть и несколько расплывчато, в стихотворении изложено политическое кредо автора – кредо мужественного борца за интересы трудового народа. Сказалось, видимо, идейное влияние старшего товарища – эсера Ф. Чудакова (быть может, тот участвовал в «доводке», «шлифовке» текста?).

Вторая причина, побудившая процитировать эту публикацию, – её соседство с произведением «наставника»: стихотворение вплотную примыкает к первой части повести *Фёдора Ч.* (за такой подписью она шла в «Эхе») «Костры на берегу. Двое в лодке с собакой». И это, кстати, не единственный случай, когда произведения двух «газетных работников» (причём разножанровые!) оказываются рядышком, стоят как бы плечом к плечу. Простая случайность? Или всё же имеющий немалый вес в редакции Чудаков высказывал на этот счёт пожелание верстальщику? Очень на то похоже.

В-третьих, скорее всего именно для этого стихотворения Пётр Спицын (не исключено, совместно с Чудаковым) придумал псевдоним *Тучерез*. Слово это вошло в широкую языковую практику через два года. Так поначалу называли первую московскую высотку, возведённую в 1912–1913 гг. в Большом Гнездиновском переулке по проекту архитектора Эрнста-Рихарда Нирнзее. Именно это строение в девять этажей с надстройкой получило имя *Тучерез* (так тогда переводили английское слово *skyscraper*, ныне иначе, более привычно для нашего уха – *небоскрёб*). Так как псевдоним появился за год до начала строитель-

ства московского *Тучереза*, заимствованием он быть не мог. Видимо, калька с английского должна была, по замыслу автора, стать образным, эксцентричным выражением мощного потенциала, которым обладает поэт, дерзко бросающий вызов даже небесам: «Я ловил, играя, молний стрелы / И, шутя, бросал их снова в тучи».

До драматического слома жизненной судьбы Петра Спицына оставалось чуть больше месяца. За этот срок в «Эхе» были напечатаны ещё три стихотворения под псевдонимом *Тучерез*: «Закрылося сердце!.. Холодная маска...» (№ 764. 24 мая), «То не злая непогодушка...» (№ 769. 29 мая) и «Воля» (№ 786. 19 июня).

Стихи эти отражают внутреннюю сумятицу – колебания автора, мечущегося между двумя крайностями, не способного сделать окончательный выбор между принципами, совсем ещё недавно продекларированными в стихотворении «Не в пелёнках, а на львиной шкуре...», и, с другой стороны, искушениями, порождаемыми непростыми жизненными обстоятельствами. Эти колебания особенно заметны в стихотворении «Закрылося сердце!.. Холодная маска...», три строфы из которого процитируем:

Лишь ум – этот жадный, нахальнейший нищий,
Как зверь ненасытный, и мечет, и рвёт,
И требует грозно работы и пищи,
И в тёмную даль неотступно зовёт.

Порою порывист, как ветер пустыни,
Порой безмятежен, как майский денёк,
То с бешеным хохотом топчет святыни,
То сердце затеплит надежд огонёк.

То ищет свободы и света для черни,
То в радужных грёзах от мира далёк...
Мечтательность – тучная почва для терний,
Ошибок и страшных страданий залог...

Этот текст – лишнее свидетельство, что «знамёна трудовой, великой, мощной рати» веяли над Петром Спицыным лишь в воображении, подогреваемом и поощряемом Фёдором Чудаковым. То, что для Чудакова было «трудовой ратью», за освобождение которой от социального гнёта он сознательно боролся всю свою жизнь, то для Петра Спицына имело совсем другое определение – «чернь», искать «свободы и света» для которой, пожертвовав собой, он, похоже, не был готов.

Почти все напечатанные в «Эхе» стихотворения *Тучереза* являются продолжающимся, развёрнутым во времени диалогом с Чудаковым, прежде всего с его стихотворным посланием к *Мистеру Спиду*. В общем виде динамика этого мысленно-

го диалога со стороны *Тучереца*, как представляется, такова: от полного согласия с наставником, от готовности пойти вместе с ним под знамёнами «трудовой рати», к колебаниям, сомнениям, а далее к мировоззренческому бунту против своего идейного учителя. Причём, путь этот Пётр Спицын прошёл быстро – всего за месяц: уже 19 июня он заявляет, что его идеал – не политическая «свобода» для всех, за которую ратовал Чудаков, не базирующаяся на идейном фундаменте политическая борьба за права в общем-то чуждой ему «трудовой рати», а «воля» – бесшабашная, удаляя, бунтарская, удел смелых и гордых одиночек. И только ради неё, ради «воли» он готов «рисковать» «смелой головою», презрев опасность оказаться в тюремной неволе, ради неё вырывается теперь из идейного «плена» прежнего своего наставника (Эхо. 1911. № 786. 19 июня):

Эх, ты, воля, воля! милая, святая!
Кто сжился с тобою – нет тому преград!
Что тюрьма, что стены? О тебе мечтая,
Смелой головою рисковать он рад.
Лишь тебя он любит, лишь тебя он ценит,
Лишь тобой живёт он! Он – всецело твой!
Кто сжился с тобою – по век не изменит,
Легче распростится с буйной головой!

Чем можно объяснить эти мировоззренческие метания Спицына? Пока, не имея фактов, достоверных свидетельств, нельзя с уверенностью судить об этом. Возможно, это был временный, продиктованный эмоциями, нервным напряжением срыв. Не исключено, что два «газетных работника» повздорили по какому-то поводу. А может быть, причины кроются в бедственном материальном положении...

Так или иначе, через четыре дня – 23 июня 1911 года – П. Спицын был арестован. Кроме него, в числе арестованных по одному делу оказались сын коллежского регистратора, начинающий репортёр Иннокентий Фёдоров, наборщик Вольф, печатник Алатырцев и местный коммерсант, владелец мыловаренного завода Садовников.

Быстрее других на событие откликнулся «Амурский листок» – газета почти бульварного толка, не привыкшая стесняться в выражениях и, кроме того, при всяком удобном случае старавшаяся лягнуть конкурентов. В № 911 за 25 июня газета сообщила: «Полицией обнаружена шайка мошенников, сбывавших подложные китайские билеты. / По этому делу арестованы в качестве главарей репортёр газеты “Эхо” П. Спицын и сотрудник “Амурского пионера” И. Фёдоров. Арестованные сознались в преступлении и заключены под стражу». Хлёсткие обвинительные

ярлыки типа «шайка мошенников», «главарей», намёк на то, что конкурирующие газеты являются рассадником уголовщины – обычный арсенал газеты А.А. Константинова.

Задетое этим уколом «Эхо» вынуждено было отбиваться, и тоже в рубрике «Местная хроника». Брать под защиту своего младшего товарища Чудаков (судя по латыни, именно он составлял ответ) не мог, на кону была репутация газеты:

Pro domo sua *. Сообщая о раскрытии «шайки мошенников, сбывавших подложные китайские билеты», «Амурский листок» в № 911 говорит, что «по этому делу арестованы, в качестве главарей, репортёр газеты «Эхо» П. Спицын и сотрудник «Амурского пионера» И. Фёдоров».

Утверждение «Амурского листка», что Спицын – репортёр газеты «Эхо», нас крайне изумляет, так как ещё с 24-го июля 1910 года Спицын не имеет никакого отношения к нашей газете...

Не могло это быть секретом для «Амурского листка» ещё и потому, что после 24 июля 1910 года Спицын долго сотрудничал в «Амурском листке», откуда только недавно (со второй половины мая текущего года) перешёл в «Амурский пионер».

Для чего «Амурский листок» старается связать «Эхо» с именем Спицына? (Эхо. 1911. Прибавление к № 792. 26 июня)

Для чего – *Амурец*, конечно, знал: такова была логика жёсткой конкурентной борьбы за подписчиков, за тиражи. Обратим внимание на одно важное обстоятельство: что автор заметки исчерпывающе осведомлён о том, с какими газетами и в какие именно временные отрезки сотрудничал «не имеющий никакого отношения» к «Эху» арестант. Кто в газете мог обладать подобными знаниями о Петре Спицыне, думаю, не нужно объяснять...

Изысканный ответ «Эха» вынудил газету А.А. Константинова напечатать поправку (в № 912 за 26 июня), тут же, впрочем, переведя стрелку на главного своего соперника – газету А.И. Матюшенского: «П. Спицын когда-то состоял сотрудником “Эха”, но был удалён из состава редакции. К моменту ареста он состоял сотрудником “Амурского пионера”, а не “Эха”».

Если бы в «Амурском листке» знали, что автор «эховской» заметки лукавит, утверждая, что «Спицын не имеет никакого отношения к газете», что, вопреки этому заверению, «Эхо» буквально накануне опубликовало под псевдонимом

* *Pro domo sua* (лат. – «за свой собственный дом»; в значении «в защиту своих личных интересов») – изречение, сделавшееся известным благодаря речи Цицерона с этим заголовком, в которой он говорит о себе самом.

Тучерез несколько его стихотворений, эта информация, безусловно, была бы мгновенно использована, и «Эхо» оказалось бы в крайне уязвимом положении. Но – пронесло: не зря Чудаков маскировал присутствие своего младшего товарища на страницах «Эха».

Складывается впечатление, что брать под защиту арестованных репортёров ни одна из благовещенских газет, в которых те прежде трудились, не хотела: что называется, себе дороже... Умыл руки и «Амурский пионер», сделав вид, что накануне ареста отказался от их услуг:

Печальный факт. Вчера арестованы два местных репортёра Спицын и Фёдоров по обвинению в подделке китайских паспортов. У них найдены печатные бланки с поддельными подписями и печатями. Бланков заготовлено было сотни. В ночь на 24-е июня по этому поводу были произведены обыски в нескольких типографиях и в редакции «Амурского листка».

В типографии, конечно, искали следов подделки паспортов. А обыск в «Амурском листке» совершенно непонятен. Ни Спицын, ни Фёдоров в последнее время не работали в «Листке». Они ушли оттуда 15 мая и репортёрствовали в «Пионере». Но последнее время поведение их стало невозможным, и им было отказано в работе.

Что же касается Фёдорова, то это ещё мальчик, ему не больше 16 лет, и он, конечно, если участвовал в подделке, то под влиянием Спицына. Вообще же его поведение далеко было не безупречно, его если и допускали в редакцию, то только из жалости к голодному человеку. То же, впрочем, можно сказать и по отношению к Спицыну (Амурский пионер. 1911. № 34. 25 июня).

Единственным, кто оказал Петру Спицыну моральную поддержку, кто проявил с ним солидарность, а кроме того, дал понять и *Мистеру Снику*, и тем друзьям-газетчикам, которые были в курсе дела, что относится к нему как к поэту, а не уголовнику, оказался Фёдор Чудаков. Через три дня после ареста, 26 июня 1911 года, подвергая риску и себя, и свою газету, он напечатал в «Эхе» сразу два произведения оказавшегося в беде товарища. Одно из них – «Дай мне счастья, счастья прежнего...» – под знакомым уже нам псевдонимом *Тучерез*. Но это, пожалуй, был отвлекающий ход – ничего особенного в тексте нет. Тем не менее, показателен уже сам демонстративный жест Чудакова, сам этот смелый поступок.

И всё же ключевой материал номера – идущее чуть ниже, буквально впритык к стихотворению *Тучереза*, почти без интервала – «Ответ» (Эхо. 1911. Прибавление к № 792. 26 июня), который, по сути, является откликом, *ответом* на цитировавшееся выше стихотворение Чудакова «Ночью», посвящённое, как помним, *Мистеру Снику*.

«Ответ», написанный Спицыным и переданный *Амуру*, возможно, ещё до ареста, тоже имеет посвящение: *Посвящается Мисс Нелли* (то есть, получается, Чудакову):

Ты за ноту сомненья
Скорбный стих не вини:
Слишком много мученья
В наши грустные дни.
А пресечь эти муки
Мало сил огневых...
Слабы сердце и руки,
Нет надежд молодых.
Потому-то рыданья
И сдержать мне невмочь,
Слишком много страданья...
Жизнь – кошмарная ночь.
Так за песни печали
Ты меня не вини:
Ведь они прозвучали
В наши мрачные дни.

Если даже это стихотворение написано было, как мы предполагаем, ещё до ареста, теперь, после него, после заключения автора в следственную камеру, оно приобретало новый смысл – более пронзительный и драматический. «Ответ» – предельный по степени концентрации сгусток, сплав горечи, надрыва, сожалений. Это исповедь человека страдающего, испытывающего непереносимую душевную боль: «Слишком много мученья...»; «Слишком много страданья...». Осознающего, что причина его теперешних мучений – не только изначальная, сущностная трагичность бытия, но и собственная слабость: «Мало сил огневых... / Слабы сердце и руки...» Это монолог человека с тонкой, ранимой душой, искреннего, способного к раскаянию.

Что заставило человека с такой душевной организацией совершить то, в чём его обвиняли, сегодня, с более чем вековой дистанции, до конца понять трудно. Возможно, дело было не только или даже не столько в изготовлении поддельных китайских паспортов. Производство поддельных паспортов в ту пору было делом распространённым, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где обитало немало «бузуев» – беглых ссыльных и каторжных, где пытались скрыться от преследований полиции и охраны члены нелегальных политических организаций и религиозных сект. Можно вспомнить, что и Чудаков прибыл на Амур по поддельному паспорту, выписанному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко. Или вспомним, например, что автобиографический персонаж повести «Диана Кедровская» с понима-

нием и горячим одобрением относится к тому, что его знакомые Перша с Варварой, спасаясь от преследования, стараются обзавестись поддельными паспортами. Ничего предосудительного в этом писатель не видел, если речь шла о спасении людей от произвола властей, а тем более – о спасении тех, кто боролся с самодержавием. Мог ли он сам так или иначе быть причастным к изготовлению в типографиях благовещенских газет поддельных паспортов для товарищей по политической борьбе? Исключить подобное нельзя. Известно ведь, что живший в Благовещенске под гласным надзором полиции эсер Чудаков поддерживал связи с товарищами по партии, оставшимися в ссылке. Так, по свидетельству А.В. Лосева, знакомившегося с протоколом обыска, составленным во время ареста Чудакова в январе 1909 года, в его доме были найдены письма от товарищей по ссылке.

Если Чудаков или кто-то из его окружения время от времени использовал технические возможности благовещенских типографий для изготовления поддельных паспортов для «политических», то к этому мог быть привлечён и Пётр Спицын. А подделка китайских паспортов – это, возможно, попытка заработать столь необходимые для существования деньги. Или попытка помочь бедствующему товарищу – Иннокентию Фёдорову... Возможно, узнав каким-то образом о намерении товарища поучаствовать в подобном рискованном «предприятии», Чудаков и пытался в стихотворении «Ночью» предостеречь его.

Вернёмся к «Ответу». Чтобы сбить с толку тех, кто мог догадаться, чей это текст, обращённый к ведущему сотруднику газеты «Эхо», Чудаков, очевидно, решился на очередную мистификацию: подписал стихотворение Петра Спицына псевдонимом *Михаил Клейнмихель*. Ни раньше, ни позже стихотворений под таким псевдонимом в «Эхе», насколько мне известно, не публиковалось. Почему именно им воспользовался Чудаков – не очень понятно: логика его действий в данном случае остаётся неразгаданной. Но чтобы проницательные читатели могли догадаться, что и этот текст имеет непосредственное отношение к Петру Спицыну, он был помещён между названным выше стихотворением *Тучере* и расположенной прямо под ним заметкой в рубрике «Местная хроника» (протицируем и её):

О подделке китайских билетов. На днях в одном из участков у китайца был отобран фальшивый китайский билет, точно подходящий к тем билетам, которые отобраны у арестованных Спицына и Фёдорова. Главным организатором этого дела, как говорят, был Николай Николаевич Садовников, который, как курильщик опиума, повстречался в одной из китайских опиекурлен с Фёдоровым (тоже курильщик)

и предложил ему заняться сбытом фальшивых билетов. Фёдоров сначала не соглашался, но потом согласился и предложил заняться тем же и Спицыну.

Спицын сказал, что он попробует подделать подписи; подделка ему и удалась. Были подговорены наборщик Вольф и печатник Алатырцев, которые согласились печатать бланки для билетов.

Печатались бланки в типографии Залесского, но шрифт был выкраден из типографии «Благовещенск», видимо для того, чтобы не навести на себя подозрения, так как настоящие билеты печатались в «Благовещенске» и разница шрифта могла быть замечена...

Садовников, занимающийся каким-то коммерческим предприятием на Зее-Пристани, зная, что на приисках около Зеи всегда бывает много китайцев и билеты выбираются большею частью чрез горного исправника (подпись которого была также подделана), и предполагая хороший сбыт билетов, предложил одной китайской фирме купить у него билеты, но китайцы от покупки отказались (Эхо. 1911. № 795. 1 июля. С. 3).

Как видим, в отличие от «Амурского пионера», возложившего всю вину на Спицына, хроникёр «Эха» пишет лишь о подделке подписей, а на роль инициаторов и организаторов «коммерческого предприятия» выводит других участников дела, прежде всего коммерсанта Садовникова. Что, очевидно, близко к истине. Как понятно и то, что этот «мыловар» сумеет вывернуться. Так, собственно, и произошло.

Суд состоялся 12 ноября 1912 года. Нашло подтверждение, что бланки были напечатаны в типографии Б.С. Залесского, что набирал и печатал их Вольф. Его приговорили к лишению всех прав и отдаче в арестантские отделения на 12 месяцев с зачётом предварительного заключения. Спицын был осуждён на тот же срок – с отбыванием в тюрьме (тоже с частичным зачётом предварительного заключения), Фёдоров – на четыре с половиной месяца заключения в тюрьме с зачётом трёх месяцев предварительного заключения. Алатырцев и Садовников каким-то образом сумели убедить суд, что ни в чём не виноваты, а потому были оправданы.

С ноября 1912 года Пётр Спицын отбывал заключение «на горке», в Благовещенской тюрьме, где у него были отобраны записки со стихами, переданными в Благовещенский розыскной пункт. Какова их дальнейшая судьба – неизвестно. Через год, в 1913-м, «на горку» вновь попадёт и Фёдор Чудаков...

Но на этой печальной ноте история не заканчивается, нам ещё, надеюсь, предстоят новые встречи и с Фёдором Чудаковым, и с Петром Спицыным, который в 1920-е стал одним из ведущих сотрудников газеты «Амурская правда».

Его внук, Пётр Вадимович Спицын, передал некоторое время назад литературно-краеведче-

скому музею БГПУ бесценное сокровище – долгие десятилетия бережно хранившиеся семьёй Спицыных уникальные фотографии, прежде принадлежавшие Петру Ильичу. А кроме того, рукописные журналы, которые составляли он и два его друга – тоже журналисты «Амурки».

Читателей альманаха «Амур», посетителей литературно-краеведческого музея БГПУ ждут встречи с потрясающими артефактами, с фотографиями, которые «вернут лица» ряду известных нам, но до этой поры «безликим» журналистам, писателям.

P.S. В заключение перечислю всех, кто на фото (слева направо): Александр Ильич Хворов, Фёдор Иванович Чудаков, Фёдор Тарасович Харитонов, Георгий Владимирович Артюхов, Валериан Романович Раевский, Евгений Сергеевич Александров, Пётр Ильич Спицын, Михаил Фёдорович Поздняков.

Большинству из них (Хворову, Чудакову, Артюхову, Александрову и Спицыну) посвящены отдельные статьи в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (2013).

Ольга КРУТИКОВА

ОПЕРА В ТАЙГЕ

Читая Фёдора Чудакова

Я – счастливый обладатель двухтомника Фёдора Чудакова!

Если бы этот писатель жил в нынешнее время и, что важно, – в нашем провинциальном городе (что очень сомнительно – с его-то талантом!), то я бы ходила за ним по пятам. Звучит не комильфо, зато точно отражает суть всего моего очарования им. Нашла бы тысячу причин познакомиться, подружиться, поучиться, окунуться в него. Как в любого гения, который безмерно интересен. Поэтому да, стопроцентно пришла бы к нему в редакцию, и он, сидящий за письменным столом, поднял бы свою невозможно кудрявую голову, такую красивую голову, взглянул на меня и сказал бы: «Некогда, некогда, Ольга, мне с вами сейчас говорить, дел непочатый край. Но вы приходите попозже, потолкуем». И я бы стояла ещё с минуту у его стола, робея и восхищаясь,

и глядела, как он пишет что-нибудь вроде: «За работу! Выше молот!»

Чудаков – человек зашкаливающей работоспособности. Объём написанного за такой короткий отрезок жизни (менее десяти лет!) и разнообразие жанров, в которых он работал, впечатляют. Поэт, прозаик, драматург, публицист, журналист. Но начался для меня, прежде всего, с прозы. С «Убитой песни». Первое, что запало в душу. Если бы я нашла этот рассказ случайно, не зная, кто автор, решила бы, что неизданный Бунин. Всепроникающая лиричность, психологизм, детали и такой знакомый мне почерк мастера. И главное – бунинское – осознание, что в мире есть две правды, постоянно сменяющие друг друга: первая о том, что этот мир несказанно прекрасен, и вторая – что жизнь мыслима только для сумасшедших. И в

этом душевный надрыв Чудакова. Есенинский ли («Жизнь – обман с чарующей тоскою»), Цветаевский ли («На Твой безумный мир один ответ – отказ») ... Однако хорошо мне понятный. Очерченный, веский мотив расстаться с жизнью. Всё равно безвременно ушёл бы – раньше или позже ... Слишком остро всё подмечал, слишком пронзительно чувствовал. Ужасы революции только усилили этот надлом, сработали как катализатор. Всё как будто глубже. «Чаша страдания» перевесила чашу с «серебряными песнями жаворонков» ...

Для нашего молодого края, не богатого на литературных классиков, Чудаков – явление. Целая эпоха уместилась в его произведениях. Простите, скажу банальность, но ничто так точно не отражает историю, как литература. Здесь и люди с их неповторимыми судьбами, характерами, мыслями, чувствами, здесь и события, происходившие столетия назад, и пейзажи, так хорошо нам знакомые. Вот Зоя течёт «голубой лентой», «как очарованная: ни вздоха, ни звука», вот окрестности Астрахановки – «голубые, зелёные, белые», вот Алексеевск (Свободный) – стоит «в цветах и ароматах пробуждающейся тайги». А какая охота в Белогорье была, знаете? А как хариусов на впадающей в Амур китайской речке ловили? А кто-нибудь уже воспел малосазанские красоты? Во времена Чудакова – точно нет, ибо для того, чтобы написать о них стихотворение, «надо карабкаться почти по отвесной круче сажен пятнадцать, что не всякому поэту по силам», и «последнее обстоятельство чуть не стоило мне жизни, когда я стрелой летел с обрыва».

Так-то вот, стихи, прежде чем их написать, прожить надо. А иногда этой самой жизнью рискнуть.

Чудаков и рисковал. Бунтарь по натуре, острослов, сатирик, бичевал пером пороки людские. Делал это бесподобно. Ну и сидел потом в тюрьме. И всё равно писал. Такое дарование, такой характер. Литература превыше всего, и справедливость тоже.

Открытием стало для меня и то, что у Чудакова есть что почитать детям. Угодил писатель даже моей дочери. С удовольствием она прочитала рассказ «Плен», лёгкий слог, весёлая история, юмор.

Драматическую сказку «Очарованный Леший» мы тоже прочли на одном дыхании. Не без улыбки, не без грусти, не без любования. Сказка лирична, что вообще-то считается редкостью для драматургии. Просится параллель между главным героем и самим автором. Вначале нам предстаёт восхищённый очарован-

ным миром вокруг Леший (цитирую, потому что красиво очень и поразительно диссонирует с концовкой):

Вот светлеет купол синий,
За горой встаёт заря.
На ветвях колючий иней
Ткёт узор из янтаря.
Тишину в моих владеньях
Скоро сменит жизни бег.
Заблестит на старых пенях
Молодой пушистый снег.
О заря! В лесах моих ты
Сумрак ночи размечи
И одень седые пихты
В ткани радужной парчи.
Будут сосны в тихой дрёме
Очарованно стоять,
Тосковать о вешнем громе
И о бурях тосковать.

Молодой, деятельный, открытый всему новому Леший попадает в сети к Русалке и теряет свою свободу, а вместе с ней и радость жизни. Что за этим? Действительно ли любовь в его представлении – «роковое болезненное бессилье», «скорбный час», «змея», «гадюка ехидная», «беспощадный удар», «дикий кошмар»? Что так потрясло героя? Неужели сердечная привязанность так легко лишила его воли? Какая драма происходит в жизни автора? Разочаровался в жене до такой степени, что белый свет не мил? Или это страсть к другой женщине, не дающая покоя, сокрушающая все силы творческие, гармонию, умиротворение, работоспособность? Может быть, это невозможность быть рядом с любимым человеком или чьё-то предательство?

Вот она – «вторая правда», по Бунину. Теперь в олицетворении Русалки. Теперь в любви. «Поглотит тебя пучина / И задушит вонь и смрад».

И весна далеко-далеко...
Не придёт... Не придёт – хоть зови не зови...
Стонет сердце моё...
Стражду я глубоко...

Не придёт. Уверен. Одинок очень. Не жену он разлюбил, к ней, скорей всего, и не было страсти. В жизни разочаровывается. Лермонтовское что-то. 1912 год. Написано, возможно, раньше. Ещё одна гири на чашу весов. На ту, которая в 1918-м перевесит...

Чем больше погружаешься в мир Чудакова, тем больше удивляешься: неужели это всё мог написать один человек? Драму вот эту, сатиру, про-

зу? Серьёзно, один? Не команда из десяти авторов с разными жанровыми дарованиями?

И ещё из любимого. Рассказ «Татьяна» настолько кинематографичен, что поселился в моей голове, похоже, навсегда. О любви, которая не случилась. Неожиданно встретившиеся герои поют оперу «Онегин» в тайге. Величайшее произведение искусства среди беззвучного холодного сурового леса. Как когда-то давно, на студенческом концерте в Самаре. И – нет, ничего не происходит, кроме щемящего сожаления о том, что встреча эта – запоздавшая. Всё как в подлиннике. Герои понимали, что расстанутся, но «наполненная звуками тайга грохотала вокруг. Да, это был гигантский оркестр!», «Опера – в тайге!» – пишет Чудаков как о чём-то немыслимом, невероятном, не подозревая, что он, автор, однажды окажется той самой «оперой в Амурской тайге». Сейчас для нас, ныне живущих. Метафора такая.

Признанный при жизни и преданный забвению в советское время, Чудаков с трудом пробивается к своему читателю. А между тем с помощью своего «покровителя» А.В. Урманова он издан в крупном столичном издательстве «Русский путь», работающем только с большой литературой, вроде известной всем Цветаевой.

Мало кто знает, разве что коллеги и близкие, но на то, чтобы «раскопать» Чудакова, собрать литературный и биографический материал, выпустить книги, у профессора ушло больше 10 лет. Существенный отрезок жизни, чтобы сделать вот такой подарок, прежде всего нам, амурчанам. Для этого надо было переселиться в прошлый век, досконально изучить политические и культурные события той поры не только в пределах России, но и на международной арене. А сколько всего перечитать, переосмыслить!..

В книге более двух тысяч сносок. Это же энциклопедия целая. О чём это говорит? Что сам Чудаков и был живым справочником. Какие познания истории Древнего Рима, древнегреческой мифологии, мировых религий, латыни, географии, русской и зарубежной литературы, да чего там только нет! Почитаешь его и комплексами обрассёшь, что больше половины всего этого не знаешь. Вот это образование! Вот это ум! На минуточку – это двадцатилетний молодой человек. Окончил городское четырёхклассное училище

в захолустном Чембаре Пензенской губернии. Либо мы чего-то до конца не знаем, либо русское среднее образование тех времён даст фору нынешнему высшему.

Повторюсь: более 10 лет труда исследователя. Классик, открытие которого поразило столичный литературный мир. Но только вот за полгода своего существования книга, к сожалению, не попала в амурские библиотеки – ни в школьные, ни в муниципальные. Зато она окажется на полках парижских магазинов, с которыми сотрудничает «Русский путь».

Российская эмиграция, жадная до качественной отечественной литературы, да и не только российская (сужу по встречам, на которые парижане приходят к приезжающим русским писателям, среди них и арабы, и азиаты, и это удивительно, слежу за этим), радостно раскупит книгу нашего амурского гения. Абсурдно, правда? Ну, так то парижане, жители мировой столицы, избалованные высоким искусством, привыкшие к нему. Знают, с кем дело имеют.

А Чудаков тем временем не останавливается, «пишет» и «пишет» и «подкидывает» невзначай Александру Васильевичу что-нибудь новенькое. Тоже вот знал, к кому прийти.

В нынешнем номере «Амура» прекрасные путевые очерки. Такая тонкая ирония и самоирония! Написать так, чтобы можно было посмеяться над безнадёжностью, страхом, своим же ужасом – это определённо дар. Примерно с таким настроением я читала Довлатова. Когда вроде и грустно всё, но так смешно в силу абсурдности происходящего. Детально прорисованные портреты пассажиров неимоверно контрастируют с идеями и лозунгами революции. А сам стиль изложения – все эти волшебные метафоры и сравнения, вроде свистка, рычащего «как простуженный медведь», раскачивающегося поезда, словно «нетерпеливая нянька над люлькой», – вызывает восхищение, конечно же. Ко всем чудаковским талантам – вот такое красивое образное мышление. И это уже не Бунин с его резкими «Окаянными днями» о русской революции. Это что-то совершенно иное, не похожее ни на кого. Самобытное, уникальное, единственное в своём роде.

Жаль, очерки нашлись не в полном объёме, а так хочется продолжения. Не томите нас, Фёдор Иванович, пришлите ещё...

Мы, правда, ждём.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

член Союза писателей России

ПИСАТЕЛЬСТВО — КАК ПИСЬМО РОДНОЙ МАТЕРИ

Вспоминая Бориса Машука

Моё, так сказать, приобщение к литературе произошло весной 1966 года, когда мои стихи впервые прозвучали по Амурскому радио и были напечатаны в газете «Амурский комсомолец». Уехал я из Благовещенска в мае 1982 года. В обозначенный временной период в редакции газет, на радио и телевидении работало немало журналистов — выпускников Благовещенского пединститута: Станислав Демидов, Игорь Игнатенко, Александр Филоненко, Владислав Лецик, Геннадий Астахов, Виктор Рыльский, Александр Герасимов, Николай Фёдоров, Владимир Куприенко — это имена тех, кого наскоро вспомнил. Многие из них дерзали и на литературном поприще, а впоследствии были приняты в Союз писателей. Окончил пединститут и член Союза писателей СССР поэт Игорь Ерёмин. Так что пединститут вполне можно было назвать кузницей журналистских и литературных кадров.

Учился в педу заочно и Борис Машук. Когда я засобирался поступать в этот институт и сказал Борису, он ответил примерно так: «Учиться, конечно, надо. А вот я сам подал заявление об отчислении со второго курса. Тогда я уже над “Сполохами” работал, в газете служил, на контрольные времени не оставалось». Увы, я тоже пединститут не закончил.

Хочу предупредить, моя статья не столько о жизни и творчестве Бориса Андреевича Машука — одного из самых известных писателей Приамурья, чьё имя носит школа в городе Завитинске и библиотека в Благовещенске. Я расскажу о

встречах и разговорах с ним, ибо считаю, каждый факт, каждый штрих дополняет портрет этого писателя — создателя и первого руководителя Амурской писательской организации.

Наше знакомство произошло в редакции «Амурского комсомольца», в которой я стал работать сотрудником отдела писем с декабря 1967 года. Борис часто заходил в наш отдел, где когда-то был заведующим. В то время в молодёжке печатались его первые рассказы, помню «Зажигалку». Гость всегда был весел, улыбчив, рассказывал забавные байки, свежие анекдоты — на это он был мастак. Наша разница в десять лет, конечно же, задавала тон общению. Я больше слушал, чем говорил, но в то же время Борис давал понять, что он не считает себя каким-то мэтром, поэтому общение шло на равных.

Однажды в буфете Дома офицеров, где всегда была болгарская «Варна», он сказал: «Хочу уйти из “Амурской правды”. — «Куда?» — «На вольные хлеба». Тогда был на вольных хлебах — то есть нигде не числился на службе — прозаик и баснописец Николай Иванович Фотьев. Я иногда заходил к нему в гости, угощался и воочию видел, насколько эти «хлеба» щедрые и сытные. Поэтому слова Бориса, естественно, удивили, ещё и потому, что он считался чуть ли не первым пером в областной партийной газете. Но Машук добавил, что завершает повесть «Сполохи» — о Гражданской войне в Приамурье и, в частности, о герое-партизане Герке Рулёве. Работа отнимает много сил и времени. Как понимаю, у него уже была предварительная

договорённость о её публикации в Хабаровском книжном издательстве. И такая книга вышла в 1971 году в серии «Мужество» стотысячным тиражом.

А несколько раньше, в конце 1969 года, увидел свет возрождённый альманах «Приамурье моё». В нём был опубликован первый вариант повести Машука «В тайны сердца». Попала в выпуск и дебютная подборка моих стихов. Презентация альманаха проходила в Доме политпросвещения. На сцене мы сидели рядом – это было для меня как посвящение в писатели.

Мы не раз выступали вместе – и не только в Благовещенске, но и в Екатеринославке, Магдагачах, Сиваках. Хотя я не был членом Союза писателей, но меня почему-то приглашали, – понятно, что по воле Бориса. Честно признаюсь, выступать я тогда совсем не умел, стихи читал плохо. Борис часто просил, чтобы я прочитал стихотворение «Память детства», которое заканчивалось так:

Эта песня болью
Навсегда во мне.
Третье поколение
Помнит о войне.

Видимо, ему, мальчишкой пережившему тяготы военного времени, были близки эти строки.

Как правило, Борис открывал литературные встречи и вечера. Рассказывал о судьбе партизана Герки Рулёва, о том, как собирал материал для повести «Сполохи», о хирурге Ярославе Кулике и его соратниках, о которых рассказал в повести «В тайны сердца». Однажды слушатель спросил: «А где вы работаете?» Далее состоялся примерно такой диалог:

- Я пишу.
- Но разве это работа?! Я тоже пишу письма.
- Ну, тогда представьте: встаёте утром, садитесь за стол и пишете письмо родной матери.
- Представил.
- И завтра встаёте и пишете письмо матери.
- Я же вчера написал.
- И послезавтра пишете, и на следующий день, а написать надо так, чтобы письмо не только матери понравилось, но и другим, Вам в том числе.
- Да это же каторга!..
- То-то и оно, но такова писательская работа.

Порой Борис говорил: мол, он прозаик и не хочет мучить слушателей чтением рассказов, поэтому будет декламировать стихи, которые ему нравятся. Помнится, часто читал стихотворение Евгения Евтушенко «Баллада о ласточке»:

Вставал рассвет над Леной. Пахло елями,
простор алел, синел и верещал,

а крановщик Сысоев был с похмелия
и свои чувства матом выражал.

Он поднимал, тросами окольцованные,
на баржу под названием «Диоген»
контейнеры с лиловыми кальсонами
и чёрными трусами до колен...

Произведение сюжетное, многострочное, но читал он его наизусть выразительно и проникновенно.

Кстати, как-то вернувшись из Москвы с писательского съезда, он рассказал, что видел Евгения Евтушенко, подошёл к нему, познакомился, поговорил. О чём – подробности не поведал. Но отметил: знаменитый «шестидесятник» был в шикарном бархатном пиджаке ярко-бордового цвета.

В июне 1974 года Машук, Виктор Алюшин и я участвовали в совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске. Жили в одном номере гостиницы. Как-то Борис пригласил к нам в гости руководителей его семинара Евгения Ивановича Носова и Валентина Григорьевича Распутина. Была интересная, а порой и весёлая беседа, кстати, с минимумом хмелящих и горячительных напитков. Носов в то время уже считался мэтром, а вот Распутин только входил в литературу, его лучшие книги «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой» были ещё впереди. Он и Машук – одноклассники, общались запросто: «Боря» – «Валя». Кстати, много позже, когда я жил уже в Белгороде и встречался с Валентином Григорьевичем, то мы непременно вспоминали Машука.

О том, как на совещании проходило обсуждение творчества Бориса, я знаю с его слов. Он начал рассказывать о повести «Сполохи», но Евгений Иванович остановил. Сказал: мол, давайте лучше поговорим вот об этой рукописи, имея в виду цикл рассказов о военном детстве «Горькие шанежки». И дальше разговор шёл только об этой прозе. Были, конечно, и критические замечания, но в целом рукопись получила высокую оценку. В 1978 году она вышла книгой в Хабаровском книжном издательстве.

По итогам совещания Бориса Машука рекомендовали принять в Союз писателей СССР, рекомендации ему дали Носов и Распутин.

Как относился Машук к моим стихам? Я уже упоминал – на встречах просил читать «Память детства». Были у меня и строки, в которых звучали Зейская ГЭС и БАМ, о них он отзывался тоже одобрительно. А вообще Борису больше нравилась поэзия конкретная, особенно на рабочую тему, поэтому он поддерживал строителя (по основной профессии) Виктора Яганова и молодого бамовского поэта Владимира Гузия. Впослед-

ствии оба стали членами Союза писателей. Я же в то время увлекался так называемой тихой лирикой, много писал пейзажных стихов.

Памятен такой случай. В «Амурской правде», в редакции которой я работал, опубликовали подборку моих стихотворений. Было среди них и такое:

Зарифмую снег и след,
Поле, путника, рассвет,
Дальние огни, село.
Вот и вправду рассвело.
Но бумагу не отставить:
Путника в снегах оставить?!

Ведь горят, горят огни,
Выведут его они.
Приютят его в деревне,
Вместе мы тогда задремлем.

И вот на редакционном собрании Машук (он состоял на партийном учёте в «Амурской правде») вдруг обрушился на это стихотворение, сказал, что-де оно пустое, что не об этом и не так следует сегодня писать. Ему возразил журналист Абрам Григорьевич Ривлин, который дружил с поэтом Леонидом Завальнюком, заметив, что стихотворение, конечно, далеко не шедевр, но автор волен писать, о чём хочет и как хочет, лишь бы строки несли в себе поэзию. Мне, естественно, больше импонировало мнение второго выступающего, но в словах Бориса была своя правда. И в дальнейшем этот «не шедевр» я больше никогда не публиковал, его нет ни в одной моей книге.

Я часто заходил в писательскую организацию, которая находилась в здании по улице Амурской. Зашёл и незадолго до отъезда в Белгород. Сказал Машуку о своём решении, неожиданном даже для меня самого. К тому времени вышло два моих поэтических сборника, я имел основание подать заявление на вступление в Союз писателей и при положительном решении мог пополнить малочисленную писательскую организацию. Выслушав мои доводы в пользу переезда, Борис воспринял их с некоторым сожалением и всё-таки пожелал доброго пути и успехов в будущем.

Летом 1989 года я приехал в родной Благовещенск по командировке ЦК ВЛКСМ (к тому времени я уже руководил Белгородским областным отделением молодых литераторов) с довольно солидным для того времени по объёму сборником стихотворений «Заповедь», который вышел в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве (Воронеж). При встрече подарил его Борису. Расспросив о моём житье-бытье, о делах в Белгородской писательской организации, он предложил

поучаствовать в Комаровских литературных чтениях. Я с радостью согласился.

Вместе с нами в писательском десанте были Олег Маслов, Станислав Демидов, Виктор Яганов, кто-то ещё. Выступали в библиотеках Свободного. А заключительный вечер состоялся в Доме отдыха посёлка Бузули. Подробности этих дней не помню, лишь один эпизод.

В Свободный ехали на рейсовом автобусе. Стояла нестерпимая жара, а водой в дорогу мы не запаслись. Остановились в Натальино. Стали искать, что бы и где попить, но, увы. Тогда Борис изрёк: «Эх, нет у наших людей предпринимательской жилки! Ну, почему бы пацанам не сделать морс из варенья и не продавать его жаждущим?! Копеечку бы заработали». Никто из нас в те безоблачные советские годы не мог и предположить, что в недалёком будущем мы увидим не только «расцвет» этого самого предпринимательства, но и перелом общественного строя, а с ним и трансформацию духовных ценностей, и что этот губительный процесс затронет непосредственно нас.

В конце 90-х годов я оказался в Москве. Зашёл вечером в Центральный Дом литераторов. Навстречу поэт Михаил Асламов – руководитель Хабаровской писательской организации, с ним я был знаком ещё в молодости. Разговорились. Асламов рассказал, что к ним на какое-то мероприятие приезжал Машук:

– Оказывается, Борису ампутировали ногу, кажется, по колено. Но держался он бодро, как всегда много шутил, да и «на грудь» принимал по-прежнему. Потом мы его на поезд провожали.

Так я узнал о беде, случившейся с Машуком. Горько, больно было прочесть в письме одного из амурских приятелей, что жилось писателю нелегко, в том числе и материально. Книжки не выходили, публикации в периодике тоже случались нечасто, поддерживала газета «Амурская правда», на страницах которой печатались его острые публицистические статьи. И вспоминался почему-то давний разговор в Натальино о том, что в наших людях нет духа предпринимательства...

Прочитав строки воспоминания Станислава Федотова. С 1986 по 2001 он жил в Благовещенске, пять лет возглавлял Амурскую писательскую организацию:

Борису наша семья благодарна, как говорится, до гробовой доски. Когда я с ним встретился в марте 1986 года (приехал, чтобы прописаться в общежитии), он пошёл к тогдашнему председателю облисполкома Маврину и буквально выцарапал квартиру для неожиданно свалившегося на голову нового члена организации.

Он чрезвычайно тепло относился к моей жене Оле, радовался, когда она организовала в музее литературный отдел, быстро завоевавший популярность у посетителей, охотно выступал на музейных встречах. А уж с какой любовью тетёшкал нашу дочку, называл её «Шурочка-амурочка» – видно было, что очень любит малышей, с гордостью носил звание «дед», когда стала мамой его дочь.

Громом среди ясного неба стала операция по ампутации ноги (следствие диабета), но он не падал духом. Дома скакал с костылём, на улицу выходил на протезе, но самое удивительное – не прекратил поездки на рыбалку. Как уж управлялся со своей «Таврией» – не знаю, но ездил регулярно и частенько приглашал домой на «жарево».

Вторым ударом стала его смерть. Не от диабета – от сердечной недостаточности. Износился «мотор». Время износило. Борис был коммунистом, как говорится, «до мозга костей» и сильно переживал в 90-е годы. Странно: мы были на одной стороне баррикад – против псевдомократов, – однако спорили до хрипоты...

55-летию Бориса я посвятил полусушное стихотворение:

Друг мой, радуйся судьбе,
Как касторке:
Жизнь поставила тебе
Две пятёрки.

Две пузато стали в ряд –
Резво, споро...
Помогают, говорят,
От запора.

От застойности идей
(где вы, дерзки?!),
От сомнения людей
(есть задержки).

От холодных важных слов
(чем согреться?),
От придуманных стихов
(не от сердца).

Мало ли каких причин –
Горьких, кислых –
Для застоя у мужчин
(в разных смыслах)?

Потому и подвела
Жизнь к отметкам,
Чтоб мы метили дела
Словом метким.

Кто дошёл до них,
хотя б
Одноногий,
От проблем бы не ослаб
На дороге.

На обочине присел
Иль под стогом,
Стопку хлебушком заел,
Дальше – с Богом.

Прежде чем приступить к статье, я ещё раз перечитал «Горькие шанежки». Эта книга у меня есть в двух изданиях. Первое вышло в «Детской литературе» в 1988 году. Приобрёл её в Белгороде и, помню, порадовался за Бориса: сотысячный тираж в столичном издании! Второе, с добрым предисловием Игоря Игнатенко, увидело свет в Благовещенске в 2006 году. Экземпляр в один из моих приездов на родину подарил Владислав Лецик, он готовил книгу как редактор и издатель.

Перечитал и подумал: у каждого писателя, наверное, есть книга, которую он не мог не написать. У Машука это, несомненно, «Горькие шанежки». В ней, говоря словами поэта, «дышат почва и судьба», а я ещё бы добавил – правда, человеколюбие и жизнелюбие, а это в литературе ценится очень высоко.

Евгений ПАРШИН

член Союза журналистов России,
литературный краевед (г. Свободный)

«ОДИНОКАЯ» ПОЭТЕССА ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКА:

Жизненная судьба Елизаветы Юхоцкой

Имя Елизаветы Юхоцкой, одной из амурских поэтесс предреволюционного и революционного времени, открыл профессор А. Урманов. Именно его статья в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (2013) впервые представила читателям этого автора. Женщин-литераторов в начале XX столетия в Приамурье было крайне мало, поэтому каждое такое имя особо ценно для истории литературы региона. К сожалению, тогда, семь лет назад, о Юхоцкой, о её судьбе удалось узнать немного, но за последние годы, в рамках продолжающихся исследований, были обнаружены новые материалы, расширяющие наши представления о её жизни. Есть теперь у нас и фотографии поэтессы и её семьи.

Елизавета Моисеевна родилась предположительно в 1874 году. Точные даты её рождения и смерти (после 1945), а также девичью фамилию пока установить не удалось. Со своим будущим мужем Иваном Александровичем Юхоцким она познакомилась в начале 1890-х, предположительно в Новороссийске. А в 1894-м у них родилась дочь Валентина.

Судя по редкой фамилии, И.А. Юхоцкий, возможно, имел отношение к Юхотскому краю (бассейн реки Юхоть – притока Волги), бывшему когда-то и Юхотским удельным княжеством, и Юхотской волостью (ныне – Большесельский район Ярославской области).

Биографические сведения об Иване Александровиче, относящиеся к концу XIX века, удалось найти – ни много ни мало – в... Полном собрании сочинений В.И. Ленина (т. 55, с. 595): «Юхоцкий И.А. – служил кондуктором путей сообщения при правлении главного инженера Новороссийского порта. Был арестован в Одессе в 1895 году, а в начале 1897 года сослан в Восточную Сибирь на 5 лет...»

Известно, что в 1890-е годы Иван Александрович являлся одним из лидеров Южно-Российского рабочего союза – организации народнической, а затем социал-демократической ориентации. Одним из участников этой организации был, кстати, Лев Троцкий. Союз, в который входили и представители интеллигенции, и рабочие, вёл агитацию, распространял нелегальную литературу, организовывал сходки. Контактировали его лидеры и с революционной эмиграцией, в частности, с Г.В. Плехановым. В июне 1895 года в Одессе прошли массовые аресты членов организации, среди арестованных оказался и И.А. Юхоцкий.

Елизавета с маленькой дочерью на руках с тревогой ожидала судебного приговора, а когда он состоялся, решила, как когда-то жёны декабристов, ехать вместе с мужем в Сибирь к месту его пятилетней ссылки.

Об этой поездке упоминается в мемуарах знаменитого П.Н. Лепешинского (1868–1944), будущего директора Музея Революции. В книге «На повороте», вышедшей в начале 1920-х, он пишет, что в середине марта 1898 года к их группе ссыльных (петербуржцев) присоединили Юхоцкого (одессита), «вместе с которым добровольно ехала в ссылку жена его с четырёхлетней дочуркою (звали – Вале́й)». Елизавета под села в поезд, в котором везли ссыльных, в Красноярске. Лепешинский приводит любопытный случай с дочерью Юхоцких. Четырёхлетняя девочка, видимо, наслушавшись разговоров взрослых, заявила сопровождавшему их подполковнику: «А мы тебя повесим!» Это было настолько неожиданно, что все пришли в ужасное смятение. К счастью, высокий полицейский чин обратил всё в шутку, игриво ответив девочке: «А мы вас повесим!».

Ещё до отправки по этапу, а потом и в пути, и в период самой ссылки у части политических возник конфликт с молодым социал-демократом

Н.Е. Федосеевым (1871–1898). Его обвинили в «утаивании» партийных денег (история весьма запутанная). Одним из тех, кто активно выступал против Федосеева, был Юхоцкий. Письма ссыльных против Федосеева подписывала и Елизавета! Всё это обернулось трагедией: 27-летний Николай Федосеев застрелился.

Это случилось в Верхоленске Иркутской губернии. Ныне Верхоленск – небольшое село. Позже здесь отбывал ссылку Троцкий, а в 1902-м отсюда с этапа совершил побег (на лодке) будущий глава ВЧК Феликс Дзержинский. В Верхоленском уезде, надо отметить, за двести лет до ссылки Юхоцкого родился святитель Иннокентий (Вениаминов). Такие вот удивительные совпадения!

После самоубийства Николая Федосеева в кругах сибирских ссыльных началось невообразимое: мужа Елизаветы подвергли остракизму, стали называть его чуть ли не единственным виновником случившегося. Ситуацию усугубила ещё одна трагедия: узнав о гибели Федосеева, застрелилась и его невеста – сорокалетняя Мария Гопфенгауз, которая накануне получила разрешение ехать к нему в ссылку.

Когда известие дошло до В.И. Ленина, отбывавшего ссылку в соседней Енисейской губернии, он был страшно разгневан, приняв на веру мнение части ссыльных о вине И.А. Юхоцкого. Обращаясь из Шушенского к сёстрам, он писал: «...Ужасна эта трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (политический!! ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей...»

Получить от лидера большевиков, будущего вождя Октябрьской революции такую убийственную оценку было для Юхоцких чем-то вроде отложенного судебного приговора. Некоторые беллетристы советского периода, писавшие о Федосееве как об одном из первых российских марксистов, повторяли и эту хлесткую оценку Ленина, и мнение части ссыльных о «страшной вине» Юхоцкого. Хотя ещё в 1922-м Лепешинский, размышляя о трагедии Федосеева, отмечал: «...вина за его печальный исход <...> лежит на всех нас». И даже Ленин в продиктованных им по телефону 6 декабря 1922 года воспоминаниях о Федосееве (ПСС, т. 45, с. 324), говоря о гибели товарища по революционной борьбе, обошёлся уже без обвинений по адресу Юхоцкого: «...кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжёлой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни».

Несмотря на подобные смягчающие высказывания, вина за самоубийство молодого марксиста Николая Федосеева, которого Ленин почитал и с кем он состоял в переписке, мрачной тенью легла

практически на одного мужа Елизаветы Юхоцкой. Хотя, думается, главная причина самоубийства – особенности личности самого Федосеева.

С юных лет он начал изучать марксизм и заниматься революционной деятельностью, за что был исключён из гимназии. Мать, узнав о роде занятий сына, отреклась от него и отлучила от семьи. А дальше были только тюрьмы и ссылка. Совсем ещё молодой человек со временем начал утрачивать силы, не смогла помочь и Мария Гопфенгауз, ставшая его невестой. Она, кстати, была старше его на 13 лет, и обвенчаться в тюремной церкви им отказали «в виду разницы в летах». В своём предсмертном письме Федосеев жаловался, что его «личные силы подорвались...». Действительно, с семнадцати лет не видеть ничего, кроме тюрем, этапов, ссылки – такое выдержит не каждый. Современники замечали изменения в душевном состоянии Николая, со временем приобретшие болезненный характер. Тяжело переносил Федосеев не только тюрьму и этапы, нелёгким испытанием для него оказалась и жизнь в ссылке – вдали от родных мест, в глухомани, на нищенское пособие. Усугубляли положение политические разногласия и бытовые дразги среди ссыльных. О подобном явлении – «разложении политической ссылки», кстати, писал в пьесе «Изгнанники» (1918) и Фёдор Чудаков, тоже прошедший в начале XX века сибирскую ссылку.

После самоубийства Федосеева Елизавета и её муж ещё какое-то время оставались в Верхоленске, а когда она уже ждала второго ребёнка, Юхоцким разрешили переехать в Иркутск. Здесь в 1900 году у них родился сын, которого назвали Михаилом. В этом губернском центре к ссыльным относились с послаблением, И.А. Юхоцкий устроился в городскую управу на должность техника с хорошим окладом в 1500 рублей. Он занимался водопроводом, проводил нивелировку улиц нижней части города между Ангарой и речкой Ушаковкой. Значился он и как техник Забайкальской железной дороги.

После окончания срока ссылки Юхоцкие вернулись на родину – на юг России. Известно, что какое-то время они жили в Ставрополе. Здесь в 1908 году Юхоцкий издал книгу «К вопросу о прокладке водопроводных труб».

С началом строительства Амурской железной дороги (головной участок «Куэнга – Урюм» стали строить в 1907-м) семья вернулась в Прибайкалье. Иван Александрович вначале работал в Чите, занимался там прокладкой водопровода. Об этом, в частности, свидетельствует предоставленная ему в 1913 году Читинской городской думой концессия на устройство в городе водопровода. Позже он выпустил небольшую книжку по этому во-

Иван Александрович и Елизавета Моисеевна Юхоцкие

Дочь Юхоцких Валентина

просу: «Проект водопровода губернского города Читы» (Иркутск, 1916).

Затем Юхоцкие переехали в Алексеевск (ныне Свободный) Амурской области, где с 1916 года располагалось Управление Амурской железной дороги. Однако и здесь они надолго не задержались, перебравшись вскоре в Благовещенск. Стоит отметить, что их сын Михаил в середине 1917 года ещё проживал в Алексеевске, возможно, доучивался в местной гимназии. Может быть, именно этим коротким периодом разлуки с Михаилом объясняются надрывные стихи Е. Юхоцкой о сыне, а также её литературный псевдоним *Одинокая*.

Жизнь в Благовещенске после долгих скитаний по разным городам и весям стала постепенно налаживаться. Иван Александрович слыл авторитетным специалистом по водопроводным сетям, занимался он и общественно-политической деятельностью: в июле 1917-го был избран гласным Благовещенской городской думы от блока социалистических партий и Совета рабочих и солдатских депутатов. Елизавета также занималась общественной деятельностью. В 1917-м она являлась членом Общества политического воспитания женщин. Кстати, в этом обществе состояла и жена Фёдора Чудакова Варвара, следовательно, они были знакомы. А 16 мая 1917 года на общем собрании Е.М. Юхоцкую избрали кандидатом в гласные городской думы в числе шести других женщин (третья по списку – по числу поданных за неё голосов). Кроме того, в 1916–1919 годах она сравнительно регулярно публиковала в «Амурском эхе» и «Амурской жизни» свои стихи. Печаталась ли она раньше, до Благовещенска, – неизвестно.

Совершённый большевиками в октябре 1917 года переворот, надо полагать, поверг Юхоцких в ужас. Особенно когда они узнали, что главой со-

ветского правительства стал В.И. Ленин, когда-то обвинявший Юхоцкого в смерти своего соратника. Трагические события в Благовещенске в марте 1918 года, разрастание Гражданской войны в стране вынудили их принять решение эмигрировать, по сути – бежать из России. К тому времени их сын Михаил уже окончил гимназию в Алексеевске, а возможно, и в Благовещенске (мужская гимназия, как известно, располагалась в здании БГПУ). Дочь же Валентина, которой было уже больше двадцати лет, жила отдельно от семьи, в западной части страны.

Вынужденно покинув Россию, Юхоцкие обосновались в Харбине – главном центре русской эмиграции в Китае. Сын вскоре стал студентом местного политехнического института, а муж Елизаветы работал на КВЖД.

Бегство из страны, конечно же, спасло им жизни. Если бы они остались в России, наверняка их судьбы сложились бы трагически. Одно только знакомство с Троцким (по Одессе и по месту их ссылки в Верхоленске) могло обернуться арестом, когда в стране громили троцкистов. Можно предположить, что и сам В.И. Ленин мог вспомнить Юхоцкого, которого он назвал когда-то «негодяем», клеветником и обвинил в смерти своего соратника. Это могло случиться, например, в 1921 году, когда отмечалось 50-летие со дня рождения Николая Федосеева.

Так что вполне вероятен (если включить воображение) такой, например, разговор между Лениным, Троцким и Дзержинским. Вспомнили Федосеева, Верхоленск, а потом Владимир Ильич невзначай поинтересовался бы у Дзержинского: «А скажите-ка, батенька Феликс Эдмундович, где сейчас этот негодяй Юхоцкий, что был с Федосеевым в Верхоленске?..» Случись такой разговор, это был бы не столько праздный вопрос, сколько завуалированное распоряжение председателю

ВЧК разыскать «клеветника» и поквитаться с ним за доведение до самоубийства одного из когорты «пламенных революционеров».

Юхоцкие прожили в Харбине до оккупации Маньчжурии Японией в начале 1930-х годов, до передачи КВЖД. В который уже раз они вынуждены были покинуть обжитое место: из Харбина перебрались сначала в Шанхай, а затем в более тихий Циндао – город на востоке провинции Шаньдун, на берегу Жёлтого моря. Михаил, ставший к тому времени архитектором и инженером-строителем, построил для семьи шикарный трёхэтажный особняк.

Вскоре после переезда Юхоцких в Циндао там образовалась небольшая колония эмигрантов из России, здесь одно время издавался журнал «Русские в Циндао», печатавший, в том числе, стихи местных поэтов. Проводились в Циндао и литературные вечера. Возможно, Елизавета Юхоцкая участвовала в литературной жизни города, публиковала свои стихи. (Значительно позже, в 2014-м, в Циндао стараниями проживающих здесь русских был открыт «Русский Клуб» – своеобразный наследник объединения русских в 1930-е годы.)

Из Циндао Юхоцкие уехали в 1940-х годах – возможно из-за того, что город заняли войска Народно-освободительной армии Китая. Видимо, из опасения быть депортированными в СССР они, как и многие другие русские, решили поки-

нуть красный Китай и перебраться в Австралию. Столь радикальная смена места жительства подтверждается свидетельством внучки Елизаветы Моисеевны (о ней мы расскажем в следующий раз), которая упоминает о посылке, пришедшей от бабушки «из Австралии». (Отметим, что несколько лет назад А.В. Урманов в ходе поиска следов поэтессы в этой стране обращался с письмом в Сидней, в русскую газету «Единение», но, к сожалению, австралийцы не нашли о ней никакой информации).

Надо полагать, именно в Австралии закончилась жизнь Елизаветы Юхоцкой (после войны ей было уже за 70 лет). Здесь же некоторое время жил и её сын Михаил. Видимо, уже после смерти родителей он перебрался со своей семьёй в Англию. Последние сведения о сыне Елизаветы Юхоцкой удалось найти в известном издании об эмигрантах – «Незабытые могилы». В нём указывается, что Михаил Юхоцкий переехал в Лондон в 1960 году, а в 1965-м скоропостижно скончался. В Англии он уже не работал по своей основной профессии, занимался переводческой деятельностью.

Очень тонкая ниточка связывала Елизавету Юхоцкую с Россией только через дочь Валентину. В России остались потомки амурской поэтессы начала XX века, здравствующие и поныне. Но это уже отдельная тема...

Елизавета ЮХОЦКАЯ

«Я ЖИВУ ТОЛЬКО СКАЗКОЙ, ПЛЕНИТЕЛЬНЫМ СНОМ...»

(Публикация А. Урманова)

Моё сокровище

...где сокровище ваше,
там и будет сердце ваше.
(Матф. VI, 21)

Сердце моё в этом личике нежном,
В этих беспомощных хрупких рученьках,
В милых, доверчивых, ясных глазёнках,
Мир мой – во взгляде его безмятежном.
Можно ли больше любить – я не знаю:
В жизни убогой, кошмарной, унылой
Только и света, что мальчик мой милый,
С ним я угасшей душой расцветаю.

...Вынесу всё я, лихая судьбина,
Всё, что пошлѣшь ты, – покорно приму я;
О, не щади меня, нет, – но молю я, –
Лишь сохрани мне любимого сына.

Амурское эхо. 1916. № 433. 3 августа. С. 2.

Открытка с родины! Смеётся мне на ней
Дикарка смуглая, киргизка молодая,
И вспыхнула тоска в душе моей сильней
По близкой сердцу «полосе степного края».
О, родина, красавица моя,
Раздолье и простор степи твоей прекрасной,

Воображение рисует вас так ясно,
Как будто лишь вчера рассталась с вами я!

.....
Вот предо мною степь и сопок стройный ряд
И речки Дженамы зигзаги голубые;
Вдали – курганы спят, и, может быть, Батыя
В их недрах воины сном непробудным спят.
А рядом – мирный труд потомков, крик детей,
Дымок у юрт, что спрятала долина,
И табуны пасущихся коней,
И песнь о «Мамажай» – природы мирной сына.
Той песне в унисон – в траве душистой треск
Кузнечиков неугомонно-сонный,
И солнца знойного полуденного блеск,
И купол неба голубой, бездонный...
Родная степь! Покорная судьбе,
Закинувшей меня от родины далёко,
По-прежнему любя тебя глубоко,
Вернусь ли я, хоть умереть, – к тебе?

Амурское эхо. 1916. № 489. 16 октября. С. 3.

На концерте Вл. Беляева

...И зазвучал пленительно рояль,
И звуки понеслись, как крылья серафима.
Он в звуки претворил великую печаль
О том, что внешняя природа им незрима.
И звуки-слёзы те в сердца он заронил,
Во многие сердца, что холодны и лживы,
И вот, как чародей, в сердцах тех пробудил
Лишь чистые, как перл, высокие порывы...
Так много правды мне сказали звуки те:
Я вижу внешний мир, но и слепая тоже
Духовной слепотой!.. О, помоги мне, Боже,
Как Товии, прозреть – в духовной слепоте!..

Амурское эхо. 1916. № 497. 27 октября. С. 2.

Осень! Ласковая, золотая осень!
Целый дождь из листьев золотых!
Ярче – свежая одежда стройных сосен
Рядом с группюю берёзочек нагих.

«Воздух чист, как поцелуй ребёнка»,
Паутинка в воздухе плывёт;
Эхо звуки повторяет звонко,
Точно кто-то призрачный зовёт.

Глубь небес и аромат смолистый...
О, как рада я, что я – живу,

Что вдыхаю этот воздух чистый
Не во сне: всей грудью, – наяву!

Амурское эхо. 1916. № 500. 30 октября. С. 2.

Из «снежных» мелодий

1.

Первый снег! – миллионы летят,
Мириады снежинок, резвясь,
И следит зачарованный взгляд
Их паденья ажурную вязь.
Ждёт земля, как ребёнок больной,
Поцелуев – холодных гостей, –
Что несут ей покров гробовой
Из жемчужно-алмазных лучей.
Зачаруют те гости её
И надолго заставят уснуть.
Если б так же и сердце моё
Усыпили – и скорбную грудь.

2.

Первый снег! Красота, красота!
Воздух свеж и пьянит, как вино.
Надо мной воцарилась мечта:
Снежной сказкою сердце полно.
Чары этой серебряной тьмы
За собою влекут и манят,
Возникают волшебные сны,
В сердце лучшие струны звучат.
Я зажглась горделивой мечтой:
Быть бы девственно чистой, как снег,
Обладать бы кристальной душой,
Чуждой зова желаний и нег.

3.

Да, теперь я во власти её,
Сребро-кованной сказки-зимы,
Опьяняют аккорды меня
Полусвета её, полутьмы.
Я покорна брильянтовым снам,
Выйдешь в поле – волшебное вмиг;
Царство снежной феерии там,
А на небе стоит «молодик».
Ниже он бриллиантов узор
На парчовом покрове земли,
И не может насытиться взор
Созерцаньем волшебной дали.
Тихо, призрачно тихо вокруг.
И, дыханье в груди затая,
Чутко жду: не родится ли звук?
Только снег, только месяц, да я...

Амурское эхо. 1916. № 506. 6 ноября. С. 3.

В эти светлые дни я, как прежде, ребёнок,
Точно не было гнёта прошедших годов.
Вся во власти я радостных, праздничных снов,
И по-прежнему смех мой и ясен, и звонок.
Я зажгу мою скромную ёлку сегодня:
Будет шумный восторг у детишек моих!
Сколько радостей светлых, нездешних, святых
Мне дарит этот день – день рожденья Господня!
Если б только могли вы, далёкие братья,
Воспринять этот мир, что я в сердце таю,
То, – враги лишь вчера в беспощадном бою,
Вы сегодня открыли б друг другу объятия.

Амурское эхо. 1916. № 545. 25 декабря. С. 4.

Я живу только сказкой, пленительным сном,
Как в границе волшебного круга,
И закрыта, как ангела белым крылом,
Этой сказкой от жизни недуга.
Я замкнулась в свой круг, потому что страшны
Внешней жизни веленья и зовы:
Обыденность её, как кошмарные сны,
Налагает на души оковы.
Так страшны, непонятны, загадочны мне
Злобы бешеной, мрачной порывы,
И создания искусства – в обломках, в огне,
Алой кровью залитые нивы!..
Не смогла помириться я с ложью и злом,
И с хаосом душевных сомнений...
И забылась я сказкой, пленительным сном,
Очарованным миром видений.

Амурское эхо. 1917. № 549. 1 января. С. 3.

Я в мире ищу лишь одну красоту,
Я влюблённая только в мечту.
И в сумерках жизни ревниво таю
Ту цель достижения мою.
Всю жизнь я её неустанно ищу,
О ней лишь я тайно грущу,
И в радуге света, и во мраке теней
Стремлюсь одинаково к ней.
Безумна ли я, но её я нашла
И в голосе гнева и зла.
Я также нашла её в отзвуках битв,
Как в топоте нежных молитв.
А мир ещё так необъятно велик,
Тая красоты в себе лик.
И цель моя вся: на житейском пути
Её отраженья найти,

Служить ей, отдав ей богатство мечты,
Быть жрицей одной красоты.

Амурская жизнь. 1919. № 15. 25 января. С. 2.

Желание

Если б голос могла оковать я в металл,
Если б мог он звучать не смолкая,
Как звучит, побеждая разгневанный шквал,
В море колокол, многих спасая,
Я бы властно звала всех к господству любви,
Потому что земля застонала,
Не вмещая потоков пролитой крови.
«Вспомним Бога», – я б миру сказала.
И стихию страстей, их разгневанный шквал,
Мрак безумья, хаоса, смятенья,
Может быть, победил бы мой голос-металл,
Зов во имя любви и спасенья...
Но бессилен мой голос, и робки уста.
Опускаются слабые руки:
Всюду образ распятого в муках Христа,
Всюду слёзы, страданья и муки...
И боюсь я, что в море пролитой крови
Навсегда утонул безвозвратно
Совершеннейший образ великой любви;
Облик высшей любви благодатной.

Амурская жизнь. 1919. № 53. 16 марта. С. 2.

Христос воскрес, воистину воскрес!
Пусть в этот светлый день замолкнут все про-
клятья,
Пусть радуемся все мы без изъятья
В великий день, день чуда из чудес!
Христос воскрес, воистину воскрес!
Христос воскрес! Колокола гласят
Весть дивного Христова воскресенья.
Пусть в этот день враги достигнут соглашения,
Пусть в этот день исчезнет злобы яд,
И будет этот день – днём светлым примиренья.
Христос воскрес! Торжественно звучит
В полях гимн-радость чуда-воскресенья,
Там, где земля ожившая таит
В себе незримой жизни пробужденье
И в глубине малютку-зёрнышко растит.
Христос воскрес! Ликующей волной
Пусть эта весть достигнет тюрем заключенья
И будет пусть залогом возвращенья
Всех заключённых, страждущих душой,
К свободе, к солнцу и к семье родной...
Пусть будет Пасхи день – днём их освобожденья!

Амурская жизнь. 1919. № 81. 20 апреля. С. 2.

Только там...

Там, где грудью степь широко
Точно скатерть залегла, –
Только б там уснуть глубоко,
Безмятежно я могла...
Там, где светлыми волнами
Убегает вдаль ковыль,
Где в курганах спит веками
Историческая былль.
Там, где вьётся отдалённый
И бескрайний путь, как нить, –
Там бы надо гроб мой скромный
В землю тихо опустить...
Пусть над ним ночами робко
Бросит вереск шелест-крик,
И сквозь тучи кажет око
Месяц, пряча бледный лик.
Пусть там в кружеве туманов
Вьются страшно до зари
Обитатели курганов –
Мертвецы-богатыри.
Пусть над ним звездой лучистой
Метеор ночной летит,
А костяк в траве росистой
Белым черепом глядит.
Пусть над ним алеют зори,
Умываясь росой,
Шепчет сказки о просторе
Колокольчик полевой.
Буду там орлиный клёкот
Слушать – музыку степей,
Под далёкий звонкий топот
Табуна степных коней.
Будут снежные бураны
Крест мой белый отпевать...
И жемчужные курганы
Надо мною навевать...
Степь, как блудный сын, скитаюсь
От тебя я вдалеке –
И, любя тебя, терзаюсь
Я тоскою о тебе.
Уж давно я проклиная
Злой чужбины тяжкий гнёт,
О тебе же, степь родная,
С каждым днём тоска растёт...
Сможешь ты лишь, степь-отрада,
Раны сердца усыпить...
Там, в степи родимой, надо
Гроб мой в землю опустить!..

Амурская жизнь. 1919. № 83. 27 апреля. С. 2.

Вечером

С прощальной ласкою над городом шумливым
Бросает солнце золото лучей,
Прохожие мелькают суетливо,
И в каждом – свой мирок: и света, и теней.
В узоры кружева случайных фраз отрывных
Вплетается, как нить, вечерний, нежный звон
И парохода зов, далёкий и призывный,
Дрожащий и минорный полутон.
Улыбка встречного красивого ребёнка
И белоснежных голубиных крыльев взмах...
Вдали рисуется отчётливо и тонко
Рельеф собора старого в лучах.
Заката час... И город затихает.
Уходит грозовая туча вдаль,
А сердце ласково и властно обнимает
Красивая и тихая печаль.
Заворожил нас кроткий час вечерний.
Молчание твоё яснее всяких слов.
Душа, уколами израненная терний,
Так жаждет счастья бесплотных ярких снов...
В окне зеркальном никнут хризантемы.
Блестит на солнце мокрая панель...
Я как принцесса сказочной поэмы,
А ты как ласковый, влюблённый менестрель.

Амурская жизнь. 1919. № 111. 1 июня. С. 2.

О, скажите: зачем убивать,
Если в мире так много простора,
Что возможно всем жить и дышать,
Не мешая друг другу, без спора?
Может, разум наш светлый потух
И, отдавшись желанию злему,
Каждый стал невменяем и глух
К милосердия зову святому?
Даже дети – безумья полны;
Все их игры – войны отраженье;
Точно эхо далёкой войны
Их атаки, натиск, отступление...
Может, бросил, глумясь, Сатана
В сердце каждое семя раздора,
Чтоб победно пылала война
В дни разрухи, стыда и позора?
О, скажите, зачем убивать?
Разве это так просто, не дико,
Добиваться, как цели, желать
Алой крови, предсмертного крика?..

Амурская жизнь. 1919. № 235. 20 октября. С. 2.

От публикатора. Стихи за подписью *Одинокая* стали появляться в благовещенской газете «Амурское эхо» осенью 1916 года. По ним, как мне уже приходилось писать, можно частично реконструировать биографию поэтессы, но главное – её мироощущение, её мечты и настроения. Судя по стихотворению «Открытка с родины! Смеётся мне на ней...», *Одинокая* – уроженка степного края, о котором она вспоминает с пронзительной тоской. Где-то там остались юрты, в недрах земли – воины Батыя. На открытке – «киргизка» (наверное, казашка). Упоминаемое название реки – Дженама – позволяет заключить, что Елизавета Юхоцкая родом из Казахстана. О родной степи она с ностальгией писала и позже, высказывала желание быть похороненной именно там.

В целом ряде стихов («Моё сокровище», «Мой маяк» и др.) передаются чувства женщины-матери, у которой в жизни только одна путеводная звезда – «глазки любимого сына».

В подавляющем большинстве предреволюционных стихотворений Е. Юхоцкой господствуют мотивы одиночества, грусти, тоски. Лирическая героиня не может и не хочет смириться со своей участью женщины, вынужденной обстоятельствами жить в чуждом сердцу краю, среди чужих людей. Именно поэтому она выстраивает в своём сознании замкнутый мирок, в котором отдаётся мечтам, который пытается наглухо закрыть от треволнений внешней, социально-исторической действительности. Характерный пример – стихотворение «Я живу только сказкой, пленительным сном...», опубликованное незадолго до крушения самодержавной России.

Между двумя революциями 1917 года – Февральской и Октябрьской – поэтесса словно не замечает того, что происходит со страной, с Благовещенском и продолжает писать так, словно ничего не изменилось: на те же самые темы, что и раньше, с теми же настроениями, которые были прежде. Её лирика («Из забытого дневника», «Я сегодня пробуду без сна...», «Я буду осторожно

брать аккорды...», «Да, лишь тебе веряю я мечты...», «В лунную ночь», «На концерте» и т.д.) среди других материалов «Амурского эха», эмоционально отражающих тектонические разломы жизни, наполненных буйной революционной энергетикой, воспринимается как голос нормального человека, своими стихами противостоящего царящему вокруг безумию, не желающего отказываться от права на мирную жизнь, на простое человеческое, женское счастье.

В стихах 1919 года – уже в газете «Амурская жизнь» – прежние мотивы всё чаще и чаще начинают соседствовать с новыми, связанными с разгорающейся гражданской усобицей, с участвовавшими убийствами, с классовой враждой, с льющейся потоками «алой кровью». Поэтесса словно взывает к своим втягивающимся в кровавую вакханалию современникам, умоляет их: остановитесь, одумайтесь, перестаньте убивать друг друга, вернитесь к прежним ценностям, к заповедям Христовым! И при этом вполне ясно осознаёт: призывы эти тщетны...

Предлагаемая вашему вниманию небольшая подборка стихов Елизаветы Юхоцкой, опубликованных под псевдонимом *Одинокая* в благовещенских газетах более чем вековой давности, позволяет узнать о переживаниях этой мечтательной, утончённой женщины, оказавшейся на Амурской земле в канун и во время великой русской смуты. Кроме того, и это, пожалуй, ещё более важно и поучительно, расположенные в хронологической последовательности стихи помогают нам не только понять, но и прочувствовать (вместе с лирической героиней) кошмарную логику русской истории революционной эпохи, проследить за динамикой психологического состояния обычных людей, «обывателей», по воле рока оказавшихся в котле одного из самых разрушительных социальных катаклизмов.

Александр Урманов

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК «АМУРЕЦ» ЕДВА НЕ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ АМУРЦЕМ

*Предисловие к путевым очеркам Ф. Чудакова 1917 года**

Менее года назад в авторитетном столичном издательстве вышло двухтомное, весьма объёмное собрание сочинений самого известного амурского литератора дореволюционного и революционного времени – результат многолетней поисковой и научно-исследовательской работы автора данных строк [1].

Сравнительно небольшая часть вошедших в двухтомник произведений, по мере того как они обнаруживались в ставших ныне библиографической редкостью периодических изданиях начала XX столетия, печаталась в нашем альманахе: см. № 8 (2009), 12 (2013), 14 (2015), 16 (2017), 17 (2018). Сразу после издания двухтомника казалось, что веских причин вновь публиковать в «Амуре» произведения Чудакова больше нет, ибо основной массив самого значительного из написанного им теперь доступен всем, кто интересуется творчеством «амурского Саши Чёрного»: двухтомник можно заказать по интернету или купить в московских книжных магазинах. Но месяца три назад произошло событие, заставившее по-новому взглянуть на эту ситуацию.

Чтобы читателям альманаха было понятно, о чём идёт речь, напомним: одним из самых тёмных мест в жизненной и творческой биографии писателя был и до сих пор остаётся период между мартом 1917-го и началом 1918-го. Причина в следующем. Вскоре после Февральской революции сатирик, до того восемь с половиной лет безвыездно проживший в Приамурье под гласным надзором полиции (а всего, с момента ареста, одиннадцать лет не видевший родных мест), всё это время лишённый права покидать его пределы (расплата за побег в 1908 году из енисейской ссылки), решил вернуться на свою родину – в город Чембар Пензенской губернии. Об этом, в частности, свидетельствует короткая заметка в «Амурском эхе»: «Фёд. Ив. Чудаков благодарит всех товарищей и знакомых за теплоту и ласку,

Фёдор Иванович Чудаков

проявленную ими при проводах его на родину. Да здравствует свободный край, которому мы все посильно служили!» [2]. О том, что *Амурец* покинул Благовещенск, говорится и в опубликованном на следующий день «Заявлении редакции “Амурского эха”», где опровергаются слухи о закрытии газеты из-за ухода прежних сотрудников, но признаётся, что «уехал из города на родину Фёдор Иванович Чудаков, газетный работник исключительной талантливости» [3]. Судя по упоминаемым в путевых очерках датам (см. об этом в примечаниях), «Амурское эхо» сообщило об отъезде своего бывшего сотрудника из Благовещенска более чем с недельным опозданием. Начиная с апреля, в самой авторитетной прежде газете Приамурья, секретарём редакции и одним из ведущих авторов которой несколько лет был Чудаков (а до того – в газете «Эхо», предшественнице «Амурского эха»), его произведения больше не печатались.

Вплоть до настоящего времени принято было считать, что примерно через полгода, то есть осенью того же 1917-го, Ф. Чудаков вернулся в Благовещенск и вновь стал печататься, но уже не в политически поправившем «Амурском эхе»,

* Выражаю признательность литературному краеведу Евгению Паршину за ценную помощь в подготовке этой публикации.

превратившемся к тому времени в орган так называемого Союза амурских республиканцев [4], а в начавшей выходить с 15 (28) апреля 1917 года эсеровской газете «Народное дело» (в ней сатирик, кстати, довольно часто высмеивал «амурских республиканцев») [5].

В конце января 1918-го Чудаков, творчески задышавшийся в тисках сугубо партийного издания и партийной же дисциплины, стал издавать собственный еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный», успев выпустить до своего трагического ухода в марте 1918-го шесть номеров (седьмой, посмертный, подготовил к печати брат сатирика Дмитрий). Произведения, публиковавшиеся в *беспартийном* «Дятле...», в большинстве своём включены в состав двухтомника, некоторые из них перед этим печатались и в нашем альманахе.

А вот чем была наполнена жизнь сатирика между мартом 1917-го и январём 1918-го, чем он занимался и где находился всё это время, что заставило вернуться на Амур, какие произведения созданы им в этот период, какие темы его волновали – всё это было подёрнуто завесой неизвестности. Одна из главных причин – отсутствие в дальневосточных и центральных архивах и библиотеках, включая РГБ (Москва) и РНБ (Санкт-Петербург), газеты «Народное дело», в которой Ф. Чудаков печатался после того, как перестал сотрудничать с «Амурским эхом». В Амурском областном архиве хранятся лишь несколько разрозненных номеров «Народного дела»; обнаруженные в них произведения *Амура* (фельетоны и сатирические стихи «Поиски», «Хозяин тут», «На улице» и «Детская песня») были включены в двухтомник.

И вот совсем недавно газета, ранее считавшаяся утраченной или, по крайней мере, недоступной, нашлась, пусть пока и не в полной комплектации. Обращение к данному периодическому изданию помогает узнать о том, что прежде было сферой догадок и предположений. Например, уточнить сроки отъезда Чудакова из Благовещенска и, что особенно важно, его возвращения (см. об этом в примечаниях к *путевым очеркам* «Навстречу весне»).

Помимо «маленьких фельетонов», самые интригующие публикации Чудакова в «Народном деле» – очерки «Навстречу весне» и «Хроника телячьего экспресса», рассказывающие о его возвращении на родину. Точнее, о двух отрезках этого протяжённого пути: от Благовещенска и до станции Амазар в Забайкалье («Навстречу весне») и от Куэнги до станции, следующей сразу за станцией, обозначенной лишь заглавной буквой П. («Хроника телячьего экспресса»).

Похоже, что в очерках автор хотел описать весь свой путь от Благовещенска до Чембара. Очерки должны были не только показать революционную Россию глазами человека, пересекающего её по железной дороге от Дальнего Востока до центральной части, не только рассказать о самых ярких дорожных впечатлениях автора, но и запечатлеть перемену в его настроении: от «телячьего восторга» по поводу революционных перемен до полного разочарования в них. Тем самым Чудаков хотел, наверное, наглядно объяснить амурским читателям и благовещенским друзьям-журналистам причины, вынудившие его вернуться в Приамурье – подальше от эпицентра революции, поближе к самой окраине российской земли. А кроме того – вновь заслужить мораль-

Железнодорожный вокзал Благовещенска, вид со стороны путей. Начало XX в.

Станция Бочкарёво (ныне Белогорск), здание вокзала. 1910–1914 гг.

ное право на «фирменный» свой литературный псевдоним – *Амурец*. Кстати, сразу после возвращения в Благовещенск автор какое-то время не решался подписывать им свои тексты, рассказывающие о том, как он покидал Амур. Первые три части очерков «Навстречу весне» подписаны (впервые в творческой жизни писателя!) подлинным, полным именем – *Фёдор Чудаков*, и лишь четвёртая, опубликованная спустя месяц после возвращения, восстановила статус-кво: Чудаков вновь воспользовался самым любимым своим псевдонимом *Амурец*.

Почему столь интересный (и для автора, и, надо полагать, для его тогдашних читателей) замысел не был реализован в полном объёме (если он действительно не был осуществлён)? Может быть, из-за чудовищной загруженности Чудакова, взвалившего на себя чрезвычайно обременительные обязанности редактора только что буквально на голом месте созданной газеты. А возможно, и потому, что происходившие летом и осенью 1917 года в Благовещенске драматические события, стремительно ухудшавшаяся социально-политическая и экономическая обстановка вынуждали Чудакова переключаться на другие, более насущные для его читателей темы. Нельзя упускать из виду и то, что «Народное дело», в отличие, например, от «Эха» или «Амурского эха», где многие годы печатался *Амурец*, не являлось и в малой степени изданием литературным. Это была чисто партийная газета, печатавшая почти исключительно хронику разворачивающихся в стране и, в частности, в Приамурье событий, статьи на политические темы и сугубо партийные материалы (рекламные объявления, позволявшие газете

держаться на плаву – не в счёт). Литературные же тексты Чудакова – фельетоны, изредка стихи (единственные в своём роде на страницах «Народного дела») – явно диссонировали со всеми остальными материалами, заполнявшими газету. Видимо, поэтому их удельный вес, и без того ничтожно малый, постепенно снижался. Чудакову как редактору, наверное, приходилось выслушивать упрёки от партийных функционеров за «нецелевое использование» газетной площади, ибо данное издание было печатным «органом партии социалистов-революционеров, народных социалистов и трудовиков», а потому художественные тексты без эсеровской идеологической начинки могли восприниматься «заказчиком» как уход от обостряющейся с каждым днём политической борьбы. Поэтому, видимо, опубликованное Чудаковым на страницах «Народного дела» по объёму, а особенно по тематическому и жанровому разнообразию существенно уступает тому, что он прежде печатал в «Амурском крае», «Эхе» и «Амурском эхе».

Так или иначе, если первые три части очерков «Навстречу весне» появлялись в «Народном деле» с завидной регулярностью (21, 24 и 26 мая), то четвёртая вышла лишь через месяц – 23 июня. Хотя часть эта оказалась заключительной, завершалась она фразой, которая обещала продолжение: «Утром приедем в Куэнгу».

Современные читатели в подавляющем большинстве вряд ли слышали экзотическое слово Куэнга, а если и слышали, то не сразу вспомнят, где и в какой связи. Ныне Куэнга – захолустная железнодорожная станция на Забайкальской же-

лезной дороге, относящаяся к Сретенскому району Забайкальского же края. А вот современники Фёдора Чудакова, в особенности те, кому доводилось совершать поездки по Амурской железной дороге, хорошо знали, что это такое. В 1910-е годы прямые поезда от Благовещенска в западном направлении доходили только до Куэнги, которая была важным перевалочным пунктом. А далее пассажирам приходилось делать остановку и пересаживаться на другие поезда, следовавшие от Куэнги в сторону Восточной Сибири.

Как долго добирался автор путевых очерков от Благовещенска до этой станции? Выяснить это оказалось не так сложно, ведь газеты 1917 года постоянно информировали своих читателей о движении поездов по Амурской железной дороге, сообщая им о сезонных изменениях в расписании. Приведём одно из таких объявлений, напечатанное за два месяца до отъезда Ф. Чудакова на родину:

«Управление временной эксплуатации Амурской железной дороги доводит до сведения пассажиров, что с 1 февраля вводится новое расписание поездов. <...> Поезд № 3 отходит из Благовещенска в 1 ч. 40 м. дня; прибывает в Бочкарёво [6] в 5 ч. 31 м. дня; отправляется в 6 ч. 55 м. веч.; прибывает в Куэнгу в 5 ч. 12 мин. утра. Время иркутское. <...> Начальник Амурской железной дороги Зеест» [7]. В этом объявлении не уточняется очевидное для современников Чудакова обстоятельство – что в конечный пункт поезд «Благовещенск – Куэнга» прибывает отнюдь не на следующее утро.

Как известно, расстояние от Благовещенска до Бочкарёво (Белогорска) по железной дороге

– примерно 100 км, поезд, судя по процитированному расписанию, проходил его в 1917 г. за 4 часа. Следовательно, средняя скорость – 25 км в час (для сравнения: в наши дни средняя скорость пригородных и местных поездов – 50–60 км). Расстояние от Благовещенска до Куэнги – 1450 км, если разделить на среднюю скорость (25 км), получится 58 часов. Соотнеся эту цифру с расписанием (поезд приходил на конечную станцию в 5.12 утра по иркутскому времени), можно сделать вывод, что Ф. Чудаков добирался до Куэнги 64 часа 32 минуты. То есть находился в пути около трёх суток.

В Куэнге, где обычно скапливалось гораздо больше пассажиров, чем их могли вместить редкие поезда, относительно комфортное путешествие по железной дороге закончилось. Начались серьёзные трудности: автору пришлось, как он отмечает, четырнадцать часов простоять в очереди у билетной кассы, а затем и вовсе расположиться на крыше «телячьего экспресса».

Чем можно объяснить (помимо неразберихи, свойственной революционному времени) столь экстремальные обстоятельства? Почему Чудакову пришлось ехать, как он пишет, «в теплушке», а два перегона – и вовсе на крыше «телячьего экспресса»? Судя по всему, большие поезда (настоящие, не «телячьи», экспрессы) через Куэнгу – своеобразный железнодорожный тупик – тогда не проходили. А проходил какой-нибудь местный «экспресс» «Чита – Куэнга – Сретенск», составленный, в основном, из малоприспособленных для перевозки людей «теплушек». Экспрессы, нормальные поезда дальнего следования в направлении Москвы, Петрограда отправлялись

Алексеевск (ныне Свободный). Железнодорожный вокзал. 1915 г.

Здание железнодорожного вокзала на станции Куэнга. Начало XX в.

только от Читы. То есть, похоже, в теплушке (и на теплушке) писателю пришлось проехать от Куэнги до Читы – 328 км (примерно 15 часов).

Уже по этой причине понятно, почему у путевых очерков, начиная с описания Куэнги, меняется название: то, что произошло на этой станции, напрочь выбило из автора «телячий восторг».

Тем не менее, «Хроника телячьего экспресса» – это не новое, не абсолютно самостоятельное произведение, а продолжение предыдущего, хотя и с некоторыми качественными изменениями. Или, быть может, часть циклического единства, которое хотел выстроить автор путевых очерков. Возможно, и далее он планировал давать новые названия «сплоткам» частей, описывающих тот или иной отрезок своего протяжённого маршрута.

Повествование в «Хронике...» обрывается ещё быстрее, чем в «Навстречу весне»: пока удалось обнаружить лишь две части, в них рассказывается о Куэнге, а также о том, как автор успел проехать на крыше вагона два железнодорожных перегона.

В единый цикл с предыдущими частями «Хронику телячьего экспресса» связывает одинаковое жанровое обозначение – *путевые очерки*, а также общий сюжет – описание одной и той же поездки автора-повествователя. Проблемно-тематическую и идейно-смысловую связь с предыдущими очерками, первая часть которых носит название «Телячьи восторги», автор обозначил уже и в заглавии, вновь обратившись к запомнившемуся читателям эпитету (выражение «телячий восторг» в «Навстречу весне» звучит четырежды!), но употребляет его в несколько ином значении. В первом случае эпитет «телячий» входит в состав идиоматического выражения, иносказательно обознача-

чающего бурный, часто беспричинный восторг, охватывающий человека от избытка чувств. Выражение «телячий восторг» обычно несёт в себе оттенок иронии, в нашем случае – авторской самоиронии. Причину направленной на себя иронии понять несложно: бурный восторг, пережитый писателем в марте 1917 года в связи с крушением самодержавия, к моменту работы над путевыми очерками «Навстречу весне» (май-июнь) успел испариться, а потому даже со сравнительно небольшой временной дистанции не мог уже восприниматься без насмешки над самим собой.

Напомним первую реакцию Фёдора Иванова на крушение монархии – короткий стихотворный текст, опубликованный в «Амурском эхе» 5 (18) марта 1917 года:

Четвёртый день в душе трезвон!
И солнце светит взору!
Какой возможно фельетон
Писать в такую пору?
Я не писатель. Я – звено
великого народа!
И я могу писать одно:
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Свобода!

Уже к концу мая подобная экстатическая реакция на февральские события воспринималась автором в лучшем случае как верх наивности, как «телячий восторг», а ещё через пару месяцев – как откровенная глупость, о которой неловко вспоминать.

В «Хронике телячьего экспресса» никакого восторга, даже «телячьего», автор уже не испытывает: на смену мягкой самоиронии пришла более жёсткая ирония, обращённая вовне – на несуразные явления действительности. Эпитет «телячий» здесь означает не «бурный», как в первых очерках, а «предназначенный для перевозки скорее скота, чем людей».

Тональность «Хроники...» существенно отличается от тональности очерков «Навстречу весне»: авторской патетики, буквально пронизывавшей майские очерки, здесь нет и в помине. Как уже отмечалось, различия в тональности обусловлены и характером описываемых событий, и тем, что «Хроника телячьего экспресса» создавалась двумя месяцами позже – в августе, когда никаких иллюзий относительно Февральской революции у Чудакова уже не осталось.

О трансформации повествовательной стратегии сигнализируют и подписи: в отличие от подписей к очеркам «Навстречу весне» (Фёдор Чудаков, Амурец), лишённых иронической модальности, для частей «Хроники...» автор избирает псевдонимы с явственным ироническим оттенком: Дядя Фёдор и Дядя Федя. Ироничны, комичны в «Хронике...» и все три заглавия: и общее (само несуразное сочетание «телячий экспресс»), и названия частей: «На высоте» (в значении «на крыше теплушки»), «Крути, Гаврила!» (намёк на то, что «экспресс» вовсе не экспресс, а нечто, напоминающее примитивную по устройству железнодорожную дрезину).

Возможно, в будущем – отдалённом или, надемся, сравнительно близком – удастся найти продолжение путевых очерков Чудакова или же какие-то другие его тексты, которые раскроют причины, вынудившие сатирика, почти не задержавшись в родном Чембаре, вернуться на Амур. Сейчас уверенно судить о них невозможно. Загадка возвращения Чудакова в Благовещенск в мае 1917 года остаётся по-прежнему не раскрытой...

Это, однако, не умаляет значимости публикуемых ниже текстов. Конечно, в первую очередь они интересны тем, что расширяют представление о биографии Фёдора Чудакова, о его мироощущении, о динамике его взглядов, добавляют новые штрихи к его портрету, раскрывают новые грани личности писателя. Во-вторых, очерки содержат ценные зарисовки жизни, быта вековой давности, значимые подробности, позволяющие лучше понять реалии описываемой эпохи, взгляды, психологию современников автора – простых, обычных людей, населявших Приамурье и Забайкалье. «Навстречу весне» и «Хроника телячьего экспресса» представляют несомненный познавательный интерес. Для тех, например, кто склонен

идеализировать Российскую империю предреволюционного времени, откровением могут стать рассказы бывших каторжников, строителей «амурской колесухи» о том, что им довелось пережить: оказывается, ничем существенным порядки на «колесухе» не отличались от порядков, позднее царивших на строительстве Беломорканала, на других «великих стройках социализма» эпохи сталинского ГУЛАГа. В-третьих, и это, пожалуй, главное – перед нами добротная проза, способная доставить подлинное эстетическое удовольствие.

Что же касается нескольких десятков великолепных фельетонов *Амура*, печатавшихся в «Народном деле» и являвшихся откликом преимущественно на амурские, благовещенские события 1917 года, то их публикация в следующем выпуске «Амура», надеюсь, доставит не меньшую радость почитателям творчества Ф. Чудакова.

Примечания

1. Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, подготовка текста, вступ. статья, комментарии А.В. Урманова. М.: Викмо-М: Русский путь, 2019. Т. 1: Накипь дня: Сатира. Легенды и сказки. Лирика. 800 с. Т. 2: Убитая песня: Проза. Драматургия. Отклики на смерть Ф.И. Чудакова. Воспоминания. 592 с.

2. Амурское эхо. 1917. Прибавление к № 626. 13 (26) апреля. С. 2. Приложение (прибавление) это почему-то (ошибочно?) датировано 14 (27) апреля, хотя № 626, к которому оно «прилагается», вышел и датирован 13 (26) апреля.

3. Амурское эхо. 1917. № 627. 14 (27) апреля. С. 3.

4. Союз амурских республиканцев – близкая к кадетам политическая группа, защищавшая интересы местной буржуазии. В Союз входили такие известные общественные деятели Благовещенска (в большинстве своём гласные городской думы), как Н.Ф. Губанов, Д.В. Дулетов, С.П. Каффка, П.Г. Малыхин, Н.И. Старокотлицкий, И.Д. Прищепенко, И.М. Хоммер, Ф.Н. Чиликин... Почти все они и до 1917 года не раз становились героями «маленьких фельетонов» *Амура* (см. его двухтомник).

5. См., например, фельетоны (все под псевдонимом *Амурец*): Где они? // Народное дело. 1917. № 34. 28 мая. С. 3; Гуртом // Народное дело. 1917. № 38. 2 июня. С. 2; Пир «республиканцев». *Фантазия* // Народное дело. 1917. № 51. 18 июня. С. 3; Томление // Народное дело. 1917. № 59. 28 июня. С. 3; Баллада про «республиканцев». *Шутка* // Народное дело. 1917. № 74. 16 июля. С. 2; Республиканские (без кавычек) вирши. *Размышления на лоне природы* // Народное дело. 1917. № 116. 6 сентября. С. 3.

6. Бочкарёво – железнодорожная станция в 108 км к северо-востоку от Благовещенска, построенная в 1913 г. при прокладке Амурской железной дороги. В 1931 г. переименована в Краснопартизанск, в 1935-м – в Куйбышевку-Восточную, в 1957-м – в Белогорск.

7. Амурское эхо. 1917. № 571. 28 января (10 февраля). С. 4.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ 1917 ГОДА

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

1. Телячьи восторги

Сон или явь?

А вдруг проснёшься, и вновь перед нами – серенькое утро, и вновь одеваться и идти на работу, и вновь – всё старое, прежнее, надоевшее...

Нет, это явь! Громяхают колёса вагона, мелькают мимо окна телеграфные столбы, и кусты, и немые весенние поля, и медленно уходит, уплывает назад цепь обнажённых, безжизненных сопок...

Впрочем, всё это может пригрезиться и во сне. Но это не сон, когда пухлый валенок пассажира с верхней полки долго и деловито шарит по моей голове, стараясь найти точку опоры посolidнее, и не сон, когда в боку настойчиво сверлит острым и ужасно жёсткими локтем сосед, а с другого боку атакует другой сосед, желая выгадать себе больше местечка из тех двух с половиной дюймов, что приходится по развёрстке на его долю. А табачный дым, а пыль, крупная вагонная пыль (падая на голову сидящего против меня железнодорожного чиновника, каждая пылинка производит порядочный шум, вроде барабанного боя), а специфический аромат китайского чеснока, густой массой застывший в воздухе, а ругань, и гам, и визг гармоники!

Слава Богу, слава Богу, все эти вагонные прелести происходят наяву, ощущаются сразу всеми пятью органами внешних чувств и даже некоторыми наиболее чувствительными внутренностями.

Слава Богу, всё это явь!

Одиннадцать лет!

Целая полоса жизни! Целая эпоха!

А дай-ка, всё-таки, протру глаза.

А вдруг?..

Тёплые проводы. Все милые, знакомые, дружеские лица, поцелуи, напутствия. С эскем поцеловался!

Прощай, Благовещенск! Прощай, Амур, вольный простор зейских лугов, угрюмая тишина тайги! Прощайте, дымки степных пожаров, прощайте!

– Вернёшься ещё! – уверенно говорит Андрей Степаныч, гидротехник, старый коренной сибиряк [1]. – Ты теперь привык к простору, к

вольному воздуху. Задохнёшься там, в Расее. Вернёшься!

– Дудки! Ах, Андрей Степаныч, там теперь весна! Всё цветет! И люди, и природа!

– Пустоцвет там всё! – отрезает сибиряк. – Лапти плетут у вас там, а здесь дела делают. Вернёшься!

Со мной едет И.И. Иванов-Полежаев [2], каторжанин, участник Кронштадтского восстания, минёр. Ему «повезло»: осуждённый на 20 лет каторги, он прислан был на постройку знаменитой «колесухи» [3], амурской колёсной дороги, откуда бежал в первый же год. И всё время до амнистии жил в Благовещенске под именем Афанасия Фёдоровича Полежаева.

А после переворота немедленно вновь стал И.И. Ивановым и принял деятельное участие в организации благовещенской группы социалистов-революционеров, а теперь едет домой. В Благовещенске он долго мыкался с одной службы на другую, неоднократно принуждён был удира́ть от полиции за город, но сумел всё-таки уцелеть.

И ещё едет с нами Фёдор Васильевич Дрожжин [4], он же Георгий Иванович Макаров, он же Иван Васильевич Денисов, он же... Да разве можно упомянуть весь православный календарь, последовательно перепробованный милым Фёдором Васильевичем в качестве временного своего заглавия! Ему тоже «везло». Он тоже в первый же год бежал с «колесухи» и где только не был, и чем только не был! В тайге – приисковым фельдшером, в городах Забайкалья – конторщиком, в Германии – эмигрантом, а теперь – сотрудник эсеровской газеты, основываемой нами в Благовещенске [5]. Он ещё не домой едет, он ещё не хочет ехать домой, а в город Алексеевск [6], по делам газеты, налаживать связи.

Едем молча. Не хочется говорить. Не знаю, что чувствуют товарищи, а я переживаю сплошной дикий телячий восторг.

11 лет! Пришёл я в Сибирь румяным жизнерадостным парнем [7], а отсюда увожу окладистую бороду, близорукие глаза, тысячу ревматизмов во всём теле, морщины на лбу и «гм... совсем нехорошее сердце»... [8]

Умиление! Несёмся мимо разъезда, и вижу женщину, сторожиху, с зелёным флажком в руке.

И вот же – глупо! – навёртываются слёзы, глупые слёзы телячьего восторга.

– Путь в свободную Россию открыт! Смело неситесь на поля свободной родины!

Это как будто говорит баба. А она, чай, думает о хлебах, сидящих в печи, о непоеном телёнке, о ребятах, о муже, ушедшем на войну.

Поезд идёт по обрыву, почти над самой Зеей. Лёд ещё крепок, и долго ещё он будет лежать, а в «России» сейчас уже весна, реки прошли, и на юге цветут яблони.

Навстречу весне!

Мы несёмся навстречу весне с холодных безжизненных полей Сибири!

2. Кое что о «колесухе»

...Вечер. В тёмный закопчённый фонарь проводник вставил зажжённую свечу, но никаких «последствий» не наступило; наоборот, стало как будто ещё темнее. В воздухе не только что топор – тяжёлую пушку можно повесить. Дышишь и чувствуешь, что лёгкие наполняются щебнем и заливаются цементом, и он твердеет, и вот-вот вся груда превратится в кусок скалы, которую не взорвать и динамитом. Отворить бы окно, но в поле страшный холод и ветер, да и нельзя отворить окна: не отворяется, забито, заколочено.

Уже не первый год терпят пассажиры злосчастной Амурской железной дороги муку мученическую; протестуют, пишут жалобы, шлют письма в редакции газет, ругаются, проклинают свою жизнь, проклинают мудрых правителей дороги, но, конечно, без всякого результата. И слагают, в конце концов, новую частушку про инженера Зееста (начальник дороги) [9] и в ней отводят душу.

Мы сидим трое на таком пространстве, где нельзя усесться порядочной сушёной вобле, сидим, давим полегоньку друг друга и ведём тихую беседу.

И вот И.И. Иванов начинает рассказывать про «колесуху». Рассказывает спокойно, с добродушным юмором, с лёгкой усмешкой, но свежему человеку такой «юмористики» долго не вытерпеть.

– Перед нашим приходом, – рассказывает И.И. (я, конечно, только пересказываю, а не дословно передаю его рассказ) – конвойным сказали, что идут, мол, московские «иваны» [10], потому, мол, ребята, держите ухо востро. Вот мы пришли, высадили нас на берег, стал нас конвой принимать. Только и слышно: хлясь! хлясь! раз! То прикладом, то зуботычина. Мне тоже порция досталась. Повели в степь. Дождик пошёл, холодище чертовский.

А уже ночь. Конвойные погавкали меж собой, решили ночевать в поле. «Ложись и не шевелись!» Легли мы. Натянули халатики, лежим. А холодина, дождик! Мокнем. Под тело течёт, но повернуться нельзя. Чуть пошевелишься – раз! приклад! Изловчаешься перевернуться как-нибудь под халатом, чтобы хоть чуть-чуть от лужи отодвинуться – глядь, заметили, раз! Скверная была ночь!

Рассказывает И.И. про работу на «колесухе». И рисуется жизнь поистине кошмарная. «Хлясь!» – «Раз!» – «Прикладом» – «Раз в зубы!» – «Как хватит по лицу!» – если сосчитать, сколько раз повторялись эти выражения в рассказе И.И., получишь в итоге солидную цифру.

– Понравится конвойному подушка (кой у кого были подушки), подходит: «Что, земляк, не продашь ли подушку?» «Да мне самому, землячок, нужна!» И вот начинается: утром, господи, благослови, на проверку – приклад! На «урок» идти – другой. Чуть чего сплосшал – третий. Дует, дует целый день, подумашь: «С чего это он?» – «Подушку из тебя выбивает!» – скажет кто-нибудь из товарищей. Тут сообразишь. Утром опять подходит. «Ну, как, земляк, насчёт подушки?» – «А сколько дашь?» – «Гривенник!» – «Бери!» Рад сам ему целковый заплатить.

– Не выработал урок – наказание: заставят надеть на себя котелок, палатку, кайлу и – марш бегом к лагерю! Летишь, а сзади конвойный! И, ведь, идиот: самому-то тоже бежать не легче, сопит, пыхтит, пот с него градом, а бежит, не отстаёт. Так и летишь с ним, дураком, к лагерю. Споткнулся – приклад, упал – приклад.

– До смерти? Нет, до смерти не забивали. А так: сегодня избыют, а завтра, глядишь, тащат в мертвецкую – это бывало.

– Задумал я бежать. Приготовил сухарей. Выбрал направление. Вечером. Ударился в сопки (ходил без кандалов, столяром при команде был). Два дня пёр лесом, нарочно шёл по таким местам, где даже зверю пройти трудно. На третий день подхожу к реке. Вижу, люди. Двое. Увидали меня, манят рукой. Оказалось, поселенцы. Они-то меня и снабдили вольной одеждой, я в арестантском был. Ну, дали мне штаны, пиджачишко, шапчонку, тут я совсем вздохнул. Дунул дальше, по деревням, добрался до города – слава Богу! В городе кое-как устроился.

Кончил И.И., стал рассказывать Ф.В. Дрожжин. Тоже: «хлясь! раз! как он мне даст!»

Маленький он, нежный, тшедушный. Хрупкий, слабосильный. Как он вынес эту «колесуху»?

Правда, он скоро убежал. И это было его спасением. Не выдержал бы, как не выдержали многие, над чьими костями сейчас маячат посеревшие, побуревшие сосновые кресты.

3. По Амурке

Глубокой ночью притащились в Алексеевск. Здесь сразу стало просторно в вагонах, вышло много публики.

В моё распоряжение поступила целая полка, и, не теряя ни секунды, я разлёгся на ней, стараясь занять как можно больше места, чтобы оградить себя от компании какого-нибудь случайного пассажира. После некоторых усилий удалось заполнить собою всю полку, и только в ногах оставалось вершка полтора свободного места.

Но это было не страшно: достаточно маленького пинка, и претендент на эти вершки ощутит большие неудобства, а вторичный пинок заставит его увидеть себя на полу, стоящим на четвереньках, с большим бесплатным приложением на лбу.

К счастью, новых пассажиров не было, зато по вагонам пошли какие-то люди с фонарями в руках, пытливно осматривавшие пассажиров. Люди эти имели на лицах выражение крайне таинственное, чрезвычайно серьёзное и в высокой степени решительное. Можно было подумать, что в Алексеевске организовалась вольная дружина мудрецов Диогенов, поставивших целью во что бы то ни стало отыскать в нашем вагоне того пресловутого совершенного «человека», которого так и не мог найти старый греческий чудак. Предводительствовал дружиной человек настолько длинных статей и размеров, что делалось страшно за ввинченные в потолок вентиляторы, которым угрожала серьёзная опасность от столкновения с головой дружинного вождя. Утвердив правую ногу у одной двери вагона, а левую – у другой, вождь пропустил под собой, как под аркой, всю свою дружину и, сказав: «тут нет, дальше!», занёс ногу в следующий вагон, причём незаметно сбил носком ботинка банку с вареньем, стоявшую на верхней полке, а каблуком повредил верхнюю челюсть китайца, спавшего там же.

После я узнал, что эта странная процессия объяснялась просто: отряд алексеевских милиционеров во главе с товарищем Чекотило [11] искал в поезде жандармского полковника Глиноецкого [12], арестованного в Алексеевске и отправленного в Благовещенск. Прошли слухи, что благовещенский комитет безопасности освободил Глиноецкого и отправил с поездом куда-то, так вот алексеевцы и решили своего бывшего охранителя изловить. Но слух оказался вздорным, и обход товарищем Чекотило поезда никаких результатов, кроме случайной поломки кое-какого пассажирского багажа и двухтрёх пассажирских же челюстей, не имел.

Третий звонок, толчок, и опять запели, зажурчали колёса.

Спать!

Ярко-солнечное утро. Струи жидкого золота бьют в окно вагона и суетливо переливаются по стенкам, падают на пол, бегают, ищут что-то, и золотая пыль танцует в воздухе.

Вагон колыхается, как лодка в бурю, как люлька под рукой нетерпеливой няньки, вот-вот опрокинется и тогда – прощай всё! И не увидишь российской весны, и не услышишь родных степных жаворонков!

На всех станциях, над вокзалами, на шпилях красные флаги, ещё совсем новые, с полочки. «Да здравствует» – а дальше всё, что есть хорошего на свете: «демократическая республика», «свобода», «равенство, братство!», «федеративная республика» и т.д., и т.д.

А какие разговоры в вагоне, а какие песни, а какие звуки издаёт старая, дореволюционная «та-льянка» там, в соседнем купе!

Мальчишки-газетчики кричат:

– Граждане, вот газеты «Эхо», «Утро», очень интересно!

– Давай сюда, гражданин, – басит бородатый купец, или кто он там, высовываясь из вагона (вчера вечером под напором пассажиров было выдавлено окно в соседнем купе, и на ночь его пришлось завесить старым одеялом, великодушно пожертвованным для общей пользы гражданкой с чёрными глазами, едущей в Читу).

На вокзалах чувствуется какая-то пустота. Чего-то недостаёт. Чего? Долго-долго ломаешь голову и, наконец, догадываешься: жандарма!

Недостаёт этой великолепной усатой, упитанной, монументальной фигуры, олицетворявшей самодержавный кулак, дробивший зубы грешников, каковыми была вся Россия.

Нет жандарма – и не полна, не закончена картина маленького станционного вокзала.

Милиционер в старом драповом пальтишке, в пимах, с повязкой на руке и огромной саблей через плечо, добродушный, улыбающийся милиционер щёлкает кедровые орешки – «сибирский разговор» – на месте прежнего усатого олимпийца-охранника, и как-то не верится самому себе: а вдруг я захочу обнаружить свою неблагодарность и высморкаюсь в красный платок – кто защитит Россию от гибели, которая неизбежно проистечёт от сего революционного акта?

– Товарищ, а где здесь кипяток? – с таким будничным вопросом обращается к милиционеру мой сосед-солдат, и в ответ слышит не грозное: «Сокрушу!», а мелодичное, с маленьким хрипцем:

– А вона, товарищ, подале отхожего, на отлёте, где – видишь, вон чёрная чушка бегит.

Так говорит милиционер, а сбоку к нему уже подходит китаец и с улыбкой просит прикурить.

А пятилетняя Соня [13], только что умывшаяся, румяная, быстроглазая, вся – как птичка, как жаворонок, уже ходит по вагону и звонко-щебежуще поёт:

Отречёмся от старого ми-и-ра,
Отрясём его прах с наших ног!...

4. По Амурке

Я люблю ездить по Амурке. Ни на одной иной железной дороге не встретишь столько приключений, не приобретёшь столько жизненного опыта, не потеряешь столько в весе и в количестве отдельных частей собственного тела.

На любой российской железной дороге, садясь в вагон, всегда бываешь более или менее уверенным, что приедешь именно туда, куда нужно. И эта уверенность усыпляет ум, успокаивает душу, притупляет фантазию, и едешь тихо и спокойно, без заботы о завтрашнем дне, и это отнимает у путешественника всю его поэзию.

На Амурке пассажир в вечной тревоге: а вдруг впереди сгорел мост, и вместо Пензы [14] сразу попадешь прямым сообщением в царство небесное?

А вдруг паровозу надоест тащить вагоны и он оторвется и галопом удерёт в тайгу, и придётся организовывать из добровольцев погоню и стрелять, и кричать, и будоражить всю тайгу, чтобы выпугнуть беглеца снова на линию, и накинуть аркан на трубу, и вновь заставить его возвратиться к несению прямых его обязанностей?

А вдруг ночью на разъезде машинист перепутает пути и поволокёт нас назад, придётся давать срочную телеграмму, чтобы выслали навстречу опытного путевого сторожа, чтобы, помахав руками и покричав басом: «Куда прёшь, леший! Ишь, носит тебя!» – он заворотил наш паровоз назад и помог отыскать ему правильное направление.

Под 7 апреля [15] в моей записной книжке написано: «Скоро (?) Амазар. Поезд стоит среди поля. Утро».

– Товарищ кондуктор, это какой разъезд?

– Никакого разъезда нет, паровоз чего-то забастовал.

Выхожу из вагона. Группа пассажиров двигается по насыпи к паровозу. Оказывается – депутация к паровозу, уговаривать его пройти ещё вёрст двенадцать, до станции. Куда! И слушать не хочет! И только когда седобородый купец побожился, что на станции будут свежие дрова, да, кроме того, пассажиры согласны в складчину купить полпузда кедровых орехов, паровоз, запыхтев, поплёлся дальше, меланхолично помахивая хвостом.

– Садись, товарищ! – крикнул кондуктор и попытался засвистеть, но свисток захрипел, как простуженный медведь, так что из окна вагона кто-то крикнул:

– Смажь свисток-то, язви те в пимы!

В этот же день на какой-то маленькой станции мы наслаждались бесплатным угощением от железной дороги. Около вокзала, в ограде, был врыт большой котёл и под ним горели дрова. Оказалось, что это – водогрейка. Особого помещения для неё нет, и кипяток изготавливается прямо на дворе. Пассажиры обступили котёл и принялись черпать старой ржавой банкой из-под консервов, к которой была приделана жидкая проволока. Неизвестно, значит ли этот инструмент по казённой описи. Дело шло туго, пассажиры обваривали руки и ноги, но когда какой-то китаец, для ускорения дела, хотел начать черпать старой резиновой калошей, послышался единодушный протест, ибо кипяток и без того был густ и многообещающ. Некоторые, наполнив чайники, пытливым взглядом заглядывали в них, потом нюхали, потом немедленно выливали на землю, потом в раздумье чесали затылки: взять ли новую порцию или там ещё гуще будет? Потом шли в вагон.

Красные флаги вьются на станциях, красные бантики на одежде пассажиров, красные разговоры, красные песни.

А по горам – красным тоже, – красные цветы багульника, словно красное знамя.

Сплошная демонстрация!

Ещё не изжиты медовые дни революции. Ещё праздник. И речи праздничные, и лица праздничные.

В станционных киосках такая масса газет! И какие! Сказали бы два месяца назад, что, вот, мол, 7 апреля на станции Амазар будем покупать «Правду», и «Землю», и «Волю», а единственный оставшийся экземпляр «Дела народа» прямо из-под носа выхватит какой-то особенно прыткий пассажир – о, кто бы этому поверил два месяца назад!

Весь день продолжаешь быть в том же теплом восторге, как и вчера, и третьего дня, и конца этому восторгу не видится.

Да, вот когда начинаешь чувствовать вкус жизни!

И как-то обидно, и грустно, и нехорошо становится на душе, когда из соседнего отделения доносятся возгласы, свидетельствующие, что там идёт яростная схватка в преферанс.

К чёрту карты. Граждане, вы посмотрите-ка, газеты-то, газеты-то. Ведь это же...

Утром приедем в Куэнгу.

ХРОНИКА ТЕЛЯЧЬЕГО ЭКСПРЕССА

1. На высоте

– Осторожней, товарищи, это моя голова!
– Нам всё равно, абы опереться.
– Да ведь этак мы оба чебурахнемся.
– Ладно, ты кричи, когда будешь падать.
– Да уже падаю! Сними ногу!
– Куда же я тебе её сниму? Дай слезть-то! Вот чудак! Ежли будь тут приступки, а то сам видишь, окромя твоей головы некуда ногу поставить. Чать тоже понимаем.

– Да ведь больно, чёрт возьми!
– Терпи! Больно! Канешно, больно! Небось будет больно. Чать мы понимаем.

– Ну, скорей же! Ну, прыгай! Эка, солдат, а прыгнуть боится!

– Напрыгаешься! Чать я тебе не блоха. Прыгни-ка тут, башкой об рельсу!

Такой разговор вели двое: я, старавшийся забраться на крышу теплушки, и неизвестный солдат, спускавшийся с крыши. Я стоял на буфере, а солдат на моей голове. Моё положение было безвыходное, но положение солдата не лучше.

Наконец, кое-как, ступая по моим плечам и царапая носками сапог по стене теплушки, солдат сполз на другой буфер.

Тогда я стал карабкаться вверх и после довольно длительной возни всполз на крышу. Там уже было человек восемь. Самое выгодное место, около трубы, было уже занято, я сел поодаль и стал озирать окрестности.

Собственно, никаких окрестностей не оказалось. Слева тянулись бесконечные ряды пустых вагонов, справа, на перроне вокзала, кишел огромный людской муравейник. Все крыши нашего поезда были усеяны пассажирами. Кое-где виднелись женщины. Какой нечистый помог им забраться на крышу – уму непостижимо.

Густой гул стоял вокруг. Похоже было, что часа через два в этом месте начнётся светопреставление, и всякий, кто ещё хотел мало-мало пожить, спешил попасть на поезд и удрать. Лезли в окна. Садились на тормоза. Осёдлывали буфера. Царапались на крыши. И все кричали, ругались, визжали, пели, хохотали.

Поблагодарив Бога за то, что удалось найти такое хорошее местечко, я сел как можно удобнее и собирался вздремнуть, ибо 14 часов стоял в очереди у кассы и чувствовал некоторое расположение ко сну. Но заснуть не удалось, так как на крышу началось целое переселение народов. Лез-

ли и лезли, наконец, столько набралось, что мы стали протестовать. Что же, мол, товарищи, аль вам других крыш нет? Вот, глядите, сзади, там каких-нибудь 20 человек занимают целую крышу. Это уж совсем по-буржуйски. Там ещё человек 15 поместится, а они на-ка, расселись! Ступайте туда, товарищи. Чать нынче свобода, всякий на любой крыше может ехать.

Послушались, перешли. Остался у нас как раз полный комплект: человек 30.

Второй звонок.

– Ну, товарищи, поддержишь! Держись плотней. Цепляйся друг за дружку! Зубами за ноги!

Третий звонок!..

Свисток.

– Крути, Гаврила! [16] – несётся со всех крыш.

– Гаврила, накручивай!

Паровоз жалобно взревел и двинулся вперёд. Не тут-то было!

– Гаврила, подпрягайся! – командуют с крыш.

Еле-еле сдвинувшись с места, загромыхал наш поезд.

На первых порах тряска совсем не ощущалась. Да и понятно: человек 60 сидит в каждой теплушке, да человек 30 на теплушке, да человека по 2 на каждом буфере – тут такая тяжесть получается, что все неровности полотна выровнять можно за один присест.

– Как к мосту – голову беречь, – советуют опытные путешественники. Впрочем, кто на свою голову надеется, тому ничего!

– Аль по себе знаешь?

– Тут, брат, такое знатё: трахнет, и – Митькой звали! [17]

– Опять же – какая голова! Иной башкой весь мост изломать можно.

– Весь не весь, а пролёта два прочистишь, ежели, скажем, из вятских.

– Норови так, чтоб лбом вперёд, чтоб отдача получилась.

Вообще началось острословие.

Поезд плетётся тихо. Да и не раскатишься с такой нагрузкой.

Убаюкивает. Бессонная ночь даёт себя знать. Дремлется. Порой испуганно вспорхнёт мысль: «А вдруг свалишься?»

И успокаиваешь себя: «Да, чёрт возьми, не всё ли равно? Какая разница?»

С задних крыш доносится писк гармошки. Скоро, пожалуй, кто-нибудь и в пляс пойдёт?!

2. «Крути, Гаврила!»

На следующей за П. [18] станции произошёл казус: начальник станции категорически отказался

пустить поезд дальше, до тех пор пока на крышах теплушек будет сидеть хоть один человек. И так как за спиной начальника молчаливо стоял взвод стрелков с винтовками «на-плечо!», охотников спорить немного нашлось. Правда, сперва раздавались голоса протеста, но очевидная ненормальность путешествия на крыше создавалась всеми.

Не могу умолчать, что некоторую роль в данном случае сыграл и я. Боже сохрани, я совсем не хочу чем-либо хвастаться! Меня моя роль занимала больше с чисто внешней, декоративной стороны. Именно, не могу себе представить зрелища более достойного кисти художника, как тот момент, когда я, встав на крыше во весь рост и махая для чего-то в воздухе шапкой, произносил речь о подчинении распоряжениям Временного правительства в лице начальника станции и о неудобствах путешествия на крыше. Если моя речь и имела положительные результаты, то это я приписываю не своему ораторскому таланту, а всецело энергичному маханию шапкой, что многими, очевидно, было принято за колдовство и напущание порчи.

После переговоров с начальником станции было выторговано обещание, что через час после отхода поезда будет снаряжён второй, дополнительный, специально для крышных пассажиров. По правде сказать, плохо верилось в этот дополнительный поезд. И грустно было провожать глазами крышу теплушки, с которой за этот перегон уже успел сжиться и почувствовать в ней тихое пристанище.

Поезд ушёл. Послышались свистки «кукушек», составляющих «наш» поезд. Через два часа он был готов.

№ 427,471 – такая цифра стояла на теплушке, в которую водворились мы в числе 15 человек, предварительно разбив надколенные чашечки и разодрав локти при взлезании в этот ковчег. Матросу-черноморцу посчастливилось даже приобрести порядочный нарост на лоб при столкновении с вагонной стенкой. Появление этого нароста и его прогрессивное увеличение, происходившее в спешном порядке на наших глазах, кое-кому внушило радужные мысли: вот, мол, нам на дорогу и говядина.

Я взгромоздился на верхний настил и опочил на лаврах. После пятиминутного опочивания обнаружилось, что в вагоне уже и без нас достаточно было населения, настроенного явно враждебно ко всяким пришельцам. Наступил период великого чесания и оживлённой облавной охоты по всем частям тела. Борьба велась с большим ожесточением с обеих сторон.

– Ну, что, товарищ, козявки есть? – спросил матрос с наростом, располагаясь рядом со мной.

Я отвечал утвердительно.

– Ну, и хорошо! С ними веселей. Всё как будто работа.

Второй звонок.

– Ну-ка, Гаврила, подкрути! – раздаётся команда.

Третий звонок, рывок паровоза, и заплясали наши грешные тела по деревянным полатам. Затрясло, как в лихорадке.

Но народ всё подобрался бывалый. Вот уже послышалась песня, вот и гармоника запиликала. Жиденский, медовый тенорок лукаво дребезжит:

Прежде был извощик,
Звать его Володя,
А теперь – прапорщик.
Ваше благородье!

Подбрасывает к самому потолку. Доски барабанят отчаянно, разъезжаются. Трах, свалилась котомка, загремел чайник, бухнулись на пол сапоги...

– Крути, Гаврила! – кричит гармонист и тенорком продолжает:

Прежде была прачка,
Звать её Лукерья,
А теперь, гляди-ка, –
Сестра милосердия!

Бух! Это уже летит целый живой человек, сокрушая на своём пути связку сушек и сушёной воблы. Ударяется спиной о нижние полаты и явно недоумевает: жив иль нет?

– Крути, Гаврила! – кричит гармонист.

Примечания

1. Очевидно, имеется в виду Андрей Степанович Лобанов – не «гидротехник» (очередная мистификация, либо «дружеская шутка» писателя), а известный репортёр, сотрудник газет «Эхо» (1912–1914) и «Амурское эхо» (1915–1917). А.С. Лобанов был номинальным (Чудаков – реальным) редактором-издателем сатирического журнала «Зея» (1914–1915). Андрей Степанович (Андрей Степаныч) – персонаж ряда опубликованных в двухтомнике Ф. Чудакова (2019) произведений: стихов («Под сорочьим гнездом», «Осенняя соната»), легенд («Сказание об аисте»), очерков («Под утёсом») и рассказов («Дождик», «Перед заутреней», «Воскресники»). Персонаж этот, как правило, описывается Чудаковым с большим юмором, как, например, в «Осенней сонате» (Эхо. 1914. № 1721):

Андрей Степаныч – общий наш приятель,
Лихой стрелок и тонкий дипломат,
Поэт в душе, а с виду – приискатель.
Морщинистый и бритый, как прелат,
Осанистый, как земский заседатель,
Сидит на пне, откинувшись назад,

И кажется угрюмым и сердитым,
Как воробей, больной аппендицитом.

2. Имеется в виду одно из самых громких событий первой русской революции – инициированное большевиками и эсерами вооружённое выступление матросов Балтийского флота и части гарнизона Кронштадта 19-20 июля (1-2 августа) 1906 года. За участие в этом восстании были расстреляны 36 человек, 130, в том числе и персонаж очерков Чудакова, приговорены к каторжным работам, 316 – к тюремному заключению, 935 – к отбыванию наказания в исправительно-арестантских отделениях, 97 – в дисциплинарных батальонах.

3. *Колесуха* – Амурская колёсная дорога, трактовая дорога для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которая строилась с 1898 по 1909 силами крестьян-переселенцев, солдат и, в основном, каторжан.

4. Дрожжин Фёдор Васильевич (1888 – не ранее 1949), рабочий, участник революционного движения с 1904 г., вёл работу в социал-демократических и эсеровских организациях. В 1907-м по этапу был отправлен на каторжные работы на Амурскую колёсную дорогу, откуда позже бежал. Об условиях пребывания там – избиениях, издевательствах конвойных и надзирателей, телесных наказаниях, убийствах каторжан – позже рассказал в воспоминаниях: *Дрожжин Ф.В. Колесуха // Красная новь. 1936. № 4. С. 118–167. В марте 1938 г. Дрожжин был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной меньшевистской организации. 26 мая того же года приговорён ОСО НКВД к 8 годам ИТЛ. В мае 1949 г. вторично осуждён и сослан на поселение.*

5. Имеется в виду газета «Народное дело» (1917–1918), в которой и были напечатаны путевые очерки «Навстречу весне». Как уже отмечалось, «Народное дело» начало выходить в Благовещенске с 15 (28) апреля 1917 года, редактором её на первых порах был Валериан Гаврилович Петров – учёный-мерзлотовед, журналист, публицист, сотрудник газет «Дело народа» и «Амурское эхо», младший брат известного русского писателя С.Г. Петрова (Скитальца). Однако уже с 27 мая (с № 33) в качестве редактора издания Петрова сменил Чудаков. Следовательно, к этому времени, примерно через полтора месяца после того, как он «навсегда» покинул Приамурье и отправился на свою родину в Пензенскую губернию, сатирик уже вернулся в Благовещенск.

6. Алексеевск – город, основанный в 1912 г. при строительстве Амурской железной дороги и железнодорожного моста через Зею. В апреле 1917 г. городское самоуправление переименовало Алексеевск, названный так в честь наследника российского престола царевича Алексея, в город Свободный.

7. В сибирскую ссылку Ф. Чудаков угодил в 1906 году, когда ему исполнилось 18 лет.

8. «Гм... совсем нехорошее сердце» – очевидно, автор цитирует кого-то из амурских врачей, осматривавших его.

9. Зеест Борис Васильевич – инженер путей сообщения, выпускник Петербургского института путей сообщения (1900). С 1909 руководил укладкой пути и временным движением на головном участке Амурской ж.д. С 1910 – зав. временной эксплуатацией головного участка Амурки, с 1913 – руководитель временной эксплуатации западного участка дороги. Начальник западной части Амурской ж.д. (от Куэнги до Благовещенска) и зав. работами по её достройке. Зеест упоминается в стихотворных фельетонах «В вагоне» (Амурское эхо. 1916. № 489) и «Суд Париса» (Эхо. 1915. Прибавление к № 1788), а также в очерках «В “столицу” Приамурья!» (Амурское эхо. 1916. № 477, 481, 486). Все эти произведения включены в двухтомник Ф. Чудакова.

10. «Иваны» (дореволюционный воровской жаргон) – главари преступных группировок.

11. Чекотило Андрей Маркович (1886–1968) – из ссыльнопоселенцев, в апреле 1917 г. председатель Комитета общественной безопасности г. Алексеевска.

12. Глиноецкий Константин Игнатьевич (1858–?) – полковник, в 1917 г. начальник жандармского управления Амурской железной дороги, в последующем – в Белом движении и эмиграции.

13. Возможно, вымышленным именем Соня автор называет свою пятилетнюю дочь Наташу.

14. Пенза – промежуточная цель поездки Чудакова, направлявшегося из Благовещенска на родину – в город Чебар Пензенской губернии.

15. Упоминание в очерках этой даты (причём дважды) в привязке к станции Амазар, позволяет сделать вывод, что из Благовещенска Ф. Чудаков выехал 4 апреля 1917 года.

16. *Крути, Гаврила!* – так в начале XX века в народе шуточно именовали дрезину, которая приводилась в движение мускульной силой и использовалась железнодорожниками для служебных поездок при осмотре пути. В конструкторском отношении дрезина была проста: состояла из лёгкой рамы на четырёх колёсах, на небольшой платформе – скамейке с подножкой, на которой помещались два-три старших чина. Сзади располагались рабочие, которые вращением рукояток приводили дрезину в движение.

17. *Митькой звали* (простор., шутол.) – фразеологизм, означающий внезапное, безвозвратное исчезновение чего-либо, чаще всего человека.

18. Под П., очевидно, подразумевается ближайшая от Куэнги (в юго-западном направлении) станция Присковая (ныне Нерчинский район Забайкальского края), расположенная у впадения Нерчи в Шилку. Подтверждает это предположение и упоминаемый в предыдущей части очерков железнодорожный мост, о балки которого, подъезжая к станции П., можно разбить голову (если не пригнуться, сидя на крыше теплушки). Похоже, что речь идёт о мосте через Нерчу, находящемся на подъезде к станции Присковой (с восточной стороны).

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

В предыдущем, 18-м выпуске нашего альманаха была напечатана подборка материалов, посвящённых 90-летию со дня рождения В.М. Ступникова (1929–2017). Юрий Павлович тогда охотно откликнулся на просьбу и написал воспоминания о своём предшественнике на ректорском посту: «Василий Михайлович – это целая эпоха». На презентацию номера, которая состоялась 20 декабря в конференц-зале Амурской областной научной библиотеки, он, правда, не пришёл, хотя обещал, собирался – буквально накануне сильно простудился, потерял голос, занедужил.

Тем не менее, и в страшном сне не мог я тогда представить, что всего через пять месяцев жизнь Юрия Павловича оборвётся, а спустя год в той же печальной рубрике «In memoriam» мы будем вспоминать уже о нём – человеке, которого тоже можно назвать «целой эпохой». Эпохой и в жизни университета, и, думаю, в судьбах многих людей, которым посчастливилось с ним долгие годы общаться, трудиться, дружить. Можно, конечно, приводить весомые аргументы и многочисленные примеры в пользу такой оценки, но, думаю, в данном случае это лишнее: все, кто знал Ю.П., понимают, чувствуют это и сами.

Первые мои воспоминания о Ю.П. Сергиенко относятся к 1990-м, к той поре, когда он был деканом физмата. Уже тогда он обращал на себя внимание поистине выдающимися деловыми качествами: тем, что на заседаниях Учёного совета университета, на производственных совещаниях метко высказывался едва ли не по каждому обсуждаемому вопросу, уточнял, вносил дельные предложения. По всему было видно, что он вникает в самую суть вещей и потому легко находит оптимальное решение. Обнаруживая при этом цепкий, живой ум, незаурядные аналитические способности, а главное – горячую заинтересованность во всех университетских делах.

Позже, когда он стал ректором, мне открылись другие поразительные качества Юрия Павловича – человеческие, душевные. Он был из той редкой, почти уникальной породы руководителей, каждая встреча с которым – у него ли в кабинете, в вузовском ли коридоре, на улице, в поездках – непроизвольно вызывала улыбку

Юрий Павлович Сергиенко
(12.03.1949 – 17.05.2020)

на лице, повышала настроение, ощущалась как что-то очень приятное, радостное. И не только потому, что Юрий Павлович практически всегда оказывал поддержку кафедре, буквально на лету схватывал перспективные идеи и находил возможность помочь в их осуществлении. Главное – обаяние его личности, тепло, которое он излучал, неподдельный интерес, который обнаруживал при обсуждении любого вопроса. Ни к чему, с чем я приходил к нему на приём, он не относился формально, ни от чего никогда не отмахнулся. Поддерживал, а порой и сам выступал инициатором, «генератором идей». Это касается и издания альманаха «Амур», и создания литературно-краеведческого музея, и публикации подготовленной в рамках гранта РГНФ «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» и многого, многого другого.

У меня есть и личные причины хранить в своём сердце благодарную память о Юрии Павловиче. Расскажу только об одном случае.

После возвращения летом 2001 года из докторантуры, когда остро встал «квартирный вопрос», Юрий Павлович, несмотря на все сопутствующие трудности, помог решить его, и в начале 2002-го мы с женой въехали в новую «двушку» на Амурской, недалеко от пересечения её с улицей Чайковского.

А через два года, осенью 2004-го, на кафедру неожиданно заглянул Ю.П.:

– Как квартира, хорошо ли устроились, не тесно?

– Спасибо, Юрий Павлович, квартира нам очень нравится!

– А может, подумаем о перспективе? Есть возможность переехать в другую – трёхкомнатную: готовили её для одного из выпускников докторантуры, а он решил не возвращаться в наш вуз.

Предложение ректора мало сказать удивило – застало врасплох. Вместо того чтобы сразу, пока он не передумал, согласиться, я ответил что-то невразумительное: мол, даже не знаю, нужно посоветоваться с женой... Юрий Павлович понимающе улыбнулся: «Хорошо, подходите завтра – вместе съездим, посмотрите свою новую квартиру».

Однако жену то, что я ей рассказал, не обрадовало: «Нет, никуда переезжать не собираюсь: квартиру отремонтировали, обустроили, меня всё в ней устраивает, да и район замечательный». Переубедить её не удалось, как ни старался.

С тем назавтра и явился к ректору: «Спасибо, Юрий Павлович, но переезжать не будем – жена категорически против». Настала очередь удивить-

ся ему. Когда же я изложил аргументы, он, мягко улыбаясь, произнёс:

– А давайте всё-таки съездим все вместе туда, тем более что я уже и с водителем согласовал время поездки. Посмотрите сами и тогда уже окончательно решите...

Ну а когда через несколько часов распахнулась дверь и перед нами открылась наполненная ярким солнечным светом просторная трёхкомнатная квартира, все доводы «против» улетучились. Вопрос решился мгновенно. Новый, 2005 год, мы встречали уже в этой чудесной квартире – ныне живом напоминании о необыкновенном человеке, благодаря которому пятнадцать лет назад произошло нечто невероятное, радующее нас и сегодня.

Когда я иногда рассказываю эту историю своим знакомым из других городов и вузов, они обычно отвечают: «Не может этого быть!.. Таких ректоров в природе не существует! И в принципе быть не может! Ты придумал это...»

Да, наверное, другого такого ректора в природе не существует. Или, скорее, их очень мало. Но, ручаюсь, я ничего не придумал. Всё было именно так...

На призыв редколлегии «Амура» поделиться своими чувствами, размышлениями о Юрии Павловиче Сергиенко откликнулись его коллеги, друзья. Воспоминания, в которых предстают разные грани личности этого удивительного человека, вся жизнь которого была связана с нашим университетом, мы и предлагаем вниманию читателей альманаха.

*Александр Урманов,
главный редактор альманаха «Амур»*

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ТОВАРИЩА

Безвременный уход Юрия Павловича для многих людей, хорошо его знавших, стал событием очень болезненным. Фактически личной потерей. Необходимость высказаться о нём привела к мысли о том, что не смогу ограничиться только лишь воспроизведением запомнившихся черт его личности, какими-то отдельными деталями и эпизодами, что само по себе тоже важно и нужно. Из подобной мозаики возникает нечто более общее. Но в отношении Ю.П. с моей стороны этого было бы недостаточно. Всё же на протяжении долгих лет он являлся ректором БГПУ, определяя курс вуза и неся ответственность за многих и многих своих подчинённых. А это уже эпизодом не явля-

ется. Иными словами, от общевузовских тем, как некоего фона жизни и деятельности Ю.П. на высоком посту, нам не уйти.

Мне кажется, что изначально он не готовился к высокой административной карьере. Какого-то подавляющего внутреннего желания, заставляющего всего себя подчинить этой цели, уверен, у него не существовало. Да, была работа в качестве декана физмата (1992–1998), а затем проректора по экономическим вопросам (1998–1999)... Но это становилось, как кажется, следствием не его целенаправленного рвения и нарочитой публичной активности («смотрите все!»), а того, что его

способности просто замечались сверху. Их трудно было не заметить. Кстати, именно в те годы, где-то в середине 90-х, начали вводиться первые образовательные стандарты для высших учебных заведений. Это было очень новым и непривычным, а чисто по-человечески для многих – чем-то не совсем желаемым (усвоение терминологии, перестройка учебного планирования, контроль за соблюдением появившихся нормативов и регламентаций и т.п.). Следовало многому учиться. Всем и, замечу, уже вполне солидным людям. Так вот, проводить несколько обучающих семинаров для деканов, их заместителей, заведующих кафедрами, членов методических комиссий было поручено именно Юрию Павловичу. В первую очередь, обращала на себя внимание его детальная и одновременно системная аналитика документов, всё сводилось воедино. Появлялись ясность и чёткость. Помнятся ощущения – он впереди всего нашего учебно-методического актива на несколько шагов. Уверен, нечто подобное чувствовали и другие. За этим следовал пусть не звонкий, громкий, выпуклый (с его натурой это не сочеталось), но устойчивый и растущий авторитет Ю.П. у многих сотрудников университета. Само же ректорство стало неожиданным поворотом судьбы, связанным с печальным событием: безвременной

кончиной в августе 1999 г. ректора А.И. Клинова. К тому времени Юрий Павлович занимал уже один из ключевых постов – проректора по учебной работе и своё назначение (министерским приказом) исполняющим обязанности руководителя БГПУ, а затем и избрание на эту должность коллективом университета, считал вполне естественным и обоснованным. С того времени мне, как одному из его заместителей, довелось работать с ним бок о бок целых пятнадцать лет.

Чем запомнились эти годы? Начнём с начала. Те самые «лихие девяностые», с их скудным финансированием (имею в виду рыночное кредо: каждый живёт, как он может, и тем доказывает свою состоятельность), постепенно отдалялись, хотя и не скоро. Звонки и поездки ректора, иногда совместные, в хозяйствующие структуры (тепло, вода, электричество) какое-то время ещё продолжались. К счастью, каких-то серьёзных катаклизмов не происходило. К тому же что-то наверху, в области государственной политики в сфере высшего образования, начинало меняться. Возникали возможности какого-то роста и развития. И здесь могу с определённой уверенностью сказать: Ю.П. умел мыслить перспективно и стратегически. Не ситуативно, а долговременно и разнопланово. Од-

В День учителя. Октябрь 2007 г.

С ветеранами Великой Отечественной войны: С.Г. Бугрименко (слева)
и Г.А. Груздевым. 9 мая 2009 г.

ной из главных задач становилось закрепление в вузе преподавательских кадров, в первую очередь специалистов высшей квалификации. Это было тем более актуально на фоне немалых потерь, которые университет понёс в предшествующий период, в уже упомянутые 90-е. Кто-то уходил из системы высшего образования в поисках более высокооплачиваемой работы, а кто-то – в другие вузы города, государственные и частные, где, по мере их развития, открывались новые вакансии, в том числе и учебно-административные (руководство кафедрами, деканатами и т.п.). Для многих возникали новые жизненные перспективы. Процесс, можно сказать, вполне естественный. Говоря об этом, я очень далёк от какой-то критики или осуждения. Но то было фактом. Очень чувствительным и болезненным. Тем более что в абсолютном своём большинстве таковыми являлись люди 30–40 лет. То есть те, кто мог выстраивать и обеспечивать дальнейшую перспективу развития БГПУ. Помню, как в преддверии первой для нового состава ректората аттестации вуза (позднее – комплексной проверки, ныне – аккредитации) в октябре 2000 г. мы имели почти 50-летний средний возраст преподавательского коллектива, а по проценту кандидатов и докторов наук по ряду специальностей не дотягивали до требуемых показателей. Введены же они были буквально за несколько месяцев до приезда комиссии. Как принято было говорить, «западали» и некоторые другие цифры. (Кстати, они, эти цифры, постепенно

становились в нашей системе всё более и более определяющим критерием оценки очень многого, если не сказать всего.) Полагаю, такая ситуация имела место в вузах не только нашей области, но и других регионов. Правда, от осознания того было не легче. Ту самую аттестацию московское министерство всё же утвердило. Но аккредитационное свидетельство (т.е. официальное подтверждение соответствия вуза установленным государственным критериям) выдавалось не на пять (что максимально), а всего на два года. И с условием, что достижение требуемых параметров к положенному сроку мы обоснуем всевозможными программами развития, планами, отчётами и бог знает чем ещё. Скажу так: более напряжённого периода работы для себя и моих коллег по ректорату припомнить сложно. Трудовой день доходил до ночного рубежа, пока работники министерских структур, с учётом разницы во времени, могли получить наши документы и вынести какие-либо вердикты. К чему я об этом? Поясню. Довелось видеть многих вузовских руководителей. Кто-то приезжал к нам. Где-то бывал сам. Не берусь судить об их компетентности и успешности, но в личностном плане восприятие бывало не всегда однозначным. Иной раз чувствовалось некое воспарение и упоение своим высоким положением: «У меня в университете...», «Я в детали не вмешиваюсь», «Поручил своим ребятам, потом с них спрошу». Ну, или что-то подобное. Образная стилистика, думаю, ясна. А вот Юрий Павлович был другим. И в те месяцы

всё время рядом с нами. В одном кабинете. До любого часа. Сейчас понимаю, может быть оттого, что осознавал (при этом даже нюансом не показывая) свои возможности, в чём-то превышающие наши. А может, потому что по-другому, с его точки зрения, было бы просто не по-товарищески. Именно так. Какое уж тут воспарение? Нет, только вместе. Не разделяя ответственности. Потом вдвоём (своего водителя в поздние часы он, как правило, отпускал) почти пустынной улицей шли с работы мимо недостроенного здания ОКЦ, тогда в просторечье «Бастилии». В руке Ю.П. обычно нёс пухлый портфель с документами, которые ему ещё нужно было отработать дома. Помнятся и наши разговоры. Чаше всего они касались завтрашнего рабочего дня. Думаю, что именно тогда и возникало чувство доверия к нему не только как администратору и управленцу, но и человеку и товарищу.

Имевшиеся трудности преодолеть удалось. Но не отчаянным рывком, а планомерной работой, которая год за годом приносила в итоге новые ресурсы для главного – развития университета. Естественно, что всё это было не на пустом месте. Пусть никого не удивит, но само по себе позитивным являлось то, что в 90-е вуз вообще сохранился. Тем более что по стране уже начинали проявляться тенденции некой перестройки структур системы высшего образования, а проще говоря, присоединения педагогических вузов к более крупным классическим университетам. В данной

связи вспомним добрым словом одного из предшественников Юрия Павловича на ректорском посту – Василия Михайловича Ступникова. Он, кстати, продолжал свою трудовую деятельность в качестве главного специалиста университета ещё более десяти лет, занимаясь подготовкой, редактированием и выпуском справочной, агитационной и монографической литературы о БГПУ. Его сохранение в коллективе как работника и консультанта (помню их длительные разговоры один на один в ректорском кабинете) Ю.П. считал принципиально важным. Связь поколений не прерывалась.

Тем не менее, надо было идти вперёд. Скажу о главном, в чём роль ректора, как инициатора действий, была основной. В короткий срок появилось несколько, и это было впервые, новых специальностей непедагогического профиля в сфере информационных, экономических, химических, социальных и гуманитарных наук, что значительно расширяло привлекательность вуза среди абитуриентов. Открывались новые направления аспирантуры. Возник международный факультет, на котором ежегодно обучалось до двухсот иностранных студентов, в первую очередь, конечно же, из КНР. В 2007 г. на нашей базе начал действовать Институт Конфуция, разрешение на работу которого за рубежом давалось в Китае, как известно, на весьма высоком государственном уровне. Весомо расширился спектр программ в

Со студенческим активом. 2005 г.

Летний лагерь студенческого актива «Авангард». 2010 г.

сфере дополнительного образования для школьников города и региона. Приток слушателей ежегодно возрастал, ибо высокая персональная педагогическая и предметная подготовка преподавателей БГПУ была издавна хорошо известна.

Всё сказанное (а может, и что-то неупомянутое) давало большую возможность оперировать внебюджетными, то есть самостоятельно заработанными средствами. Они шли на долгожданный ремонт и современное оборудование учебных аудиторий, многие из которых оставались неизменными чуть ли не с начала 60-х годов, когда вуз заново отстраивался после перенесённого им крупнейшего пожара.

А где-то с 2006–2007 гг. определились с необходимостью более глубокой и всесторонней оценки уровня подготовленности наших студентов. Не для внешней отчётности, а для себя. Делалось это разными способами, в том числе, традиционно, на месте, в стенах самого университета. Именно тогда, к примеру, зародилась практика федерального электронного тестирования учащихся БГПУ в онлайн-режиме с использованием внешних проверочных материалов. Иные способы были до того времени менее привычными и куда более затратными. Университет, к немалой радости студентов, начал активно отправлять их (индивидуально и командами) на всевозможные учебные и научные конкурсы, олимпиады, состязания спортивного и культурного профилей. В разные, подчас далёкие

от нас регионы. В отдельные годы финансировалось по несколько десятков подобных поездок. Часто результаты превосходили ожидания. Побед и призов было немало, что, конечно, ректора очень радовало. Мы начинали осознавать свои позиции в сравнении с другими вузами. Они становились весьма достойными.

Особо важно, что в серьёзных объёмах финансовые средства направлялись и на научную деятельность. Имею в виду не только с годами увеличивавшееся число конференций, экспедиций, командировок, изданий, открытие научных лабораторий. Или, допустим, создание музейно-научного комплекса БГПУ (археологического, литературно-краеведческого, биологического, зоологического профилей), ставшего одной из визитных карточек вуза. Сейчас о другом. По решению ректора с какого-то времени университет начал брать на себя очень значительную часть расходов на подготовку кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук), которую раньше соискатели научных степеней несли сами. Справиться же с этим мог далеко не каждый. Имею в виду компенсацию затрат на проезд, публикации, проживание в других городах и т.п. А немалому числу преподавательских семей предоставлялись квартиры.

Новые приоритеты многое изменили. Сокращалась текучесть кадров. Стабилизация ситуа-

ции была налицо. Число защит резко возрастало, доходя иными годами почти до двух десятков. Подтягивались и другие, те, упомянутые выше, цифровые показатели, характеризующие различные стороны жизнедеятельности университета. Последующие аккредитации 2005 и тем более 2010 гг. мы проходили пусть и не без напряжённой подготовки всех звеньев коллектива, но фактически без нежелательных для нас проблем. А с 2012 г., когда министерством ежегодно начал осуществляться жёсткий мониторинг эффективности вузов, БГПУ ни разу не оказывался за этой чертой. Вышесказанное, думаю, явилось главной причиной того, что педагогический университет в нашей области смог сохранить свою самостоятельность, несмотря на неоднозначную позицию в разные годы отдельных региональных руководителей. Как-то не с руки стало требовать от вполне успешного вуза его добровольного присоединения к кому-либо.

Кстати, на Дальнем Востоке БГПУ фактически остался единственным чисто педагогическим университетом. Другие в нулевые годы один за другим переименовывались, становились социальными или гуманитарными, исключая из своей аббревиатуры слово «педагогический», как бы стесняясь своего изначального предназначения. За этим следовало их растворение в более крупных структурах. Известно, что в тех коллективах имели место определённые возражения, которые, однако, не были услышаны. И правда, вот чем отличается, допустим, новый социально-гуманитарный университет от просто университета? Будет ли успешной такая форма? Останется ли здесь подготовка учителей делом самым важным, абсолютно приоритетным, как этому надлежало быть именно в профильном вузе? Время покажет. Юрий Павлович к подобному формату относился скептически. Да и со стороны становилось видно, что многое из ранее в спешке оптимизированного (в образовании, здравоохранении и т.д.) давало результат отнюдь не позитивный. Иногда доходило до абсурда. Весной 2012 г. мы были приглашены в один из кабинетов областной администрации. Как раз предпринималась очередная попытка нашей реорганизации. Не стану останавливаться на дискуссии. Она не была простой. Ю.П., как обычно, был корректен (всегда завидовал его выдержке), но напряжение имело место. Лицо слегка багровело, голос становился глуше. Наш визави (ею была женщина), мне казалось, несколько нервничала, будучи недовольной его позицией, а может, той задачей, которой ей поручили безуспешно заниматься. Да и общественное мнение складывалось не в пользу этой идеи. Судить можно было хотя бы по форумам местных

информационных агентств. Запомнилось одно высказывание. Смысл примерно такой: в знак протеста коллектив БГПУ выйдет на площадь, демонстрантов окружит милиция, которая затем перейдёт на сторону своих бывших преподавателей, чтобы защитить свою Альма-матер. И ничего ни у кого не получится. Я показал этот пост Ю.П. Реакция была неожиданной. Улыбаясь, начал вспоминать, кто из его друзей и студентов работает в силовых ведомствах. Потом уже серьёзно о том, что немало наших выпускников было и есть во властных структурах, среди вице-губернаторов и вице-мэров (произносились имена), что в школах их абсолютное большинство (назывались проценты) и что БГПУ за долгие годы стал жизненным фактором региона. С горечью продолжал: «Неужели не понять, что вуз нужен области?» Закончил же с сомнением и жёстко: «Вот если варяги в её руководстве, то – нет!» Впрочем, вернусь к рассматриваемому эпизоду. Нам было предложено обсудить ещё один вопрос. Почти сразу почувствовал сильное смущение нашей собеседницы. Вскоре стало ясно почему. Последовала неожиданная просьба: привлечь студентов БГПУ к присмотру (!?) за детьми дошкольного возраста. Оказалось, ранее сеть детских садов Благовещенска сильно поредела, а ныне многим работающим семьям не с кем и негде оставлять своих малышей. Удивлению не было предела. Не от самого рассказа, об этом все уже прекрасно знали. А от способа действий, призванного устранить трудности, которые сами себе и создали. Невольно с Ю.П. переглянулись. Одни и те же вопросы готовы были слететь с языка: «А зачем их закрывали? Не произойдёт ли подобное с учителями, если исчезнет БГПУ? Чем та давнишняя ошибка будет отличаться от возможной нынешней? Может, лучше обойтись без скороспелых решений?» Но по взгляду ректора понял, что лишнего обострения не нужно. Морально уязвлять кого-то он никогда не считал правильным. Кто умный, тот и сам поймёт. Хозяйка высокого кабинета и без наших вопросов всё понимала. Ей было явно неудобно...

Отдельный разговор о его преподавательской работе. На физмате Ю.П. вёл курсы методики преподавания физики и астрономии. На фоне своей ректорской деятельности никогда не воспринимал это как что-то второстепенное. Экзамены принимал обстоятельно. Бывали ситуации, когда они совпадали со срочными вузовскими делами. Приходилось идти в аудиторию и уже там согласовывать какие-то действия или текст документа. Чаще всего присаживался за отдельный стол, чтобы внести коррективы, указанные ректором. Невольно становился свидетелем

С китайскими друзьями

происходящего. Для Ю.П. экзамен не был формальностью и не ограничивался простой схемой «билет-ответ-оценка», где преподаватель лишь слушает и оценивает. В таких случаях всё можно закончить довольно быстро. Признаюсь, иногда так поступал сам, ибо своих забот в должности проректора хватало всегда. Поневоле выстраивались приоритеты. Казалось, что берёт время для более важного. Он же с каждым студентом работал долго и тщательно, что-то пояснял, показывал, измерял на приборах. Другими словами, продолжался процесс обучения. На мои просьбы, когда обстоятельства того особо требовали, уложиться побыстрее, обычно соглашался («да-да, сегодня постараюсь недолго»). Но в ректорский кабинет возвращался зачастую под конец рабочего дня, зная, что незаконченные дела придётся решать допоздна. До какого-то рационализма или прагматики здесь было далеко. Да он их и не искал. В учебных лабораториях ему действительно было интересно. Всё же педагогическое начало в нём, думаю, превалировало над административным.

Вновь о его натуре. Удивительно, но сейчас мне кажется, что я никогда не видел его злым. Он мог быть огорчённым, озабоченным, изредка несколько сердитым, но не могу припомнить случая, чтобы он говорил о ком-то с ненавистью, кого-то проклинал, чтобы на лице его было ожесточение. Злоба и агрессия были ему чужды.

Совершенно отсутствовал руководящий гонор, сознание собственной значительности, черты зазнайства, превосходства, настырной напористости. В этой связи работать с ним было легко. Непросто же оттого, что он являлся действительно сильным профессионалом во всех сферах вузовской жизни и человеком достаточно проницательным. Поэтому скрывать свои оплошности и недочёты вовсе не следовало. Не любил торопиться, принимать решения наспех и импульсивно. Взвешивал, сопоставлял. Не сторонился и не отталкивал коллег, уповая на свою занятость. Душевная расположенность к людям, его врождённая деликатность, открытость объясняли то, что люди к нему шли и далеко не только в официальные часы приёма по личным вопросам. Был скромнён по сути, что, думаю, осознавали все, ибо искусственная игра в скромность и застенчивость перед лицом большого коллектива была бы невозможна. Такая вот внутренняя, естественная честность являлась для него состоянием глубоко органичным. Очень и очень многие об этом будут помнить всегда.

Юрий Малиновский,

*главный специалист отдела
лицензирования и аккредитации БГПУ,
проректор по отделению заочного
обучения (1990–1999),
первый проректор (1999–2014)*

ОН ИЗЛУЧАЛ ТЕПЛО

Когда я вспоминаю о Юрии Павловиче Сергиенко, сразу вижу его глаза: добрые, искрящиеся смехом, наполненные невероятным теплом, которое составляло, как мне кажется, глубинную суть его личности. Он излучал тепло. Тепло и свет.

Он был астрономом – наблюдал за небесными телами, отстоящими от нашей планеты на сотни, а то и тысячи световых лет. Но всё равно эти звёзды можно увидеть с Земли – и не только в телескоп. Для меня он был и остался в памяти человеком, чей свет виден издалека.

Так случилось, что важные события моей жизни оказались связаны с Юрием Павловичем. Это, конечно, моё вступление в БГПУ – уже не студенткой, а специалистом с дипломом кандидата наук. После возвращения из аспирантуры я совмещала работу на кафедре с деятельностью пресс-секретаря вуза, а потом и редактора газеты «За педагогические кадры». На этих постах я проработала бок о бок с Юрием Павловичем шесть лет, в течение которых встречалась с ним практически ежедневно. Он всегда был очень скромным и тактичным человеком и даже если указывал на какие-то недостатки в работе, делал это так, что не было обидно, наоборот, хотелось расти и двигаться вперёд. И ещё вся моя семья бесконечно благодарна Юрию Павловичу за возможность получить квартиру и за то, что мы с мужем смогли продолжить образование в докторантуре и на каждом этапе – от поступления до защиты – чувствовали поддержку ректора.

Я и мои коллеги признательны ему за помощь во множестве значимых для кафедры, факультета и всего вуза проектов. Так, мне вспоминается зима 2003 года и встреча с замечательным поэтом Леонидом Завальнюком в его московской квартире. Тогда мы заговорили о возможности организовать визит поэта в Благовещенск и провести в нашем университете серию мероприятий, позже получивших название «Дни литературы в БГПУ». С этой идеей я по возвращении из командировки в январе 2004 года пошла к Юрию Павловичу. Времена были трудные, бюджетных денег хватало только на самое насущное: зарплаты преподавателям и стипендии студентам, обеспечение хозяйственных нужд. Казалось, визит поэта в БГПУ в эти статьи расходов никак не вписывался. Но Юрий Павлович идею поддержал, пообещал найти деньги для организации поездки Завальнюка из внебюджетных средств. Программа мартовских «Дней литературы в БГПУ» с участием Леонида Андреевича была очень насыщенной: выставка картин, мастер-класс для начинающих поэтов, выступление перед студентами, приветственное слово на конференции для учителей, аспирантский семинар, творческий вечер Завальнюка. И Юрий Павлович приходил на эти мероприятия. Я люблю пересматривать фотографии тех дней. Здесь ректор и поэт сидят за одним столом, беседуют, с симпатией и воодушевлением глядя друг на друга.

А сколько было таких событий, не оставленных добрым вниманием и поддержкой нашего

Встреча с Леонидом Завальнюком в БГПУ. Март 2004 г.

На конференции «Россия и Китай». Муданьцзян, май 2016 г.

ректора! В 2002 году стал выходить альманах «Амур». На первой его странице Юрий Павлович обратился к читателям: «Хочется надеяться, что это замечательное начинание не ограничится первым номером – мы верим, что у “Амура” большое будущее, потому что главная цель нашего альманаха – дать возможность талантливым людям сделать свои творческие искания доступными для сотен и тысяч тех, кому небезразлична судьба духовности, для кого культура и нравственность – не только слова». Эта надежда Юрия Павловича стала реальностью: альманах при поддержке руководства БГПУ ежегодно открывает читателям новые имена и произведения, внося свой вклад в культурное развитие региона.

Поддержал Юрий Павлович и другое детище нашего факультета и международного отдела БГПУ – конференцию «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества», проводимую в БГПУ с 2011 года. И не просто поддержал – с энтузиазмом помогал. Помощь эта была неоценимой! За годы на посту ректора и проректора Юрию Павловичу удалось то, что не удавалось его предшественникам и коллегам – руководителям других вузов: наладить очень тесные, дружественные отношения с вузами КНР, в первую очередь с Хэйхэским университетом. Благодаря

этому многие вопросы, возникавшие во время проведения конференции, особенно её «китайской» части, быстро решались.

Вспоминаю один из таких эпизодов. 2016 год, делегация участников конференции, в состав которой входил и Юрий Павлович, прибыла в Муданьцзян. И пленарное заседание, и культурную программу принимающая сторона организовала просто отменно. Ректор университета в Муданьцзяне – большой друг Юрия Павловича – сделал всё, чтобы каждый член делегации почувствовал себя дорогим гостем. Смотрю сегодня на фотографию, где на траве мы, участники, позируем фотографу. Юрий Павлович улыбается в объектив. И таких воспоминаний из памяти выплывает очень много, каждая встреча отчётливо помнится. Потому что рядом с ним было тепло.

Мне трудно примириться с мыслью, что больше этих встреч не будет. Звезда погасла. Но свет от неё продолжает идти через Вселенную. Я вспоминаю добрые глаза Юрия Павловича Сергиенко. И мне становится тепло. Хотя и хочется заплакать.

Наталья Киреева,
профессор кафедры русского языка
и литературы БГПУ

ЗНАЙТЕ, КАКИМ ОН ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ...

Юрий Павлович Сергиенко возглавлял БГПУ пятнадцать лет – с 1999 по 2014. Мне посчастливилось работать с ним в одной команде – на посту проректора по науке.

Пожалуй, это были самые счастливые годы в моей профессиональной жизни. Думаю, нечто подобное ощущают и другие члены нашей команды. Мы были молоды, полны сил и энергии, в хорошем смысле амбициозны, перед нами стояли серьёзные задачи, требующие полной самоотдачи, постоянного напряжённого труда. Юрий Павлович, на мой взгляд, был подлинным лидером (не только по должности, но и по человеческим и деловым качествам), способным объединить и ректорат, и весь коллектив университета – ради достижения жизненно важных для вуза целей, ради его выживания и успешного развития.

Все эти годы были до краёв наполнены самыми разнообразными делами, всё в нашей жизни было подчинено решению важнейших стратегических задач, в определении которых Юрий Павлович играл ключевую роль. Ключевую, но

не единоличную: общая стратегия была результатом размышлений, споров, обсуждений коллектива единомышленников.

Стратегия эта не могла не учитывать, что в данный период эффективность вузов стали определять через процедуру мониторинга, учитывающего как качественные, так и количественные показатели. Мы понимали: чтобы результаты мониторингов были успешными, нужно ещё теснее сплотить преподавателей, сотрудников, студентов. Под руководством Юрия Павловича вёлся активный поиск наиболее эффективных форм работы по всем направлениям образовательной деятельности. Мы стремились повысить уровень подготовки кандидатов и докторов наук, добивались высокого качества научных и учебно-методических материалов, издаваемых в БГПУ, но главные усилия направляли, конечно, на подготовку для школ Амурской области учителей, обладающих всеми необходимыми для успешной работы компетенциями. Старались не забывать и о воспитательной работе со студентами, которая направлена была, прежде всего,

Заседание приёмной комиссии. 2010 г.

На Песчанке

на формирование патриотов – и своей страны, и alma-mater.

В памяти всплывают первые наши совещания, проводимые Юрием Павловичем. На них всегда царила деловая, творческая, дружеская атмосфера: ректор вовлекал всех нас в живое обсуждение назревших проблем. На совещаниях этих шёл поиск нестандартных решений, позволяющих университету выйти из сложнейших ситуаций, которые периодически возникали. Юрий Павлович запомнился прежде всего мудрыми советами, которые свидетельствовали о его богатом жизненном и профессиональном опыте, умением находить ответы на сложнейшие вопросы, деликатностью, скромностью. Доверие к нему рождалось сразу.

Писать о Ю.П. Сергиенко и легко, и сложно, поскольку был он человеком и обычным, простым, и, с другой стороны, особенным, не похожим ни на одного из нас. Он многого добился в жизни: окончив школу в далёкой северной деревне, откуда в непогоду трудно было добраться в Благовещенск, поступил в БГПИ

на физико-математический факультет, затем пошёл служить в армию, после чего работал в должности ассистента кафедры физики и заочно обучался в аспирантуре одного из московских вузов. Его научные интересы были сосредоточены на методике преподавания физики и астрономии. Целеустремлённость, трудолюбие, упорство, ответственность всегда помогали Юрию Павловичу в жизни и профессии. Он достойно прошёл все ступени карьерного роста: лаборант, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор; он занимал должности заведующего кафедрой, декана, проректора по экономике, по учебной и воспитательной работе, ректора.

Как преподаватель он нацелен был на постоянное совершенствование своих лекций, практических и семинарских занятий, на поиск и применение новых, отвечающих духу времени форм и методов обучения.

Юрий Павлович любил делиться своими знаниями. Помню, с каким увлечением рассказывал он нам, проректорам, о звёздном небе, о плане-

тах, когда после рабочего дня возвращались домой (какое-то время мы все жили недалеко друг от друга). В эти минуты он загорался, весь буквально светился.

Вспоминаю его предельно ответственное отношение к подготовке заседаний Учёного совета университета: сначала совместно подробно, в деталях обсуждали основные вопросы, затем построчно – проект решений (ему всегда импонировало грамотное изложение).

Не ошибусь, если скажу, что Юрий Павлович был одним из самых демократичных ректоров вуза за всю его историю. К нему шли все, причём в любое время и с любым вопросом. Студенты – за материальной помощью, их родители – с просьбой дать возможность пересдать экзамен их нерадивым чадам, кавээнщики – за финансированием их участия в конкурсах. Ректор внимательно выслушивал преподавателей: кто-то просил предоставить командировку, кто-то – стажировку, кто-то хотел попасть на курсы повышения квалификации. Нередко его просили помочь найти выход из труднейших жиз-

ненных, бытовых ситуаций. Поразительно, но факт: его хватало на всех. Он спешил прийти на помощь, очень переживал, если не удавалось поддержать своих коллег. Неудачи университета Ю.П. Сергиенко принимал на свой счёт, добивался скорейшего исправления ошибок, радовался успеху каждого из нас. Юрий Павлович старался не пропускать любимые им конкурсы педагогического мастерства, с готовностью встречался со студентами, отвечал на любые их вопросы. В последние годы особенно значимы для него стали торжественные линейки, посвящённые Дню знаний, встречи с абитуриентами, фестивали.

Юрий Павлович был интересным, авторитетным собеседником, к его мнению прислушивались, когда он представлял БГПУ на городском, областном и региональном уровнях, в Совете ректоров вузов города. Его часто приглашали выступить с лекциями и беседами, в основном профессионально направленными. Помню, как после совещания в Министерстве образования и науки в Москве ректор БГПУ и

Хореографический ансамбль «Ровесники» на сцене актового зала БГПУ

День рождения

я, как преподаватель французского языка, были приглашены на Всероссийский семинар франкофонов в Курский государственный университет. Участие в нём оказалось перспективным. Юрий Павлович блестяще выступил с докладом о внедрении и распространении французского языка в школах нашей области, о деятельности кафедры и университета в этой сфере. В 2007 году на базе нашего университета посольство Франции организовало подобный семинар для учителей и преподавателей французского языка Дальнего Востока с участием экспертов ведущих зарубежных вузов.

Нашего ректора тепло принимали в коллективе народного художественного ансамбля танцев «Ровесники», выпускники которого часто становились студентами БГПУ.

Что касается взаимодействия с китайскими коллегами, это отдельная яркая страница в истории БГПУ и Хэйхэского университета. Бесконечные переговоры делегаций двух вузов, личные симпатии, деловые и дружеские отношения их руководителей привели к созда-

нию международного факультета, организации и проведению конкурсов русского языка для китайских студентов, совместных спортивных соревнований, традиционных праздничных концертов. Юрия Павловича хорошо знали во многих учебных заведениях КНР, в мэриях китайских городов, с большим желанием встречались с ним. Для многих китайцев он был настоящим русским другом.

Человек публичный, он стремился совершенствоваться, находил время для знакомства с новинками художественной литературы, для посещения выставок, увлекался научно-популярными фильмами, делился мнением об увиденном и услышанном.

Юрий Павлович был хорошим семьянином. Гордился старшим внуком, который окончил физмат, а затем учился в магистратуре в Новосибирске. С особой теплотой рассказывал о своих внучках, об общении с ними, выражал надежду, что и они, может быть, когда-нибудь будут учиться в вузе, который окончили три поколения Сергиенко.

В свободное время любил выезжать за город, где, по его словам, шла «стройка века» (сам строил дачу), сажал фруктовые деревья, выращивал овощи. Считал работу на свежем воздухе возможностью отдохнуть, спокойно обдумать университетские дела.

Юрий Павлович умел ценить дружбу. Я знаю, что у него была традиция встречаться со своими бывшими одноклассниками, имелись у него и надёжные, верные друзья – семейная пара, с которой он встречал каждый Новый год, отмечал памятные даты и просто общался.

Не помню случая, чтобы Юрий Павлович повысил на кого-то голос, тем более унижил человека. Единственное, что он мог позволить себе, – тактично сделать замечание, что действовало порой сильнее, чем порицание, упрёк.

Встречались, конечно, и те, кто говорил об излишней мягкости ректора. Да, мягкость, человечность ему были свойственны, но назвать это недостатком нельзя. Такие черты характера и помогали сплотить коллектив университета. В ответственных ситуациях, особенно во время прохождения вузом государственной аккредитации, ректорат был как единое целое, напряжённая работа длилась иногда до двух-трёх часов ночи. Ректор, проректоры, деканы, заведующие кафедрами помогали друг другу, лаборанты, секретари несли ответственность за техническое оформление материалов. Переживали все вместе, радовались тоже. И таких серьёзных моментов в жизни университета можно насчитать огромное число. Подготовка высококвалифицированных

специалистов, получение грантов, проведение конференций, написание монографий, пособий, статей, организация и участие в конкурсах, соревнованиях, фестивалях, юбилеи университета, тематические вечера студентов, торжественные встречи, посещения студенческих общежитий – Юрий Павлович никогда не стоял в стороне от всех этих дел: подсказывал, как сделать лучше, как избежать ошибок, поддерживал одарённых студентов и молодых преподавателей. Он не чулся советов опытных коллег, его можно было переубедить. В такие минуты Ю.П. Сергиенко проявлял себя как ответственный, требовательный, понимающий руководитель. О человечности нашего ректора говорили и говорят многие. Он умел внимательно и терпеливо выслушать человека, правильно составить договор с преподавателем, обучающимся в аспирантуре или докторантуре, чтобы тот вернулся и продолжил работу в родном университете. Сколько слов благодарности в адрес Юрия Павловича прозвучало за эти годы!

К сожалению, нередко жизнь людей, которыми дорожишь, обрывается, причём внезапно. Именно так ушёл от нас Юрий Павлович Сергиенко. Горе и одиночество накрыло родных и близких, друзей и коллег. Но добрая память о Человеке и Учителе живёт и будет жить дальше.

*Татьяна Каргина,
проректор по научной работе БГПУ
в 1999–2016 гг.*

ТЫ БЫЛ ПРИМЕРОМ НАМ ВСЕГДА...

Памяти Ю.П. Сергиенко (1949–2020)

Ушёл из жизни ректор Юра,
Растаял в тишине,
Угас наш звёздный физик
В космической волне!

Тяжёлую утрату
«Метода» понесла,
Ведь целая эпоха
Совместно с ним ушла.

Он астрономию продвинул
На много лет вперёд,

Его «Вселенский» статус –
Больших идей полёт.

Руководство, мастерство
Как звёзды велики,
И двигают его идеи
Заслуженные ученики.

17.09.2020

*Сергей Ланкин,
профессор кафедры физического
и математического образования БГПУ*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИМПАТИИ Ю.П. СЕРГИЕНКО

К археологии Юрий Павлович с неизменным постоянством проявлял ярко выраженную симпатию. Будучи ректором, он немало сделал для развития амурской археологии, деятельно участвовал в планировании и осуществлении новых инициатив. Откуда это у человека, который по роду своих научных интересов должен был бы смотреть в небо, а не в землю?

Трудно сказать. Многогранная натура... В студенческие годы он каким-то образом оказался причастен к раскопкам, хотя студенту-физматовцу проходить археологическую практику было не обязательно. Видимо, попал Юрий Павлович туда не случайно и не по мобилизации «сверху», а добровольцем, по зову души.

Этот зов души и притяжение к археологии он пронёс через всю жизнь. Важным событием, вписавшим в этот жизненный путь возвращение в археологию и в молодость, стала экспедиция, организованная в 2000 году академиком А.П. Деревянко и ректорами БГПУ и АмГУ – Ю.П. Сергиенко и А.Д. Плутенко. Основной её маршрут проходил по реке Зее сплавом на теплоходе от города Зеи до Благовещенска. На каждом прибрежном значительном археологическом памятнике экспедиция делала остановку для организации новых разведок вокруг раскопов 1960–70-х го-

дов или для прирезки к старым раскопам новых, чтобы извлечь из них материал, необходимый для современных методик исследования (флотация почвы и т.д.).

Юрий Павлович наравне со всеми переодевался в рабочую одежду и в буквальном смысле погружался в землю, подавая пример энтузиазма, терпения, жизнерадостности и весёлой отзывчивости на крепкую шутку, которая частым образом сопровождает тяжёлый и утомительный труд мужской компании археологов.

Таким он был не только в экспедиции. Всегда.

На снимке – участники раскопок после напряжённого дня (экспедиция 2000 г., археологический памятник Громатуха, река Зей). Справа от Юрия Павловича – академик А.П. Деревянко, слева – ректор АмГУ А.Д. Плутенко. Все приняли серьёзный и важный вид, чтобы через минуту рассыпаться на весёлую помывку в реке и вскоре вновь собраться за ужином, который по обычаю затянется за полночь.

Андрей Забияко,
*профессор, зав. кафедрой религиоведения
и истории АмГУ,
выпускник БГПИ 1983 года*

СОЛНЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тем майским тёплым вечером не хотелось думать о работе, проблемах, а хотелось радоваться стремительно приближающемуся лету, мечтать об ароматном кофе и душевных разговорах с семьёй, с друзьями. А вот, кстати, Лена Лукина звонит... «Привет, Лен», – моё радостное в трубку и... тишина. Тишина, безысходность и какое-то гнетущее чувство беспомощности и непонимания происходящего.

Не стало Юрия Павловича...

Воспоминания о нём приходят ко мне часто: это может быть какая-то его реплика, выразительное словцо, поступок, эпизод или даже целая история. Непросто изложить их на бумаге, ещё сложнее удержать в памяти. Поэтому пусть будут здесь.

«Верные друзья».
На концерте,
посвящённом юбилею
Хэйхэского
университета

Моё первое с ним знакомство состоялось, конечно же, в стенах родного вуза. Мне, молодому сотруднику университета, нечасто доводилось встречаться с ним, но в среде студентов обсудить преподавателей – это же первое дело! Обсуждение физматовцами своего декана почти всегда заканчивалось фразой: «Клёвый мужик!» На языке студентов это означало «очень хороший человек».

Спустя несколько лет, когда Юрий Павлович возглавил университет, мне довелось убедиться в этом самой. Знаете, это когда из мелочей постепенно складывается целостный образ человека. Выключает свет в вузовских коридорах – хозяин. Не пропускает учебные занятия со студентами, ссылаясь на важность ректорских дел, – педагог. Не навязывает своё мнение, а тактично подводит к принятию самостоятельного решения – мудрый наставник.

Если бы я вела дневник, первая запись о Юрии Павловиче появилась бы в 2009-м. В том году студенческий педагогический отряд историко-филологического факультета «Всегда рядом», которым я руководила, отметил своё пятилетие и, получив из рук ректора грамоту за заслуги перед университетом, решил, что нужно выходить на другой, более высокий уровень. У нашего отряда были не только амбиции, но и непреодолимое желание рассказывать о родном БГПУ всем окружающим. Сопротивляться нашему напору было невозможно. Так родилась идея провести

«Связаны одной нитью».
С проректором
Хэйхэского
университета Чэ Юнхун.
Слёт молодёжи
«Мир, где нет чужих»

международный слёт молодёжи «Мир, где нет чужих». У проекта были все шансы «остаться на бумаге». Сложный в реализации, дорогостоящий, не обеспеченный профессиональными кадрами проект был представлен Юрию Павловичу. И поддержан им!

Май 2010 года. БГПУ и Хэйхэский университет в течение шести дней совместно проводят слёт «Мир, где нет чужих». Позади месяцы напряжённой подготовки, таможенные препятствия, недели переговоров и, как результат, смеющиеся лица студентов, «Подмосковные вечера» на русском и китайском языках, подписание ректорами вузов соглашения о сотрудничестве в сфере совместных воспитательных мероприятий.

Помню первые переговоры о проекте. Встреча проходила в Хэйхэском университете. Нашу делегацию возглавлял ректор БГПУ Ю.П. Сергиенко, делегацию Хэйхэского университета – ректор Сунь Сяньминь. Все знают об умении китайского народа вести переговоры, знал об этой особенности и Юрий Павлович. Виртуозно уступая в некоторых вопросах, проявляя настойчивость в других, наша делегация смогла достичь договорённостей в рамках планируемого бюджета. Уже тогда я заметила одну особенность в поведении Юрия Павловича при общении с китайскими коллегами: он как буд-

то не разделял собеседников на «своих» и «чужих». Я потом не раз убеждалась в его умении относиться к любому человеку с добродушием независимо от национальности или социального статуса.

«Мир, где нет чужих» развивался, дополнялся новыми формами, приобретал свои традиции и, конечно же, требовал не только финансовых вливаний, но и личного участия руководителя вуза. Я уже привыкла к тому, что во время переговоров или разговоров с партнёрами достаточно было сказать, что Юрий Павлович Сергиенко в курсе, и вопрос решался незамедлительно. Безграничное доверие к нему руководителей организаций, с которыми мы сотрудничали, говорило о том, что БГПУ в лице ректора всегда поступает «по совести».

Юрий Павлович обладал такими качествами руководителя, как решительность, быстрота реакции. Однажды эти качества помогли нам избежать серьёзных проблем. Двигавшаяся из загородного лагеря на таможенную колонна автобусов с китайскими и российскими студентами была задержана сотрудниками полиции. При проверке документов оказалось, что у одного из автобусов нет талона о прохождении техосмотра. По правилам вся колонна должна была прекратить движение до решения пробле-

мы. Пока мы сетовали на превратности судьбы, ругали законодательство и фантазировали на тему, как его обойти, к нам, оказывается, уже ехал другой автобус, срочно направленный Юрием Павловичем.

Март 2014 года. Студенческое сообщество готовится к празднованию юбилея ректора БГПУ Юрия Павловича Сергиенко. Все мероприятия продуманы до мелочей: шары, открытки, торт, подарки, но самое главное – эффект неожиданности. Сохранить от ректора такую масштабную подготовку было непросто, ведь в подготовке «сюрприза» участвовал практически весь коллектив вуза. Тем не менее, это удалось. Когда утром юбиляр, как обычно, зашёл в университет, его ждал настоящий (оказавшийся неожиданным для него) праздник – тёплый, искренний, душевный, такой, какой бывает в счастливой большой семье. Помню, в глазах Юрия Павловича тогда блеснули слёзы – слёзы человека, который оказался в кругу любящих его, родных ему людей.

Май 2020. В моём дневнике была бы пустая страница.

Понятие «хороший человек» трактуется по-разному. По моему мнению, у хорошего человека обязательно должна быть чистая, открытая перед людьми душа, любовь к окружающим, умение сочувствовать, прощать и помогать.

Я не знаю, как Юрию Павловичу удавалось всегда быть радушным, добрым и понимающим. Наверное, это особый дар и недюжинная работа над собой.

Таким он и останется в моей памяти – добрым, солнечным, улыбающимся, всё понимающим и всепрощающим!

Светлана Голубева,

*директор Регионального модельного центра
дополнительного образования детей,
декан факультета дополнительного
образования ГАУ ДПО «Амурский областной
институт развития образования»*